

С.У. Джалалбаев

Заникки кпаебегга

Жидасгузской городской
центральной библиотеке
от автора
Ажасидов
10.11.08г.

С.У. Дәткелбаев

Заналқил краеведа

Павлодар
2008

УДК 908
ББК 63.3(5Каз)
Д 40

Рецензент – доктор исторических наук, профессор
Ж.О. Артыкбаев.

Д 40 **Джаксыбаев С.И.**
Записки краеведа. – Павлодар:ЭКО, 2008. – 240 с.

ISBN 9965-08-283-9

В книге рассказывается о жизнедеятельности видного казахского певца-сказителя Бухар-жырау Калкаманулы и старшего султана Баян-Аульского округа, этнографа Мусы Шорманова, а также раскрывается этимология названия озер Калкаман и Ямышво. Небезынтересно будет узнать читателям в книге и правду о казачьем атамане Ермаке Тимофеевиче. Очерки построены во многом на архивных материалах.

Для широкого круга читателей.

УДК 908
ББК 63.3(5Каз)

ISBN 9965-08-283-9

Светлой памяти родителей
Имантая и Умыт посвящаю.

Автор

«Без прошлого не бывает настоящего. И в этом контексте необходимо изучить историю народа, творческое наследие предков».

Н.А. Назарбаев

«Нельзя любить народ, не уважая его предков».

Народное изречение

«Кто не помнит, тот не живет».

Старая истина

«Нет величия народа без величия его предков».

Народное изречение

«Творчество Бухар-жырау должно остаться в сердцах людей, воспитывая новые поколения в духе справедливости и человеколюбия. Казахстан достиг свободы, о которой в своих произведениях мечтал мудрец».

Н.А. Назарбаев

ГОМЕР КАЗАХСКОГО НАРОДА

Бухар-жырау

Неизгладимый след в истории Казахстана оставил великий певец, красноречивый оратор, всенародный ведущий бий (судья), главный идеолог и советник хана Аблая (1711-1781 гг.), политический деятель и дипломат своего времени, выдающийся представитель духовной жизни казахского народа XVIII столетия Бухар-жырау Калкаманулы. Бухар при жизни (после 45 лет) заслужил звание «Бухар-жырау». Жырау – в казахской устной поэзии наиболее

древний термин, чем акын (поэт). Само слово «жырау» происходит от слова «жыр» – песня. Словом, жырау – это прежде всего певец, поэт – импровизатор.

Излюбленный жанр жырау – толгау, то есть стихотворение-раздумье, стихотворение-размышление, с назиданиями, изречениями и афоризмами. Певцы-жырау, обладая большим поэтическим даром, в своих песнях давали мудрые советы, проповедовали идеи истины, добра, справедливости, соблюдения правил шариата, воспевали глубокие мотивы национального единства, выражали интересы простого народа, подчеркивали всемогущество природы и красоту чудесных творений.

Поэтому, как известно, в эпоху казахской государственности в XVI-XVIII веках певцы-жырау были признанной крупной политической силой в ханской ставке, занимали самое высокое положение в обществе, после хана, и были единственными людьми, имевшими право высказывать недовольство хану, а также считавшими своим долгом не только защищать его, но и направлять на путь истинный. Кроме того, многие жырау, по праву, считаются родоначальниками казахской литературы. Среди них – Сыпыра, Асан-Кайгы (Асан – Печальник), Казтуган, Шалкииз, Доспамбет, Маргаска, Жиёмбет, Ақтамберды, Татикара, Умбетей и, конечно же, знаменитый Бухар-жырау.

Бухар-жырау родился в 1685 г. на территории нынешней Республики Узбекистан в урочище Елибай вблизи древнего города Бухара. Поэтому название местности, где родился ребенок, по старой тюркской традиции было дано ему как имя. Здесь следует сказать, что казахи издревле название города «Бухара» произносили без последней буквы «а» просто «Бухар». Хивинский хан Абулгазы аль-Мухаммед (1603-1663 гг.) писал: «Имя Бухар на монгольском языке значит средоточие учености» [1,89]¹.

Во втором томе «Казахская советская энциклопедия» [2,532], в первом томе «Краткая литературная энциклопедия» [3,791] и четвертом томе «Казахская ССР, краткая энциклопедия» [4,169] годы рождения и смерти Бухар-жырау, на мой взгляд, указаны неправильно. Так, в них эти годы написаны: в первом источнике – 1668-1781, во втором и в третьем источниках – 1693-1787. В течение многих лет исследователи, изучающие жизнедеятельность Бухар-жырау, выдвигают разные версии о датах его рождения и смерти. Автор этих строк также, более 15 лет занимался выяснением места и года рождения Бухар-жырау и продолжительности его жизни. Все эти сведе-

¹ В квадратной скобке: первое число указывает порядковый номер использованной литературы или архивных фондов, а числа после запятой – страницы.

ния мною были определены на основе изучения известной эпической поэмы Кожаберген-жырау (1663-1762 гг.) «Елим-ай», творческого наследия Умбетей-жырау (1706-1778 гг.), воспоминаний прямых потомков Бухар-жырау Кабыкена Казиева и Бопежана Аяпбергенова, статей известного фольклориста Павлодарского Прииртышья, прямого потомка Богенбай-батыра (1680-1778 гг.) Казыбека Нуралина. Так, по рассказу Кабыкена Казиева Бухар-жырау прожил 102 года.

Сегодня известно одно – Бухар-жырау, на самом деле, был долгожителем, что подтверждают следующие строки из его толгау, обращенного к хану Аблаю:

Мне девяносто три года,
И продолжать дальше петь
Для меня будет непосильно.

Можно уверенно предполагать, так он воспел в 1778 г., то есть за три года до смерти хана Аблая.

Среди бухароведов есть две точки зрения по поводу времени ухода из жизни Бухар-жырау. Так, лауреат Государственной премии Казахстана Шот-Аман Ыдырысулы Уалиханов считает, что Бухар-жырау умер после хана Абылая, а по мнению известного филолога Кайыма Мухамедханова – раньше его. В действительности Бухар-жырау пережил Аблая, о чем подтверждает его толгау по умершему Аблаю [5,255].

Оплакивая смерть Аблая, Бухар-жырау говорил:

Ты многочисленных калмыков
Подчиняться себе заставил.
Ты боевой свой верный топор
Золотом украшал.
Рожью откармливал коней,
Силы ты их понимал,
И надо всей огромной степью
Дух твой грозой бушевал.

Отец Бухар-жырау Калкаман-батыр является правнуком Каржаса – младшего сына Мейрамсопы, потомки которого входят в состав племени аргын. Предводитель войска Тауке хана Калкаман-батыр погиб во время сражения с калмыками и похоронен на берегу соленого озера, находящегося в 70 км к западу от города Павлодар, и после этого озеро названо его именем.

А теперь попытаемся объяснить обстоятельства рождения Бухар-жырау в Узбекистане.

Как известно, потомки Мейрамсопы до первой половины XVШ века обитали: зимой на берегах Сырдарьи и песках Кызылкума; летом – на пастбищах центрального и северного Казахстана. В первой половине XVII века на юге Казахстана было два казахских ханства: Среднего жуза² со ставкой город Туркестан, Старшего жуза со ставкой город Ташкент. В то время правили: первым ханством Есим-хан, вторым – Турсын-хан. Временами отношения двух казахских ханов – Турсына и Есима обострились и доходили до военных столкновений. Так, в 1628 г. между ними в джизакской степи (в Узбекистане) была междоусобная война, где Есим-хан убил Турсын-хана и уничтожил его войска. После этой победы Есим-хан управление городом Бухара поручает отцу Калкаман-батыра Жолымбет-батыру. После, когда город Бухара переходил в руки династии Аштарханида, эмиром его становится султан Абд ал-Азиз, который назначает отца Бухара Калкаман-батыра аскербасы (главнокомандующим) своих войск. Вот в то время и родился Бухар-жырау.

Калкаман-батыр, отдав десятилетнего Бухара на учебу в медресе (мусульманскую духовную школу) Кокелдаш в городе Бухара, уезжает навсегда к своим сородичам на казахскую землю.

Бухара, когда в нем учился Бухар, считался крупным коммерческим и густонаселенным городом в Средней Азии, а также городом ученых и мастеровых. Бухара славился большими и

---

² Жуз – этнополитическое объединение казахских племен и родов.

маленькими мечетями и медресе, караван-сараями, торговыми лавками с богатыми драгоценными индийскими, персидскими, русскими, английскими, китайскими, арабскими товарами, многочисленными банями. В нем было более 50 искусственных водоемов, где вода обновлялась посредством канала, который пересекал весь город. Помимо узбеков и таджиков в Бухаре проживали и другие народы: казахи, туркмены, арабы, калмаки, каракалпаки, афганцы, лезгины, евреи, цыганы, персы. Здесь были сосредоточены лучшие слесари, котельщики, ювелиры, токари, столяры, башмачники, сапожники, пекари, оружейники, вышивальщики, художники, скульпторы, архитекторы, резчики по дереву.

В 1700 г. юноша Бухар окончил медресе Кокелдаш. Затем, он продолжает свою учебу в высшем ведущем мусульманском учебном заведении Сирии в городе Дамаске. После окончания этого учебного заведения, он в 22-летнем возрасте уже сформировавшимся философом возвращается в свой родной город, в Бухару. И здесь эмир принимает его на должность своего главного советника.

Когда же к власти Джунгарского³ ханства пришел Цеван-Рабтан (1697-1727 гг.), отношения казахского ханства с ним резко обострились, и началось вторжение калмаков (тюркское название западных монголов, самоназвание которых – ойраты) на казахскую землю. Бухар не мог больше оставаться на чужбине и переезжает в город Туркестан, где находилась ставка хана трех казахских жузов Тауке. Здесь ему была предложена должность мударриса⁴ в медресе, расположенном в 25 км северо-западнее Туркестана в небольшом городке Карнак. В этом медресе ученики изучали арабский, персидский и тюркский языки. Бухар вводит в программу обучения медресе новые учебные дисципли-

³ Джунгарское – название государства ойратов (группы западных монголов, русские называют их калмыками).

⁴ Мударрис – самое высокое звание в мусульманской образовательной системе.

плины: усул (законодательное правило), фараиз (порядок о праве собственности), мантык (учение о логике, мышлении, словесной дискуссии) и наху (углубленное изучение грамматики арабского языка). Кроме того, он, чтобы казахские дети лучше поняли основные правила мусульманского шариата, излагает их содержание песнями на казахском языке [6, 40, 47].

В это время Бухар, достигший уже первого периода зрелого возраста, как пишет его дальний родственник, доктор исторических наук, профессор Жамбыл Омарович Артыкбаев, женится на смуглой девице [6, 69].

Бухар вместе с выдающимися глашатаями единства казахского народа Толе бием, Казбек бием и Айтеке бием принимает участие в создании первого в истории Казахстана свода юридических законов «Жеті жарғы» («Семь установлений»), который в 1710 г. был одобрен на Каракумском съезде казахских биев трех (Старшего, Среднего и Младшего) жузов. Эти законоположения в русской научной литературе называются «Законами хана Тауке». Текст «Жеті жарғы» содержал нормы административного, уголовного и гражданского права, а также положения о налогах, семье и браке, землепользовании, спорах собственности, охватывая, таким образом, различные стороны жизни казахского общества. По этому закону за биями устанавливалась полнота судебной власти.

Отсюда можно заключить, что Бухар как ученый-философ, государственный деятель внес существенный вклад в укрепление политической власти хана Тауке.

Народ хранил законы «Жеті жарғы» в памяти в виде пословиц и изречений. Наиболее подробно эти законы были записаны русским исследователем А.И. Левшиным (1799-1879 гг.) в его книге «Описание киргиз-казацких и киргиз-кайсацких орд и степей» [7].

Впоследствии Бухар-жырау стал одним из влиятельнейших биев при дворе хана Тауке.

Исторические документы подтверждают, что Тауке был достаточно сильным правителем, последним из казахских ханов, чья власть территориально распространялась на все три жуза Казахстана.

Однако, после смерти хана Тауке (1718 г.) единство казахов пошатнулось: во всех трех жузах появились свои ханы, каждый род имел «своего» правителя, что приводило к межродовым распрям и междоусобицам. Такая раздробленность некогда единого казахского народа была на руку соседним джунгарским феодалам, которые весной 1723 г. начали неожиданное крупномасштабное захватническое наступление на казахскую землю. А казахи по своей беспечности, из-за разлада морально-политического единства, конечно, не успели сосредоточить какие-либо оборонительные силы против захватчиков. За короткий срок калмаки разбили казахских ханов, и полностью овладели южными районами Казахстана. Итак, казахи Старшего жуза попали под власть Джунгарского ханства, часть Среднего жуза откочевала к северу, часть ушла в Таджикистан и Узбекистан, а Младший жуз был оттеснен далеко на запад, к своим летовкам на границе с Российской империей. Поражение в этой войне было очень тяжелым: казахи потеряли две трети всего населения. Этот кровавый год оставил глубокую рану в сердцах каждого оставшегося в живых и вошел в историю казахского народа под названием «Ақ табан шұбырынды» («шествие белых пятков»), иначе говоря «Годом Великих бедствий». Видимо, как раз в это смутное время появилось известное изречение Бухар-жырау: «Враг казаха – сам казах».

После правления хана Тауке, Бухар-жырау не находит понимания с другими казахскими ханами, такими как Каип, Болат, Самеке, Абулмамбет, Кучук, Абулхаир, что послужило причи-

ной его ухода с ханской ставки в Туркестане. И он поселяется юго-западнее Баянаулинских гор, недалеко от восточной стороны горы Далба, в урочище Кызылтас среди потомков своего прадеда Алтынторы Еримулы. Дальнейшая жизнь Жырау проходит в скромных житейских делах и заботах. Судя по его собственным произведениям и сведениям, собранным его первым биографом и собирателем его творческого наследия, известным казахским поэтом – историком Машхур Жусупом Копеевым (1858-1931 гг.), Бухар-жырау не имел даже самого необходимого для степняка скота. Он прожил уже шестьдесят лет нелегкой жизни, когда среди правителей казахских жузов выдвинулся султан Абылай. Энергичный, прозорливый султан приблизил к себе знаменитого певца. С этого времени Бухар был признан не только как всеказахский жырау, но и стал наставником султана Абылая, а с 1771 г. – главным советником хана Среднего жуза Абылая. Жырау повсюду сопутствовал Абылаю, побывал во всех сопредельных регионах, граничащих с казахскими жузами. В этих нелегких походах он много лет ездил верхом на знаменитом коне бледно-серой масти по кличке Борте.

Хан Абылай в истории казахского народа занимает исключительное место. Он, как храбрый полководец и крупный государственный деятель, сумел сплотить разрозненный казахский народ на священную борьбу с джунгарскими завоевателями, и изгнал их навсегда с территории наших земель, и, тем самым, спас казахов от порабощения калмаками. Он возглавлял освободительную борьбу казахского народа против цинских⁵ войск и пытался объединить все три жуза в единое государственное образование. 28 августа 1740 г. он одним из первых сделал исторический выбор, добровольно признав подданство России [8, 152]. Поэтому академик В. В. Бартольд указывал, что «самым могущественным из ханов XVIII века был хан средней орды Абылай...» [9, 224].

⁵ Цин – правящая в Китае маньчжурская династия.

Известно также, что Абылай, одним из первых казахских феодалов, предпринял шаги в распространении в степи собственного земледелия, создание очагов оседлости. В начале 60-х годов он неоднократно обращается к царским властям с просьбами о строительстве дома в его кочевьях в Кокшетау, о присылке к нему «хлебопашцев с инструментами», «для обучения тому киргиз-кайсаку», рыболовных сетей и т.д. [10, 14-19].

Чокан Валиханов писал, что «ни один казахский хан не имел такой неограниченной власти, как Абылай. Он ... усмирил своеволие сильных родоначальников и султанов, которые ограничивали советом власть хана» [11, 116]. Власть Абылая в последние годы его жизни признавали владельцы Старшего и Младшего жузов. Несмотря на это, царское правительство России, избегая чрезмерного усиления ханской власти в Казахстане, не утвердило его в звании хана всех трех казахских жузов. Он стремился создать независимое, прочное централизованное государство, но ему не удалось осуществить эту идею. Как пишет Чокан Валиханов, Абылай, вступая, смотря по обстоятельствам, то в подданство России, то Китая, сумел сохранить фактическую независимость Среднего жуза до самой смерти, при нем политическое положение и экономика Среднего жуза значительно укрепились, расширились торговые и культурные связи с Россией.

Во всех положительных делах Абылая далеко не последнюю роль сыграли советы и поэзия Бухар-жырау. Он, имея огромный авторитет и влияние в Степи, способствовал укреплению власти хана Абылая, призывал его к поддержанию добрососедских отношений с соседними народами. Великий бард был сторонником сильного централизованного казахского государства, противником родовых смут и усобиц, призывал казахов к единству, умел предвидеть ход политических событий. Будучи большим знатоком быта и обычаев своего народа, давал рекомендации по хозяйственному обустройству аулов.

Наставляя хана Абылая, Жырау пользовался «правом совета». Перед отправлением в поход хан Абылай и его военачальники Кара Керей Кабанбай, Канжыгалы Богенбай, Малайсары и другие батыры в обязательном порядке обращались к Бухар-жырау за советом. Свои советы по государственным делам, а также народные пожелания и требования он излагал хану и батырам от имени народа.

Бухар-жырау агитирует за добрососедские отношения с Россией, призывает не воевать с ней. Он уже тогда понимал необходимость дружеских отношений с русским народом. Так, например, когда Абылай задумал воевать с русскими, Бухар-жырау дал ему такой совет:

С русскими не воюй,
Не разжигай злобу свою.
Воюя с русскими,
Не пожелай зла своему народу,
Украшившему твою голову венцом.

Многие песни Бухар-жырау посвящены внутренней жизни казахов. Он говорил о байском гнете над бедняками, о мытарствах и невзгодах вдов, о тяжелой жизни безродных и т.д. Его песни полны сердечных советов и мудрых пожеланий, имели широкое общественно-политическое значение. Песни Бухар-жырау правдиво и ярко отражают все стороны политической, экономической и общественной жизни казахов XVIII века. Среди акынов, живших в эту эпоху, Бухар-жырау занимает первое место и его по праву можно считать Гомером казахского народа. Современники его называли «Бухар-баба» и «Баба-жырау». Слово «баба» в иранском языке означает «отец», «папа», но может употребляться в значении «дед, прадед». Имена с компонентом «баба» в антропонимии казахов употребляются к наиболее известным, особо уважаемым старшим. Поэтому у казахов имена со словом «баба» означают не «дед», а «духовный отец, наставник».

Бухар-жырау воспевал геройство хана Абылая в борьбе с иноземцами, давал ему советы, но слепо не преклонялся перед ним. Надо понять, что Абылай – человек своего времени. Для него как представителя казахских феодалов были характерны и жестокость, и жажда власти. Несмотря на это, когда Абылай предпринимал действия, идущие вразрез с интересами народа, Жырау резко критиковал его за тщеславие, чрезмерное пристрастие к славе. Как описывает Чокан Валиханов, однажды Абылай решил направить войско на разграбление аула уйсунского бия Эрденэ-батыра за какой-то относительно незначительный поступок. «Хан был на этот раз ...недоступен, что никто не решался вымолвить словечко в пользу виновного, тогда по просьбе народа Бухар-жырау решился и затрубил так: «О, Абылай! Абылай! Подобно яркой звезде возносится и соперничает с горами твоя слава .... потушите гнев, если потушите, то... виновный сам придет с поклоном и подарками» [5, 217]. После этих слов хан вынужден был отступить.

В своей поэзии Бухар-баба подчеркивал, что хорошим хан может быть только при единстве народа и уважении к нему. Он говорит:

Хан будет хорош, когда сведет
В семью единую свой народ.
Тогда будут все уважать его,
Достойного пояса своего.

Поэтому Бухар-жырау часто упоминает о том, что своим возвышением Абылай обязан прежде всего народу. Вот отрывок из его песни об Абылае:

Когда добрый народ за тебя встал,
Бывший раб, что отца не знал,
Неожиданно беком стал.

Бухар-жырау старался предостеречь хана Абылая от попыток маневрирования между Россией и Китаем, настаивал на

установлении тесных политических и экономических связей с ними. Как известно, в 1756 г. войска Цинской империи вторглись в казахские земли, тогда Абылай вынужден был признать себя вассалом императора маньчжурского Китая и получил от него княжеский титул. Абылай для более тесного сближения с цинским правительством, как пишет Чокан Валиханов, «... даже отправил в Пекин аманатом (заложником. – С. Д.) сына Адила, но богдыхан⁶, довольный покорностью Аблая, возвратил Адила к отцу с богатыми дарами и милостивой грамотой» [11, 114]. Однако Бухар-жырау разоблачал истинную политику цинской империи, суть которой, по его мнению, в том, что она хочет поглотить казахскую землю. «Придут шуршуты (китайцы. – С. Д.) – плохо будет, не посмотрят они ни на что», – говорит он.

В 1761 г. хан Абылай, по совету Бухар-жырау, отправляет своего старшего сына Адила вместе с Жарылгапом (средний сын Бухар-жырау) с мирной миссией в Пекин, с которым передает маньчжурскому богдыхану цинской династии Цянлуну следующее свое послание: «Мы, казахи-мусульмане, издревле знаем, что нельзя воевать с шуршутами⁷, если они поднимутся войною, то будет конец света. Поэтому, мы с вами не будем воевать. Мы готовы выполнить любую просьбу Китая». В это время цинское правительство продолжало войну на юго-западе Китая с антиманьчжурским народным движением. В связи с этим, китайцы, для военных нужд, просили от казахов: 10 тысяч лошадей, 15 тысяч волов, 1500 тысяч овец, 15 тысяч пшуб. Эту просьбу китайцев хан Абылай исполняет в течение года.

Немало стихов Жырау посвящает женщинам. Он характеризует положительные и отрицательные стороны женщин. Например, он советовал джигитам: «Не женись на плохой женщи-

⁶ Богдыхан – «святой хан» – монгольское название императора Китая.

⁷ Маньчжуры себя называли «журжит», отсюда казахи маньчжурских китайцев называли шуршутами.

не из-за дешевизны калыма и ее доступности». Под хорошими качествами женщин он понимал послушание родителям, трудолюбие, стыдливость, верность супругу, под плохими – пристрастие к сплетням, неряшливость, замкнутость и т. д.

Бухар-жырау с воодушевлением пел о силе и красоте молодости и сетовал на беспомощность старости. Жырау сравнивал двадцатилетний возраст с большим родником, тридцатилетний – с козленком, прыгающим через пропасть, сорок лет – с резвым конем, семьдесят лет для него – печальные дни, восемьдесят – беспросветная темнота, девяносто – нет ничего, кроме поджидающей человека смерти.

Стихи Баба-жырау создавал в форме философских и дидактических размышлений, они часто афористичны, богаты образами, насыщены яркими словесными красками. Эстетический уровень сочинений Бухар-жырау, одного из образованнейших людей своего времени, в совершенстве владевшего художественным приемом традиционной поэзии толгау, исключительно высок, язык его отличается образностью, изяществом слога, ясностью и богатством. Произведения Жырау, как правило, – импровизации. «Его современники считали, что у Бухара волшебное горло, – писал Машхур Жусуп Копеев. Он будто бы не говорил никогда просто, а всегда стихами, в рифму».

Многие афоризмы Баба-жырау, строки его стихов получили широкое распространение в народе и превратились в пословицы и поговорки.

Однажды хан Абылай спросил у Бухар-жырау: «Что есть богатство?» Тот ответил: «Умно сказанное слово – богатство, глупое слово – пакость». Приведем некоторые изречения Бухар-жырау: «Если от бая ушла благотворительность, то уйдет от него и богатство»; «когда не оплачивают заработанного – грязно»; «править чужими людьми так же опасно, как жить над пропастью»; «первое вам пожелание – жить как велел Аллах»;

«не говори толстобрюхий бай, что все время будешь богат»; «из песка можно сделать камень, а из рабов героев»; «сокровища находятся на устах у мудрецов. У них одна челюсть золотая, другая серебряная».

Произведения Бухар сохранились в устном народном творчестве. Из его богатого наследия до нас дошло очень немного – всего лишь 1200 строк толгау. «Это лишь сотая и тысячная доля всего того, что было спето Бухаром. До нас дошли лишь корни, т.е. само плодovitое дерево не дошло, и то лишь по устным преданиям», – писал Машхур Жусуп Копеев.

Выдающийся писатель казахского народа Сабит Муканов еще в 1941 г. в 5-м номере журнала «Литература и искусство Казахстана» писал, что «песни Бухар-жырау – драгоценное зеркало казахской жизни XVIII века». В действительности нет ни одного вопроса политической, экономической и общественной жизни казахского народа, которые остались бы неотраженными в творчестве Бухар-баба. Велика историческая и художественная ценность его песен. Они навсегда будут прекрасным памятником культуры, дошедшим из далекого прошлого казахского народа.

Бухар-жырау похоронен на берегу высохшей сегодня небольшой речки, протекавшей в 2 км от зимовки некоего Садыка, недалеко от урочища Кызылтас, в отрогах горы Далба на территории нынешнего Бухаржырауского района Карагандинской области, находящегося всего лишь в 9 км от границы Баян-Аульского района Павлодарской области. Эта местность по административно-территориальному делению казахской степи XIX века входила в состав Далбинской волости Павлодарского уезда, а позже до 1936 г. считалась территорией Баян-Аульского района.

Как известно, в увековечении имени Бухар-жырау неоценимая роль принадлежит замечательному деятелю казахской

народной культуры Машхур Жусуп Копееву. Во-первых, он, из уст людей, любовно собирал и записывал, до конца своей жизни, основную часть дошедших до нас стихов Жырау. К сожалению, как мне сказали в Алматы, в начале 90-х годов XX века, папка с песнями Бухар-жырау, собранными и написанными собственноручно М.Ж. Копеевым, по чьей-то вине из рукописного фонда библиотеки Национальной Академии наук Республики Казахстан, бесследно исчезла.

Во-вторых, благодаря стараниям и дальновидности М.Ж. Копеева, было установлено место захоронения великого певца. В 1924 г. он в течение трех дней организовал сооружение деревянного ограждения для давно разрушенной могилы Жырау и надгробного камня с надписями на нем на казахском языке арабским алфавитом, а также устроил своеобразную традиционную тризну – поминки среди потомков Алтынторы, живущих в южных низовьях Баянаулинских гор.

Тексты песен Бухар-жырау до второй половины XIX века в Казахстане не фиксировались на бумаге. Чокан Валиханов в 1855 г. впервые записал тексты двух его песен: по умершему Аблаю и об Аблае [5, 255-272]. В 1878 г. выдающийся казахский просветитель Ибрай Алтынсарин в своей книге «Киргизская хрестоматия» поместил один толгау Бухар-жырау «Ай, Абылай! Когда я видел тебя» [12, 2-3].

В 1880 г. русский путешественник, исследователь Центральной Азии, друг Чокана Валиханова Г.Н. Потанин (1835–1920 гг.) пишет письмо Имантаю Сатпаеву (отцу академика К.И. Сатпаева.) следующего содержания: «Привет г. Имантаю! Прошу записать от Куреке (внука певца) отдельные эпизоды и повествования Бухар-жырау об Аблае, в частности: осуждение Аблая, восхваление его коня, эпизод отправки сына своего Адила с Жарылгапом в Китай; на какую тему его посланцы вели разговор с императором Китая? Рассказы о войне с кал-

мыками – сколько раз воевали? Как именовали калмыкских ханов?»[5, 394].

Для записи этих рассказов в 1880 г., возвращаясь из монгольского путешествия, Г.Н. Потанин вместе с женой заехал в Баян-Аульский округ. Тогда он получает от Имантая Сатпаева несколько песен Бухара, записанных из уст известного баянаулинского певца Куреке (полное имя Курманбай). Среди них есть тексты следующих песен: «Ай, айтамын, айтамын» – словословие коню Аблай-хана, «Он екі қазылық, ой түндік» – предсказание о приходе шуругутов (китайцев), «Күпшек санды күренді» – словословия Абылаю, «Қонтайшыны көрдің бе?» – песня о разорении калмаков, «Бастапқы ақтабан шұбырынды болғанда» – песня, напоминающая Абылаю о днях его изгнания и бедности, «Көшер едің көш бастап» – раздумье о былых вольных кочевках, «Жал, құйрығы қаба деп» – наставительная песня, «Бағаналы орда» – песня-прощание с ордой Бағаналы (род, входящий в племена найман), «Көк көгершін, көгершін» – толгау о сизом голубе [13, 7–16]. Тексты этих песен Березину попали от Г.Н. Потанина. Кроме того известно о том, что в документах Г.Н. Потанина, хранящихся в библиотеке Томского университета, есть еще несколько записей, связанных с Бухар-жырау. Например, его песни «Төртуылдың төрт ұлы тауды жайлап» (четверо сыновей Тортуыла летовали в горах), об аргамак хана Абылая, отличный от записанного от Куреке вариант песни «Көк көгершін, көгершін» и другие [14, 355].

Выше сказано о песне Бухар-жырау «Төртуылдың төрт ұлы тауды жайлап» (четверо сыновей Тортуыла летовали в горах). В этих словосочетаниях термин «тортуыл», следует сказать, довольно часто встречается в исторических источниках, художественных произведениях и летописях, рассказывающих о поколениях Мейрам сопы, входящих в состав Среднего жуза. Итак, я думаю, требуется объяснение понятия слова «тортуыл».

Жолбике – пятая младшая дочь Турсын-хана после смерти мужа Шоманака – правнука Мейрам сопы, выходит замуж за Каржаса. Поэтому селения генетически родственных поколений трех сыновей Шоманака (Жанболды, Кулболды-батыр, Орманшы) и Каржаса назывались «Төрт ауыл» (четыре аула) с боевым родовым кличем «Жолбике». Впоследствии пара слов «төрт ауыл» в частом произношении закономерно грамматикализировались в слитное слово «тортуыл» с утратой в них буквы «а».

Неожиданной сенсацией стало для бухароведов Казахстана то, что в 1990 г. ученый-тюрколог, член Союза писателей Китайской Народной Республики Мухтархан Оразбайулы в архивах города Пекина обнаружил 36 толгауов Бухара на 1051 строк. Об этом факте подробно написал известный ученый-филолог Казахстана Акселеу Сейдимбеков в своей статье, опубликованной в казахском еженедельнике «Ана тілі» в номерах за 12 и 19 июля 1990 г. В ней он подчеркивает, что, во-первых, пекинский вариант песен Бухар-жырау ценен тем, что они написаны в конце XIX века или в начале XX века, т.е. почти 100 лет тому назад; во-вторых, в китайской летописи недвусмысленно отмечено, что Бухар-жырау свои песни писал сам на бумаге. Отсюда возникает вопрос: не с Бухара ли начинается наша национальная письменная литература?

В начале 1992 г. мне стало известно, что в 7-м номере за 1970 г. художественно-литературного журнала «Ағеділ» Республики Башкортостан опубликовано состязание в песнях между Бухаром и башкирским поэтом Байыком Байназаровым (1710–1811 гг.). Узнав об этом, я незамедлительно через межбиблиотечный абонемент сделал запрос на высылку мне указанного выше номера журнала, которую получил 22 мая 1992 г. Тогда передо мной встала проблема. Состязание в песнях двух поэтов было изложено на башкирском языке. Хотя башкирский язык близок к казахскому языку, но все же в нем отдельные слова мне были непонятны. Поэтому текст этого состязания я направил

в город Алматы, члену Союза писателей Казахстана Машкару Бахридиновичу Гумерову, башкиру по национальности. Я благодарен ему за то, что он сделал перевод всего текста на казахский язык. Этот перевод был опубликован в Павлодарской областной газете «Сарыарқа самалы» и Экибастузской городской газете «Отарка» соответственно в номерах за 20 и 24 октября 1992 г.

По данным ученого Института истории и литературы Башкортостана Нура Зарипова встреча Бухар-жырау и поэта Байыка была в середине XVIII века на казахской земле при следующих обстоятельствах. Брат Байыка по имени Тайып любил дочку некоего башкирского феодала Азналы, но он был против брака молодых людей. Поэтому Тайып был вынужден бежать вместе с ней в казахскую степь. За ним в Казахстан приезжает и поэт Байык, где он встречается с Бухаром.

В 1916-1917 гг. в двух номерах Санкт-Петербургской газеты «Живая старина» вышли публикации Г.Н. Потанина о Бухар-жырау и содержании его песни «Төртуылдын төрт ұлы тауды жайлап». В советское время песни Бухар-жырау неоднократно издавались в казахских сборниках, антологиях и хрестоматиях. Наиболее полно его песни на казахском языке даны в антологии «Алдаспан» (Алматы, 1970 г.). Более тысячи строк песни Бухар-жырау были включены в антологиях «Поэты пяти веков», изданных в 1984 и 1989 годах. В 1992 г. 2353 строк (в том числе 1051 строк пекинский вариант) песен Жырау впервые вышли отдельной книгой. [15].

В сборнике «Поэты Казахстана», изданной в Ленинграде в 1978 г. [16], были впервые представлены несколько песен Бухар-жырау на русском языке с аннотацией о его жизни и творчестве. В 1993 г. 650 строк его песни вышли отдельной книгой на русском языке [17].

У Бухар-жырау было трое сыновей: Акдербис, Жарылгап, Жанта. Мои многолетние исследования генеалогического

древа потомков Бухар-жырау дали сведения о том, что на сегодняшний день потомки Акдербиса есть в городах Алматы и Жезказгане, Молодежном районе Карагандинской области и Баян-Аульского района Павлодарской области. Кто потомки Жанта, и где они, нам пока неизвестно. У Жарылгапа было трое сыновей: Мынбай, Жузбай и Бозбай, потомки которых живут в городах Алматы, Караганды, Экибастуз, Карагандинской и Акмолинской областях, а также в России. Я хорошо знаком с четырьмя прямыми потомками Бухар-жырау. Из них первый: Бопежан Аяпбергенов (потомок Мынбая), 1917 г. рождения, его сын Ескендир, 1958 г. рождения, внук – Каныш, 1989 г. рождения. Все они в настоящее время живут в городе Алматы. Бопежан Аяпбергенов 20 лет работал управляющим делами Национальной Академии наук Республики Казахстан, когда её президентом был академик К.И. Сатпаев. Второй: ветеран труда Рахим Камбалов (потомок Жузбая), 1927 г. рождения, его сын Айып, 1947 г. рождения, которые живут в городе Экибастузе. Третий: предприниматель Карим Бакиевич Бектемиров (потомок Жузбая) живет в городе Экибастузе. Четвертый: кандидат экономических наук Нигмет Букпанович Танашев (потомок Акдербиса), 1939 г. рождения, живет в городе Алматы.

Прадед автора этих строк в 10-м колене Кулыке и прадед Бухар-жырау Алтынторы были двоюродные братья. Узнав об этом, я захотел посетить святое место захоронения останков Бухар-жырау, и поклониться его священной памяти. Так, 17 августа 1974 г. я в небольшом автобусе (типа КАВЗ) разреза «Богатырь» выехал из города Экибастуза. По пути заехал в центральную усадьбу совхоза имени 40-летия Октября (ныне село имени Жаяу Мусы Байжанова) Баян-Аульского района, где попросил заместителя директора совхоза (фамилию сейчас не помню) быть моим проводником до урочища Садык. Вскоре мы приехали на старое кладбище в живописной долине, где, среди

немногих могил, не трудно было найти могилу великого певца. На этом кладбище видно, что в наши дни окрестные казахские аулы стали хоронить усопших близких. И жители совхоза «Озерный» (ныне село имени Бухар-жырау), чтобы могилу светлейшего Бухар-жырау не затоптал скот, оградили её металлическими решетками. На головной части могилы установлен деревянный щит с надписями черной краской: «Бухар-жырау Калкаманулы. Каржас. 1689-1789». На обратной стороне этого щита записано, что он установлен 21 июня 1971 г. Атшаром Зейнешовым. Позже выяснилось, что его отец Зейнеш является сыном Кунбибы – родной сестры правнука Бухар-жырау Бектемира. А рядом с этим стоял и другой щит, укрепленный на газовую трубу, небольшого формата из нержавеющей белого металла с надписями на казахском языке: «Здесь покойтся прах видного поэта Бухар-жырау. 1693-1787 гг.», установленный в 1973 г. ветераном Великой Отечественной войны и труда Наги Ахметовым из города Алматы. Когда я смотрел на невзрачный убогий вид могилы Бухар-жырау, мне в голову пришла мысль: в будущем здесь должен быть сооружен надгробный монументальный памятник – достойный его великого имени.

После этой поездки я приступил к сбору материалов о жизнедеятельности Бухар-жырау.

Время шло. Несмотря на различные житейские проблемы, решил: пора начать на страницах периодической печати целенаправленную работу о необходимости сооружения достойного памятника-мавзолея на месте захоронения Бухар-жырау. Материалы по этому вопросу и о самом Бухар-жырау были опубликованы: в республиканском литературном еженедельнике «Қазақ әдебиеті» (25.10.85 г.); в газете «Социалистік Қазақстан» (ныне «Егемен Қазақстан») в номере за 8 января 1989 г.; в Павлодарской областной газете «Қызыл ту» (ныне «Сарыарқа самалы») в номере за 29 сентября 1989 г.

11 февраля 1989 г. Баян-Аульская районная газета «Победа» дала редакционную статью под заголовком «Кто знает, где покойся прах Бухар-жырау?». В ней написано: «В конце прошлого года к нам в редакцию специально прибыл заместитель директора Экибастузского разреза «Богатырь» по экономическим вопросам, кандидат экономических наук, член Союза журналистов СССР Серик Имантаевич Джаксыбаев и высказал свое пожелание:

– «Хотя многие слышали о Бухар-жырау, но могут не знать, где покойся его прах и в каком состоянии его могила. Он покойся на территории отделения № 2 совхоза «Озерный» Ульяновского (ныне Бухаржырауского) района Карагандинской области. Иногда эту местность называют Шалкар. Граница села им. Жаяу Мусы проходит в 9 километрах от той местности.

Я хочу сказать о том, что общими усилиями могли бы привести в порядок место его захоронения. Для этого было бы желательно открыть специальный счет в банке, куда бы каждый по возможности добровольно внес свой вклад, а на недостающие средства попросить помощи у соответствующих органов...

Такое пожелание недавно высказал прибывший к нам в редакцию сотрудник Карагандинской областной газеты «Орталық Қазақстан» Шайхан Жандаев...

С подобной же инициативой выступила группа ветеранов, проживающих в Баян-Ауле. Мы сегодня публикуем статью-обращение за подписью 25 человек, которую принес в редакцию секретарь районного общества охраны памятников истории и культуры, ветеран труда, коммунист Айтыш Маликов.

Публикуя эту статью, мы ждем отклики от всех жителей района».

9 сентября 1989 г. в газете «Победа» было опубликовано «Обращение ко всем трудящимся района по сбору средств на возведение надгробного мавзолея Бухар-жырау Калкаманова»,

принятое на собрании представителей общественности и трудовых коллективов Баян-Аульского района Павлодарской области 31 августа 1989 г.

Таким образом, четырехлетняя наша работа дала первые результаты: в 1989 г. в Баян-Аульском районном отделении агропромышленного банка на имя Бухар-жырау был открыт счет № 14342, а также, в сентябре в районном масштабе была создана инициативная группа по организации сбора средств на строительство памятника на могиле Жырау, в состав которой вошли такие уважаемые люди района: Маликов Айтыш, Солтанбаев Зекебай, Окпин Каримтай, Маканов Зоркен, Шалбаев Шакират, Рахметов Мурат и другие.

19 октября 1989 г. Экибастузская районная газета «Алға» опубликовала мою статью «Баба жырауды қадірлейік» («Воздадим почет Баба-жырау»). Эта же статья вышла и на странице Краснокутской (ныне Актогайской) районной газеты «Коммунистік еңбек» (Павлодарская область) в номере за 5 декабря 1989 г.

В 1989 г. на страницах Павлодарской областной газеты «Қызыл ту» и районных газет Павлодарской области печатались много статей в поддержку инициативы о сооружении памятника на могиле Бухар-жырау.

В 1990 г., в целях расширения сфер охвата пропаганды неотложного строительства мавзолея на могиле Бухар-жырау, я отправил свою статью, в объеме 380 строк, для публикации в редакции республиканских и областных газет Казахстана. Эти статьи публиковались в газетах: «Қазақ әдебиеті» (19.01.90.), «Коммунизм жолы» (г. Актобе, 25.01.90.), «Коммунизм таңы» (г. Костанай, 03.02.90.), «Коммунизм туы» (г. Усть-Каменогорск, 14.02.90.), «Угольный Экибастуз» (г. Экибастуз, 22.03.90.), «Дауа» (г. Павлодар, 1990, № 4).

В начале 1991 г. в городе Павлодаре, на улице Фрунзе, в здании, бывшем в 1919-1920 гг. зданием Ревкома, которое яв-

ляется памятником истории и архитектуры, был создан первый в Казахстане музей литературы и искусства. В связи с этим, я поехал в Павлодар, чтобы узнать мнение директора этого музея Бикеш Орханкызы Дурмановой о присвоении новому очагу культуры имени Бухара. Б.О. Дурманова полностью согласилась с моим мнением и сказала, что всячески будет поддерживать такое предложение. После этого разговора, 5 марта 1991 г. я выступил со статьей на странице областной газеты «Қызылту» (ныне «Сарыарқа самалы») с вопросом о присвоении музею литературы и искусства имени Бухар-жырау.

20 марта 1992 г. в Павлодаре состоялось официальное торжественное открытие музея литературы и искусства и ему по решению правительства было присвоено имя Бухар-жырау.

В Карагандинской области инициативную группу по строительству памятника на могиле Бухар-жырау возглавил председатель совета аксакалов (старейшин) Ульяновского района Шопанай Амирханов (1923-1997 гг.), человек деятельный и настойчивый. Он доводится Бухар-жырау родственником в седьмом поколении, прямой потомок Мамбеталы – старшего брата Жолымбет-батыра. Шопанай-ага (обращение к старшему человеку) учился в фабрично-заводской школе, работал шахтером. В 1942 г. ушел на фронт, был командиром взвода в артиллерийском полку. Трижды ранен, награжден боевыми орденами и медалями. Дошел до Берлина. После войны работал на разных постах, был первым директором совхоза имени Кылыша Бабаева (1913-1948 гг.) Ульяновского района Карагандинской области.

С 1988 г. Шопанай-ага активно занимался вопросами увековечения памяти великого сородича. Так, по его инициативе, в 1989 г. в Ульяновском районном отделении агропромышленного банка был открыт счет фонда Бухар-жырау за № 747302.

14 июня 1991 г. в газете «Қазақ әдебиеті» была опубликована моя статья под заголовком «Бухар-жырау есебіне» (в счет Бухар-жырау) об обращении представителей обществен-

ности и трудовых коллективов Баян-Аульского района ко всем трудящимся района по сбору средств на возведение надгробного мавзолея Бухар-жырау с указанием номеров счетов фонда Бухар-жырау, открытых в двух районах Павлодарской и Карагандинской областей.

Я с большим почтением относился к Шопанай-ага. Меня поражали постоянная бодрость, целеустремленность, откровенность и душевное тепло этого замечательного человека. Со дня моего первого знакомства с ним в 1988 г. мы переписывались, встречались в Караганде и в селе Ульяновске, вели переговоры по телефону, информируя друг друга о ходе нашей общей проблемы, касающейся Бухар-жырау.

Для строительства памятника великому предку Шопанай-ага отдавал много сил и энергии, несмотря на свой пожилой возраст, можно сказать, не жалел самого себя. Он, в целях пополнения фонда Бухар-жырау, часто ездил по районам и городам Карагандинской области, где встречался с руководителями и коллективами предприятий и организаций, отдельными уважаемыми людьми. Был на приемах у высших должностных лиц Карагандинской области. Он ежегодно приезжал в Баян-Аульский район. Последний раз, в 1990 г. он сюда приехал вместе с секретарем Ульяновского районного комитета Коммунистической партии Казахстана Айтжаном Жунусбековым по вопросу совместного с Баян-Аульским районом строительства мавзолея Бухар-жырау.

Статьи Шопанай-ага о Бухар-жырау выходили на страницах периодической печати Ульяновского и Баян-Аульского районов, в городах Алматы и Караганде. К примеру, его большая содержательная статья «Аруақты сыйламау – сүйекке танба» (неуважение покойного – тавро на кость) была опубликована 26 октября 1991 г. в Карагандинской областной газете «Орталық Қазақстан».

Секретарь Карагандинского областного комитета партии Куаныш Султанов постоянно оказывал поддержку Шопанай-ага по вопросам строительства мавзолея Бухар-жырау. Когда он перешел на другую работу в Алматы, назначение генерального подрядчика по строительству мавзолея уперлось в бюрократические барьеры, по этой причине затянулось решение других вопросов. Тогда Шопанай-ага 25 апреля 1991 г. на странице республиканской газеты «Халық кеңесі» обратился с открытым письмом к народному депутату, избранному от Карагандинской области, спикеру парламента Е.М. Асанбаеву, с настоятельной просьбой не оставлять на полпути начатое всенародное дело. После этого, как говорится, лед тронулся. Так, летом 1991 г. Шопанай-ага добивается поездки авторитетной комиссии к месту захоронения останков Бухар-жырау.

Но в это время, к удивлению, отдельные личности в Караганде начали, образно говоря, ставить палки в колеса, выступая против строительства мемориала Бухар-жырау, а также проведения предстоящего его юбилея в Карагандинской области. При этом они высказывали собственные амбициозные воззрения, считая, что Бухар-жырау является земляком не карагандинцев, а баянаулинцев Павлодарской области. Приведем цитату из письма ветерана партии, войны и труда Н. Токешова на имя Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева от 10 сентября 1991 г.: «... думается, что Егиндыбулакскому райисполкому и Карагандинскому облисполкому предстоит немедленно принять специальное решение «О подготовке и проведении 325-летнего юбилея общественного деятеля и мыслителя Казыбека Кельдибекулы (1667-1763 гг.), а не юбилей Бухар-жырау – уроженца Баянаульского района Павлодарской области...

Одним словом, социальная справедливость подсказывает проведение предстоящего юбилея Бухар-жырау в Павлодаре (Баянаульском районе)».

Не останавливаясь на этом, Н. Токешов 17 сентября 1991 г. в газете «Индустриальная Караганда» публикует статью с призывом к читателем газеты встать против проведения юбилея Бухар-жырау в Карагандинской области и приостановить строительство его мемориала, доказывая, что он уроженец Баян-Аульского района. В своей статье Н. Токешов, искажая исторические факты, по сути дела, противопоставил сегодняшних потомков Казыбека Кельдибекулы и Бухар-жырау. Тем самым, автор статьи, в средствах массовой информации начал сеять рознь родового местничества.

В ответ на опрометчивый поступок Н. Токешова, областная газета «Орталык Қазақстан» 16 октября 1991 г. опубликовала статью Шопанай-ага, где он неопровержимыми фактами дал аргументированный отпор незрелому выступлению Токешова и доказал, что родиной Бухар-жырау является не Баян-Аул, но он похоронен у подножия горы Далба, находящегося на нынешней территории Карагандинской области. Однако Токешов не прекратил свои нападки, и снова опубликовал в газете «Индустриальная Караганда» другую статью с мотивом «не допускать Бухар-жырау к Караганде».

Большинство населения и руководство Карагандинской области не поддержали предложения псевдопатриота Н. Токешова. Ведь многим понятно, что Бухар-жырау – человек не регионального толка, а особая личность, имевшая большое значение всеказахстанского масштаба.

13 сентября 1991 г. Карагандинская областная комиссия, в составе которой были председатель областного совета И.Г. Мусалимов, председатель областного исполнительного комитета народных депутатов И.У. Тогайбаев и его заместитель Р.К. Омарбекова, председатель Ульяновского районного исполнительного комитета М.Г. Калиев и его заместитель Л.И. Петровская, инженер-архитектор проектного института по гражданскому

строительству Т. Букаев, главный архитектор города Караганды К. Тусупбеков и Шопанай-ага приехали в урочище Садык. Члены комиссии обстоятельно осмотрели местность, обговорили все нюансы по строительству мавзолея Бухар-жырау и пришли к решению, что здесь нужно строить надгробный комплекс, наподобие Кожа Ахмеда Ясави в Туркестане, начать его строительство с весны 1992 г., определить генерального подрядчика и изыскать необходимые строительные материалы, в 1993 г. совместно с Павлодарской областью провести празднование 325-летия со дня рождения Бухар-жырау и по этому поводу принять решение областного исполнительного комитета народных депутатов.

22 ноября 1991 г. Карагандинский облисполком принял решение «О подготовке и проведении 325-летия со дня рождения Бухар-жырау Калкаманулы». Но тут, вскоре, распался Советский Союз и не стало самого облисполкома, новым властью-предержащим было не до Бухар-жырау. Тогда Шопанай-ага обратился к члену-корреспонденту Академии наук республики Рахманкулу Бердибаеву за советом о дальнейших действиях. После этого первый заместитель министра печати массовой информации Республики Казахстан К.З. Закирьянов, 4 февраля 1992 г., направил письмо заместителю заведующего отделом народного образования, культуры и по делам молодежи аппарата Президента и Кабинета Министров Республики Казахстан С. Абдрахманову с предложением о внесении в постановление о 325-лети Бухар-жырау следующих пунктов: 1) поручить Институту литературы и искусства Академии наук Республики Казахстан подготовить текст сборника произведений Бухар-жырау; 2) издательству «Жазушы» в 1993 г. выпустить сборник произведений Бухар-жырау.

Используя трудное положение казахстанской экономики, после распада Советского Союза, Н. Токешов аргументирует

свою антибухарскую точку зрения с другой стороны. Так, он 13 марта 1992 г. в газете «Казахстанская правда» публикует заметку под заголовком «Ошибка в энциклопедии» следующего содержания: «Недавно в газетах появилось сообщение о 325-летию поэта Бухар-жырау Калкаманулы – уроженца Баянаульского района Павлодарской области, где допущена серьезная ошибка в дате рождения юбиляра с разницей в 20 лет. Дело в том, что в изданной в 1986 году «Энциклопедии Караганды и Карагандинской области» ошибочно указано, что поэт родился в 1668 году».

Между тем известный ученый и писатель Казахстана Мухтар Магауин в результате многолетних литературных исследований жизни и деятельности Бухар-жырау документально доказал, что поэт 1688 года рождения и умер в 1781 г.

Примечательно, что неутомимый литературовед после долгих научных исследований сперва установил год смерти Аблай-хана, а затем в зависимости от этого скорбного события вычислил год рождения поэта, воспевшего в день смерти хана в своем траурном стихотворении то, что ему в те дни исполнилось 93 года.

На самом деле, если от года смерти Аблая – 1781-го вычесть 93 года, уже прожитых тогда поэтом, то дата рождения Бухар-жырау действительно 1688 год. Кстати, кое в каких переизданиях эта дата уже фигурирует.

Посему в 1993 году поэту исполнится 305 лет. Эту дату, хотя и не круглую, собираются отметить павлодарские его земляки, а также карагандинцы».

В этой заметке Токешов допускает фальсификацию исторических фактов. Во-первых, Бухар-жырау действительно в одном из толгау, обращаясь к Абылаю воспел, что ему исполнилось 93 года и продолжать петь для него уже будет непосильно. Если внимательно прочитать полный текст этого толгау, ко-

торый начинается со словами «Ал, тілімді алмасан», то любой читатель поймет, что так он воспел при жизни хана Абылая [18, 91-92].

Во-вторых, в песнях Бухар-жырау по умершему Абылау он не говорил, что ему исполнилось 93 года [5, 255-272].

В-третьих, по мнению Токешова получается такой парадокс, что Бухар-жырау, воспев это толгау, в день смерти Абылая и сам ушел из жизни.

Далее надо отметить, что в вышеупомянутой заметке, ее автор с 1781 года высчитывает не 93, а 83 года. Это то ли ошибка самого автора заметки или ошибка редакции газеты. Узнав о скандале вокруг светлого имени Бухар-жырау, затейном Н. Токешовым, житель Баян-Аульского района Б. Карсакбаев направляет письмо в редакцию республиканской газеты «Жас Алаш» с просьбой рассказать о существовании требований Токешова. Отвечал Б. Карсакбаеву собственный корреспондент газеты «Жас алаш» Айтбай Саулебектеги. 15 мая 1991 г. он опубликовал в своей газете статью под заголовком «Бұқар-жырау – қазақтікі» (Бухар-жырау принадлежит казахам. – С. Д.). В этой статье автор отмечает, что шумиха, поднятая Н. Токешовым на страницах газеты «Индустриальная Караганда», не прошла даром. Так, когда Карагандинский городской совет вынес решение о переименовании Советского проспекта на проспект Бухар-жырау, некоторые русскоязычные жители города Караганды, вспомнив агитацию Токешова, опубликовали заметку в газете «Индустриальная Караганда» с возмущением: «Зачем нужен проспект Бухар-жырау? Он уроженец Павлодара». Эту «свежую мысль» поддержали и некоторые местные казахи, направив в редакцию областной газеты «Орталық Қазақстан» свои мнения о несогласии с решением городского совета переименовать Советский проспект на проспект Бухар-жырау. Автор статьи выражает свою благодарность акиму города Караганды Ш. Оразалинову за то, что он не вос-

принял предвзятые вопли и «советы» отдельных жителей города на счет проведения юбилея Бухар-жырау.

Несмотря на предпринятые меры Токашева по недопущению проведения юбилея Бухар-жырау, 6 июня 1992 г. одиннадцать ученых и писателей (народные писатели Д. Абишев, М. Магауин, академики Ж. Абдильдин, А.К. Кошанов, М. Каратаев и другие) со страницы газеты «Егеменді Қазақстан» призвали правительство республики отметить в 1993 г. годовщину знаменитого Жырау-певца на республиканском уровне.

Не успокаиваясь на этом, Шопанай-ага писал письма по инстанциям, выезжал в Алматы, добивался приема высоких должностных государственных чиновников.

Однако к этому времени, из-за социально-экономического кризиса, охватившего Казахстан, провести празднование 325-летия со дня рождения Бухар-жырау оказалось не под силу одной Карагандинской области. Поэтому, заместитель областного акима Н. Бектурганов, 7 мая 1992 г., направил письмо заместителю Премьер-Министра Республики Казахстан М. Джолдасбекову о проведении намеченного мероприятия в республиканском масштабе, совместно с Павлодарской областью. Рассмотрев это предложение, Министерство финансов республики 18 мая 1992 г. за подписью его министра Т.А. Абдыкадирова направило письмо Кабинету Министров Республики Казахстан о том, что в связи с сложившимся значительным дефицитом бюджета республики, Министерство финансов не имеет возможности поддержать просьбу Карагандинской областной администрации.

Узнав о содержании этого письма, Шопанай-ага 2 июня 1992 г. направил письмо Вице-президенту республики Е.М. Асанбаеву с просьбой оказать содействие инициативе Карагандинской области. На это письмо заведующий отделом культуры и межнационального отношения аппарата Президен-

та Республики Казахстан и Кабинета Министров Республики Казахстан А. Сарсенбаев 22 июля 1992 г. ответил, что по вопросу строительства мавзолея Бухар-жырау акиму Карагандинской области и руководителям соответствующих министерств даны необходимые указания и готовится постановление правительства о подготовке и проведении 325-летия со дня рождения Бухар-жырау.

Окрыленный содержанием этого письма, Шопанай-ага едет в Караганду к главе областной администрации П.П. Нефедову для сообщения ему радостной вести из Алматы и решения с ним еще какого-то важного вопроса, связанного со строительством мавзолея. На этой встрече руководитель области сказал Шопанай-ага о своем намерении еще раз обратиться к правительству республики об оказании области финансовой помощи на строительство мавзолея. Так, П.П. Нефедов 16 июля 1992 г. пишет письмо Кабинету Министров Республики Казахстан (Джолдасбекову М.) следующего содержания: «Как Вам известно, в 1993 году исполняется 325 лет со дня рождения крупнейшего поэта, философа, государственного деятеля, ближайшего сподвижника Абылай хана Бухар-жырау Калкаманулы. В связи с этим Карагандинская областная администрация утвердила соответствующие мероприятия, согласно которым составлен и утвержден проект мавзолея Бухар-жырау на территории Ульяновского района, благоустраивается поселок совхоза («Озерного».— С. Д.), создается фермерское хозяйство, на территории которого находится могила поэта, проводится дорога с асфальтным покрытием, начато строительство здания Дома культуры на центральной усадьбе хозяйства. Вместе с тем есть вопросы, в решении которых требуется содействие республиканских органов:

1. Провести в 1993 г. научно-практическую конференцию о жизни, государственной и творческой деятельности Бухар-жырау в городах Алма-Ате и Караганде.

2. Издать произведения Бухар-жырау в Алма-Ате за счет средств республики.

3. Выделить средства для строительства мавзолея Бухар-жырау (сметная стоимость составляет 12 млн. рублей).

4. Выделить необходимые оборудование, мебель, одежду, сцены для строящегося Дома культуры на центральной усадьбе совхоза.

5. Присвоить имя Бухар-жырау одной из улиц Алма-Аты.

6. Жизнь и деятельность Бухар-жырау широко освещать в республиканских средствах массовой информации».

Прочитав написанное выше повествование о Шопанай-ага, можно подумать: зачем знать, куда он ходил, кому с каким вопросом он обращался, кому он какое письмо писал, с кем он встречался. По правде сказать, этим повествованием мне хотелось показать, как можно сломать лед безразличия и что дает борьба человека с надеждой на успех. Конечно, я не все описал, что сделал Шопанай-ага за последние пять лет для проведения юбилея Бухар-жырау. В действительности он сделал гораздо больше. Плохо то, что мы порою не только не чтим, но и не замечаем таких людей, как Шопанай-ага. Возможно, кто-то возразит: «Ну, что ж, какая важность – юбилей годовщины Бухар-жырау, посетились, побегали по инстанциям властей и выпустили правительственное постановление об его юбилее, поставили множество юрт, устроили концерты, покушали вдоволь, повеселились, все прошло как обычно: помпезно, пышным торжеством, затратив колоссальные денежные средства, а дальше все это что нам дает?

На все эти многозначительные вопросы я бы ответил: нет, такие юбилей, несмотря на экономические трудности в республике, нам нужны для возвеличивания особо знатных личностей народа, для воспитания у молодежи национальной гордости, а также для показа и расцвета нашей прошлой и настоящей

культуры. В добавок к этому еще сказал бы – пусть активная жизнедеятельность Шопанай-ага будет хорошим примером для сегодняшней нашей молодежи, чтобы они не забывали почитаемых усопших и высоко ценили благородную общественную работу живых.

В начале августа 1992 г. Шопанай-ага позвонил мне домой и сказал, что в Алматы готовится правительственное постановление о праздновании юбилея Бухар-жырау, и чтобы я, по возможности, выехал туда в качестве неофициального представителя Карагандинской и Павлодарской областей. Итак, я 9 августа 1992 г. вылетел самолетом из Экибастуза в Алматы. На следующий день утром я был на приеме у ответственного работника Кабинета Министров республики Казахстан Алибека Аскарова. После знакомства и короткой беседы по существу вопроса, с которым я приехал в Алматы, он просил меня написать канву проекта постановления о праздновании 325-летия со дня рождения Бухар-жырау, на что я охотно согласился. В тот день поздно ночью проект постановления был готов. Утром следующего дня я его отдал Алибеку Аскарору. Он, прочитав мои записи, не сделал по ним никакого замечания и сказал: «В настоящее время Премьер-Министр в командировке в Северо-Казахстанской области, скоро должен приехать. Поэтому не позже 20 августа постановление должно быть подписано».

Перед отъездом домой в Кабинете Министров мне дали два экземпляра отредактированного окончательного варианта постановления для взятия визы у глав администрации Павлодарской и Карагандинской областей. С таким ответственным заданием я уехал из Алматы в Павлодар. Из аэропорта я сразу поехал в областную администрацию. В приемной главы администрации А.А. Жабагина через его помощника попросился, чтобы он принял меня по вопросу визы на постановлении правительства. Но он меня не принял, мотивируя своей занятостью. Второй раз я к нему не пошел.

Для доставки второго экземпляра постановления в Караганду я выехал из Экибастуза в Баян-Аул. Здесь глава районной администрации Корабай Шакиров дал мне легковую машину до поселка Ульяновского (ныне Ботакара), где проживал Шопанай-ага. Обрадовав его с новой вестью, я отдал ему проект долгожданного постановления для передачи главе Карагандинской области П.П. Нефедову.

Позже я узнал, что постановление с визой П.П. Нефедова в течение трех дней было доставлено в Алматы. К сожалению, по неизвестной мне причине, А.А. Жабагин не визировал указанное выше постановление Кабинета Министров до назначения его на новую должность Вице-Премьер-Министра Республики Казахстан. Оно было завизировано новым главой областной администрации Д.К. Ахметовым в феврале 1993 г. Таким образом, постановление Кабинета Министров Республики Казахстан №119 «О подготовке и проведении 325-летия со дня рождения Бухар-жырау Калкаманулы», можно его назвать историческим, вышло в свет с почти шестимесячным опозданием 17 февраля 1993 г. текстом следующего содержания.

«Кабинет Министров Республики Казахстан постановляет:

1. Поддержать предложение главы Карагандинской областной администрации, а также обращение группы деятелей культуры и науки, опубликованные в газете «Егеменді Қазақстан» (от 6 июня 1992 г.), о проведении в 1993 г. юбилейных мероприятий, посвященных 325-летию со дня рождения Бухар-жырау Калкаманулы.

2. Образовать юбилейную комиссию по подготовке и проведению 325-летия со дня рождения Бухар-жырау в составе: К. Султанов (председатель), П.П. Нефедов, (зам. председателя), Д.К. Ахметов (зам. председателя), С. Абдрахманов, Ш. Амирханов, Ш.Х. Бекбулатов, О. Бокеев, С.И. Джаксыбаев, Е.Ж. Дербисов, А. Кекильбаев, С.С. Кирабаев, М.К. Козыбаев,

М. Магауин, Я.Я. Мамонтов, И.Г. Мусалимов, З. Мулдахметов, К. Найманбаев, Н.М. Оразалиев, Е. Рахмадиев, А. Сарсенбаев, М.М. Тажин, Н.Б. Танашев, К. Турапов, М. Шакенов, К. Шакиров, Р.Я. Шарафутдинов, В.В. Шумский.

3. В целях экономии средств юбилейные мероприятия провести на территории Карагандинской области, а главе Павлодарской областной администрации по согласованию с главой Карагандинской областной администрации взять на себя часть затрат, построить дорогу со стороны Павлодарской области к мемориальному комплексу, принять участие в строительстве мавзолея Бухар-жырау.

4. Одобрить план подготовки и проведения 325-летия со дня рождения Бухар-жырау Калкаманулы (прилагается).

Премьер-Министр

Республики Казахстан

С. Терещенко

ПЛАН

подготовки и проведения 325-летия со дня рождения
Бухар-жырау Калкаманулы

1. Построить мавзолей Бухар-жырау Калкаманулы.

2. Осуществить мероприятия по преобразованию архитектурного облика социально-культурного комплекса села Бухар-жырау (бывшее село Озерное) Ульяновского района Карагандинской области с асфальтированием дорог от села Победы через строящийся мемориальный комплекс Бухар-жырау до поселка Баянаул Павлодарской области.

3. Соорудить памятник Бухар-жырау в г. Караганде.

4. Переименовать Ульяновское спецхозобъединение Ульяновского района Карагандинской области, на территории которого похоронен Бухар-жырау, в спецхозобъединение имени Бухар-жырау. Присвоить Павлодарскому областному музею литературы и искусства имя Бухар-жырау.

5. Использовать строящийся мемориальный комплекс Бухар-жырау для возобновления ежегодной международной Кояндинской ярмарки с организацией пешеходного, гужевого, транспортного туризма по маршруту «Жибек жолы».

6. Присвоить имя Бухар-жырау по одной улице в городах Алматы, Караганде, Павлодаре.

7. Осуществить издание сочинений Бухар-жырау, выпустить плакат-портрет, почтовый конверт с изображением выдающегося мыслителя.

8. Провести научно-теоретическую конференцию с приглашением ученых и гостей из стран СНГ и зарубежья, посвященную государственной и литературной деятельности Бухар-жырау.

9. В Ульяновском районе Карагандинской области провести юбилейные мероприятия.

10. В г. Алматы в здании Государственного академического театра оперы и балета им. Абая провести торжественное собрание, посвященное 325-летию со дня рождения Бухар-жырау.

11. Освещать на страницах периодической печати, по радио и телевидению ход подготовки и проведения юбилея Бухар-жырау Калкаманулы.

Из этого постановления возникает недоуменный вопрос: почему наметилось празднование не круглой 325-летней годовщины Бухар-жырау? В порядке предполагаемого ответа можно сказать следующее. Летом 1991 г. когда я встретился с Шопанай-ага, он мне говорил о том, что вопрос строительства мавзолея над могилой Бухар-жырау, без сомнения, будет решен, а есть еще у него задумка поднять вопрос проведения в 1993 г. торжества в честь 325-летия со дня его рождения. Я ему тогда возразил: «Шопеке⁸, как же это получается ведь 325-летие не

⁸ У казахов истари заведено при обращении к старшим, но почитаемым людям вообще не произносить полного имени. В знак уважения из полного имени преобразовали ласкательно-краткое, удобное для произношения вежливое имя, т.е.

круглая дата, вряд ли правительство поддержит Вас. К тому же мы с Вами знаем, что Бухар-жырау родился не в 1668 г., а в 1685 г.».

После этого Шопанай-ага несколько задумавшись сказал: «Бог создал время, но о спешке Он ничего не сказал. В молодости жизнь кажется бесконечной. Человек считает, что у него очень много времени впереди. Поэтому мы привыкаем откладывать свои дела в долгий ящик, т.е. на потом. А когда мы хотим взяться за отложенное, замечаем, что уже поздно. Жизнь – необозримое поле, если смотреть на нее в начале пути, и всего длиной в две пяди, если оглянуться на нее в конце пути. Исходя из этого, Серик, надо именно сейчас провести 325-летие со дня рождения Бухар-жырау, взяв за основу хотя бы условно дату его рождения, указанную в Казахской энциклопедии. Сейчас у нас нет времени на изменение этой даты, а стоит ли нам заниматься доказательством того, что он родился в 1685 г. Пусть эту проблему решат в будущем ученые. А еще, имей в виду, что если ждать круглую дату, то ближайшее 330-летие будет в 1998 г., до этого времени, возможно, я не доживу». Вспоминая этот разговор, сегодня я поражаюсь, как будто ему Бог предсказал, что надо с этим вопросом торопиться. В 1997 г. он ушел из жизни.

Известно, что прижизненного изображения Бухар-жырау не существует, так как в те времена в Казахстане портреты не писали. Несмотря на это, накануне празднования юбилея Бухара нам хотелось создать его портрет. Для решения этого вопроса в августе 1992 г. в Институте литературы и искусства имени М.О. Ауэзова в кабинете писателя-этнографа Акселеу Сейдимбекова собрались: прямые потомки Бухар-баба: Бокежан Аяпбергенов и Нигмет Танашев, член-корреспондент Академии наук Республики Казахстан Шамшиябану Сатпаева, известный архитектор Шот-Аман Ыдырысулы Уалиханов и автор этих

уважительно-вежливая форма обращения. Например, от Аскара – Асеке, Серика – Секе, Ныгмета – Нықа.

строк. И в этом составе коллегиально обсудили, в каком одеянии и приблизительно в каком облике должен быть изображен в портрете Бухар-жырау. Изучили выражение лиц, по фотографиям, старшего султана Баян-Аульского округа, дальнего родственника Бухара Мусы Шорманова и его сына Садуакаса, потомков Мудреца Бопежана Аяпбергенова и Нигмета Танашева. После чего пришли к единому мнению, каким должен быть портрет этого великого человека. Здесь же, в кабинете Акселеу Сейдимбекова, Шот-Аман Уалиханов вызвал по телефону молодого художника Елубека Базарбекова, который охотно согласился написать портрет Великого барда казахской степи. Оплату всех затрат по изготовлению портрета взял на себя Нигмет Танашев. Через три месяца портрет Бухар-жырау был готов.

В начале 1993 г. за подписями народного писателя Казахстана Д. Абилева, академика Ж.М. Абдильдина, директора Института истории Академии наук Республики Казахстан М.К. Козыбаева, министра культуры Республики Казахстан Е. Рахмадиева, директора Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова С.С. Кирабаева, члена-корреспондента Академии наук Республики Казахстан Р. Бердыбаева, прямых потомков Бухар-жырау Б. Аяпбергенова и Н.Б. Танашева, члена комиссии по подготовке и проведению юбилея Бухар-жырау С.И. Джаксыбаева было направлено письмо главе Алматинской городской администрации Нуркадилову З.К. и его копия заместителю Премьер-Министра Республики Казахстан Султанову К.С. с просьбой переименовать улицу Фурманова в Алматы на улицу Бухар-жырау.

Так, в 1993 г. до празднования юбилея Бухар-жырау были переименованы: в Караганде одна из центральных улиц – Советский проспект на проспект Бухар-жырау, в Алматы Ботанический бульвар на бульвар Бухар-жырау и в Экибастузе улица Ермака на улицу Бухар-жырау. Здесь следует отметить, что в

городе Экибастузе на улице Бухар-жырау живет его потомок Рахим Камбалов с сыном Айыпом. Присвоение имени Бухар-жырау одной улице согласно постановления правительства осталось невыполненным только в Павлодаре. Поэтому я как член республиканской юбилейной комиссии по празднованию юбилея Бухар-жырау 3 мая 1993 г. направил главе Павлодарской областной администрации письмо с предложением о переименовании улицы Кутузова в г. Павлодаре на проспект Бухар-жырау. После областная ономастическая комиссия принимает решение о переименовании улицы Дзержинского на имя Бухар-жырау. Однако аким города Павлодара А.Б. Рюмкин с мотивом «нет средств» не утверждает решение ономастической комиссии. Так, к сожалению, до сих пор в Павлодаре нет улицы имени Бухар-жырау.

19 августа 1993 г. во Дворце культуры шахтеров города Караганды состоялась научно-теоретическая конференция, посвященная 325-летию со дня рождения Бухар-жырау. Конференцию открыл Вице-Премьер-Министр Республики Казахстан К.С. Султанов. На конференции с докладом выступил академик М.К. Козыбаев, член-корреспондент Национальной Академии наук Республики Казахстан Р. Бердыбаев, доктор философских наук М.С. Орынбеков и другие ученые. Среди выступающих с докладом были и родичи Бухар-жырау в 10-м, 11-м коленах: доктор исторических наук Д.А. Шаймуханов, кандидат исторических наук Ж.О. Артыкбаев и кандидат философских наук Т. Жумадилов.

20 августа 1993 г. на привокзальной площади Караганды, где кончается проспект Бухар-жырау, состоялся торжественный митинг общественности города с участием приезжих гостей по случаю открытия памятника Бухар-баба. На митинге с теплой речью выступил потомок Вещего певца Болежан Аяпбергенов. Автором памятника Бухар-жырау является скульптор Мурат Мансуров.

*Мемориальный памятник
на месте захоронения
Бухар-жырау*

К 20 августа 1993 г. в урочище Садык был раскинут городок из сотни белых юрт. На праздник юбилея Бухар-жырау приехали гости из всех областей Казахстана, а также из дальнего и ближнего зарубежья. 21 августа здесь было торжественное открытие монументального мемориального комплекса, сооруженного на могиле Бухар-жырау, который включает в себя мавзолей, клуб с музеем, коттеджи, котельную, автомобильные и вертолетные стоянки. Мемориальный комплекс построен по проекту института «Карагандаагропроект». А затем в течение

двух дней были театрализованное представление, айтыс (соревнование в песнях) акынов, национальные спортивные игры, массовое гуляние.

«Народ, имеющий мудреца, – говорил Бухар-жырау, – обладает неиссякаемым духовным богатством, равным письменным источникам... Смерть неизбежна, но не умирает мудрое слово, дело и имя хорошего человека». Эти слова он как бы о самом себе сказал. Если Гениальный певец Великой казахской степи своей мудростью увековечил свое имя, то долг казахстанских ученых-филологов, исследователей-бухароведов и переводчиков в недалеком будущем подготовить академическое собрание сочинений Бухар-жырау на казахском и русском языках, чтобы донести его наследие до многонациональных читателей республики. Ибо культура, литература, человеческий гений – понятия, не ведающие этнических границ.

PS. 1 июля 2008 г. Глава государства Нурсултан Абишевич Назарбаев побывал с рабочей поездкой в Карагадинской области, где принял участие на открытии бронзового памятника Бухар-жырау у здания Карагандинского городского акимата.

МУСА ШОРМАНОВ

Кто бывал на казахском кладбище, расположенном возле аула Тендик, ранее входящего в состав бывшего совхоза имени академика Сатпаева Баян-Аульского⁹ района Павлодарской области, тот, конечно же, обратит внимание на мраморный надгробный памятник с железной решеткой и надписью на казахском и русском языке: «Здесь покойтся прах полковника Мусы Чорманова. 1819-1885». Каждый человек, увидев в степи такое необыкновенное надгробие, заинтересуется личностью покойного. О нем рассказывают порою всякие небылицы. На основе архивных документов и официальных литературных источников попытаемся воссоздать облик Мусы Чорманова.

Муса Чорманов родился в семье богатого казаха Чормана из генеалогического рода Каржас, потомки которого с 30-х годов XVIII века живут южнее и юго-западнее Баян-Аулинских гор.

*Муса Шорманов
(1818-1884 гг.)*

⁹ Баян-Аул – искаженная форма; историческое правильное казахское название – Баян-Аула, образованное из двух монгольских слов: «баян» (богатый) и «аула» (гора) – богатая гора. Гласная буква «у» в монгольском словосочетании «баянула» в частом произношении на казахском языке преобразовалась в парную гласную «ау» и в казахской фонетической форме получалось слово «баянаула».

Поскольку начальную букву имени отца Мусы и его фамилии в XIX веке во всех русских казенных документах и исторических изданиях писали через «ч» (вместо «ш»), то и мы будем писать «Чорман» и «Чорманов».

Думаю, здесь уместно будет дать пояснение термину «род» у казахов. В порядке примера приведем генеалогическое древо Мусы Чорманова, начиная с его отца, только в прямом поколении без ответвлений рода: Чорман – Кучик – Сати – Мырзагул – Анай – Тели – Кулыке – Каржас. Такая последовательность предков означает, что Чорман сын Кучика, Кучик сын Сати и т.д. Отсюда видно, что Чорман является седьмым поколением человека по имени Каржас. Если учесть, что у Каржаса было три сына (Кулыке, Ерим, Бегим), то впоследствии все поколения от них будут относиться к роду Каржас. Вот почему у казахов все поколения от какого-либо конкретного родоначальника считаются далекими родственниками. Автор этих строк входит в родство с Мусой Чормановым на 10-м колене предка Кулыке.

Испокон веков у казахов было принято, чтобы каждый знал имена своих предков до седьмого колена. Поэтому казахи говорят: «Кто не знает имен своих семи предков, тот неразумный человек». Таким образом, можно понять, почему в старое время первое знакомство казахов всегда начиналось с вопроса: Откуда родом? А старики-аксакалы напоминали детям: Помни родство свое! Такое наставление нисколько не приводило к отчуждению от других родов, а является элементом высокой культуры. Отметим, что у казахов есть давнишняя традиция не жениться и не выходить замуж до седьмого колена предков.

Мне думается, интерес к родословному древу был раньше и у других народов. Это подтверждает следующее высказывание А.С. Пушкина: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие». «Государственное правило, – говорит Н.М. Ка-

рамзин, – ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному». Греки в своем унижении помнили славное происхождение свое и тем самым уже были достойны своего освобождения... Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?» [19, 443-444].

А спросим сегодня как молодых, так и взрослых: до какого колена они знают своих родственников; кто были их прадеды, прапрадеды; где они жили; кто родственник по линии матери, бабушки? Вряд ли многие ответят на эти вопросы. Тогда и невольно думаешь: а не из этого ли незнания вытекает мутный поток предания забвению истории не только своего рода, но и своего народа и своей земли. Эти вопросы – явления одного порядка и тесно между собой взаимосвязаны. Возможно от незнания своих предков возникают сегодня кое у кого шовинистические взгляды разного толка вплоть до возвеличивания отдельных родов.

Чорман Кучиков был знаменитым бием среди населения северо-восточных регионов Казахстана. Это подтверждает выдающийся казахский ученый Чокан Валиханов: «Бий Чорман, сын богатого и знатного киргиза (читай: казаха. – С.Д.) каржаского рода, но не бия. Чорман, у которого предки никогда не были биями, тринадцати лет приобрел это звание, выиграв важный родовой процесс на одном народном сейме, и до смерти своей назывался Чорман-мальчик. Мы знаем много киргиз, которых отцы были известными биями, но которые сами не носят этого звания» [11, 87].

Бий – представитель родовой знати, который контролировал общественную жизнь населения, знаток казахских законов, поэтому звание бия подчас не совсем точно отождествляется со званием судьи. Не зря казахи говорят: «Бедный, но добрый бий стоит больше, чем хан, не заслуживающий уважения».

Отец Чормана умер, когда ему было 10-11 лет и похоронен у мавзолея Кожа Ахмет Ясави в городе Туркестане. В другом месте своего сочинения о Чормане Чокан Валиханов пишет: «В родах киргизов Баян-Аульского округа султаны¹⁰ имели менее значения, нежели в других родах, а роды эти управлялись сильными родоначальниками – биями. Особенно известны в народе бии: в айдабульском роде – Чон, а в каржасском – Чорман, по прозванию Чечен (мудрый), знаменитый умом и хитростью. Чорман, обладая редким даром слова, 14 лет от роду был уже родоначальником – бием и в одном тяжёлом процессе славно защитил своих родовичей перед лицом хана Вали» [229, 309]. К Чорману, как человеку умному, справедливому, обладающему красноречием, часто обращались за решениями по всевозможным житейским искам. Решения его для всех одноаульчан были законом. Многие слова – красноречие Чормана дошли до нашего времени и опубликованы в отдельных книгах, а также используются по различным соображениям в качестве цитат [20, 65-65, 105, 120-121], [21, 45-46]. Например, сегодня часто употребляется такое изречение Чормана: «Малым – жанымнын садагасы, жаным – арымнын садагасы» («пусть будет скот жертвой души, а душа – жертвой чести»).

Бий Чорман родился в 1788 г. на южных отрогах Баянаулинских гор. При рождении ему дали имя Жумабай. Впоследствии, когда 14-летнего Жумабая народ стал называть бием – мальчиком, кто-то из уважаемых старцев аула нарекает его почетным прозвищем Шорман. Это прозвище потом вытеснило его настоящее личное имя. О вероятном происхождении прозвища Шорман можно выдвинуть такую версию. Слова «шорман» состоит из двух компонентов: «шор» и «ман». Как известно, в нижней части ствола березы бывает нарост (по-казахски: шор), который не может рассечь самый острый топор. О березовом на-

¹⁰ Султаны – потомки Чингис-хана (чингисиды), их называют также «торе» (господа). Слово «торе» перешло к казахам от периода татаро-монгольского господства.

росте говорят: мал, да крепок. Ман – суффикс, обозначающий подобие, сходство, исполнение функций, выраженных в именной части [22, 86]. Можно предположить и другую версию (см. в этой книге статью «Целебное озеро»). Таким образом, прозвище Шорман означает крепкий, сильный человек, а в более широком смысле оно является эпитетом умудренного знаниями человека с сильным характером. По такому же принципу, можно сказать, происходило и название казачьего предводителя – атаман – типично тюркское слово: «атаман» означает «главарь, предводитель», а буквально «подобный отцу, как отец».

В 1833 г. на окружном съезде бий Чон Едигин, пользующийся почетом не только среди местного народа, но и со стороны царской администрации в Омске, был избран старшим султаном (ага султаном) Баян-Аульского окружного приказа (окружной приказ по-казахски: дуан). Одновременно на этом съезде бий Чорман избирается кандидатом на должность старшего султана. Здесь нелишне пояснить, что в соответствии с «Уставом о Сибирских киргизах», утвержденным царским правительством 22 июля 1822 г., на землях Сибирских киргизов были образованы внешние округа, во главе которых поставлены «окружные приказы». «Устав о Сибирских киргизах» был разработан графом, русским государственным деятелем М.М. Сперанским (1772-1839 гг.) с целью усиления колонизации казахской степи. Так, согласно этому Уставу, казахи, жившие в конкретном округе, не должны были кочевать в территорию другого округа. Они имели право кочевать лишь в пределах своего административного округа. Такое ограничение привело к подрыву основ патриархально-родового быта, основанного на совместном кочевании родами. Ведь известно, что казахи как кочевой народ страстно любят свободу. Они кочевали всюду, где находят свободное место и презирают всякого, кто посягает на их свободу.

Сибирские киргизы – казахи Среднего жуза, населявшие территорию тогдашней Акмолинской и Семипалатинской и частично Томской губернии. Окружной съезд избирал на три года двух человек: одного – в должность старшего султана, другого – кандидата к нему. Во главе приказов поставлены выборные старшие султаны. Кочевое население в каждом приказе разделяется на волости, а волости – на аульные общества, соседственные по расположению зимовых стойбищ. Аульные общества образовали из кибитковладельцев, имеющих совместное поземельное пользование. При этом число кибитковладельцев, входящих в состав каждой волости и каждого аульного общества, не превышало соответственно 2000 и 200. Волости заведовались волостными управителями, а аульные общества – аульными старшинами, которые избирались на волостных и аульных съездах на три года тоже из двух человек, как в окружной приказ. Для показа масштабности управленческо-административной деятельности старшего султана следует сказать, что, например, в составе Баян-Аульского окружного приказа в 1833 г. были 12 волостей, 791 аулов, 18132 юрт с численностью 65457 человек обоего пола, в том числе 28053 мужчин [23, 121].

Бий Чорман под влиянием казаков-крестьян, живущих в станице Баян-Аул, начиная с 1832 г. усердно занимался хлебопашеством. Об этом подтверждает его переписка на 12 страницах с командиром отдельного Сибирского корпуса, командующим Баян-Аульским военным отрядом, о командировании казахов в его распоряжение, об отпуске ему сельскохозяйственного инвентаря и семян [23]. При этом надо отметить, что казахи обрабатывали землю деревянным омачом, железным кетменем (деревянной сохой без сошников) и железными лопатами.

В 1832 г. зимовка Чормана была в урочище Кызылагаш, находящемся в 7 км к юго-западу от станицы Баян-Аул. В начале 1833 г. командующий Баян-Аульским военным отрядом

сотник Кузнецов направляет в распоряжение Чормана четыре казака для охранения его, снабжения его хозяйства земледельческим инструментом, семенами, приготовления материалов для постройки в его зимовьях в предгорьях Джаман-Аула¹¹ домов: ему и мулле его. Сотник Кузнецов в своем рапорте Омскому областному начальнику генерал-лейтенанту Динтлорану от 4 мая 1833 г. пишет: «Бий Чорман выпросил у меня 2-х казаков для посева хлеба на две недели и после того чтобы они вырубили ему до двухсот бревен по выбору. Но по неимению наличных денег, при первом разе отдал им лошадь, стоящую 30 руб., и по окончании работы отдал еще халат в 15 руб., чем казаки остаются весьма довольными»[24, 1-9]. В другом документе, отчете по Управлению внешних округов сибирских казахов, о перенимании местным населением хозяйственных достижений станичных крестьян, сказано: «Киргизы... от частого соприкосновения с русскими все более привыкают к образу оседлой жизни и подражают в этом жителям, многие строят себе дома и заводят хлебопашество»[25, 6].

В 1834 г. бий Чорман выдаёт замуж старшему султану Аманкарагайского окружного приказа Чингису Валиханову свою дочь Зейнеп, сосватанную при жизни хана Вали Аблаева, согласно казахскому обычаю, еще в раннем детстве.

После смерти Чона в 1835 г. Чорман до выборов согласно «Устава о Сибирских киргизах» исполнял обязанности старшего султана. Окружной диван (совещательный орган) по согласованию с омской администрацией назначает выборы на 12 апреля в 1836 г., но коллежский асессор Нагибин, несмотря на присутствие в этот день менее 2/3 всего числа выборщиков, путем фальсификации избирает старшим султаном Итемгена Шопанова. На этот незаконный акт многие местные султаны, бии, волостные правители и аульные старшины (всего 41 человек) 16 апреля 1836 г. написали письмо генерал-губернатору Западной

¹¹ Джаман-Аула – западная часть Баян-Аулинских гор.

Сибири П.Д. Горчакову. Приведем выдержки из этого письма: «...Мы хотим заявить Вам, что коллежский асессор Нагибин, помимо окружного дивана, вместе с приверженными ему старшинами в своем доме, написал приговор об избрании Итемгена Шопанова, приложив к нему тамги и тех старшин, которые во все при этом не присутствовали, хотя значатся в списке, после чего этого приговор был отправлен к высшему начальству. Мы же, ...приехав в точно назначенное время, 12 апреля, в присутствии его снова произвели выборы, и все султаны, волостные правители, бии и старшины единогласно избрали на должность старшего султана бия Чормана Кучукова, который исправляет сейчас эту должность и является российским капитаном. Он наш избранник, а кандидатом к нему мы избрали султана, надворного советника Али Кокшалова, потому что, хотя Чорман не султанского происхождения, но он имеет чин российского капитана и пользуется уважением народа как первый бий, хорошо знающий дела киргизов и решающий их самым справедливым образом, а потому мы, нижепоименованные, хотя и султанского происхождения, но уступаем Кучукову это звание из уважения к нему за его доброту и справедливость. Убедительно просим Ваше превосходительство согласно нашему единодушному желанию утвердить Чормана Кучукова в звании старшего султана.

Еще просим Ваше превосходительство из нашего округа коллежского асессора Нагибина, который занимается обманом и составил ложный приговор, потому что если он останется в диване и если Вы утвердите в звании старшего султана Итемгена Шопанулы, то все мы лишимся спокойной жизни, в уверение чего ставим свои печати и тамги» [26, 18-19]. Среди подписавших это письмо были 18-летний управитель Кулык-Каржасской волости Муса Чорманов и известный бий каржасского рода, управитель Сатылган-Алтынторинской волости Укибай Найзабеков (с 1778 г. рождения).

Упомянутый в приведенном выше письме, чингисид Али Кокшалов в 1848-1851 гг. был старшим султаном Баян-Аульского окружного приказа.

В 1836 г. бий Чорман, российский офицер в чине капитана, утверждается старшим султаном, и ему за усердную службу присваивается очередной чин хорунжего. Летом в 1837 г. в расцвете сил хорунжий Чорман, на своей летовке, недалеко от правого берега реки Селеты, скоропостижно умер. Его похоронили на северном склоне Ерейментау рядом с останками Олжабай-батыра¹² и бия Едиге Толебайулы. Эти захоронения находятся на территории центральной усадьбы бывшего совхоза имени 20-летия Казахстана Ерейментауского района Акмолинской области.

У Чормана и его жены Топан было шестеро детей. Старшая из них дочь Зейнеп, сыновья Муса, Мустафа, Иса, Абу Али ибн Сина (прозвище Аужан) и дочь Зейпин. Здесь следует отметить, что Чорман, дав младшему ребенку имя великого философа, врача Востока Абу Али ибн Сина (Авиценны), можно сказать, не только знал громкое имя ученого, но был хорошо осведомлен его учением.

Вся общественно-родовая деятельность Чормана, нет сомнения, существенно повлияла на его старшего сына Мусу. Из рассказов аксакалов-очевидцев до нас дошло, что Муса в раннем детстве заметно отличался от своих сверстников острословием и смысленостью. Поэтому бий Чорман, возлагая на него большие надежды, всегда держал его возле себя, чтобы он наблюдал все перипетии сложной аульной жизни и в то же время по-настоящему учился отличать хорошее от плохого.

---

¹² Батыр – человек, который отличается своей храбростью во время крупных столкновений с внешними врагами. Современное монгольское слова «батор», казахское «батыр» и русское «богатырь» – производные формы древнетюркского слова «бахадур».

В молодости Муса, как обычно, получил первоначальное образование от аульного муллы, а затем в 1830-1832 гг. с помощью толмача и казаков без особых трудностей познает начальные азы русской грамоты [26, 9]. В 1832 г. он поступает экстерном в училище Сибирского казачьего войска [27], [28,13],[29, 3]. Предметом обучения в училище были закон Божий, языки – русский, татарский, персидский, монгольский и арабский, арифметика, история, география и статистика всеобщая и русская, алгебра, геометрия и тригонометрия. Курс обучения продолжался восемь лет, и для приема в него назначались дети от 10 до 12-летнего возраста, – правило, которое почти никогда не соблюдалось [30, 5-6]. В Омске Муса познакомился с Чингисом – отцом Чокана Валиханова.

В 1833 г. Муса Чорманов по неизвестному нам обстоятельству прерывает учебу в Омске и возвращается к себе домой. Как известно, в это время бий Чорман вместе с бием Чоном вел активную борьбу за открытие Баян-Аульского внешнего округа. В связи с этим бий Чорман, возможно, захотел втянуть Мусу в эту общественно-политическую кампанию. И неслучайно после открытия Баян-Аульского округа¹³ Муса в 1833 г. был избран управителем Туртугальской волости. На этой должности он находился почти семь лет [31, 4] и [26, 19].

О том, что Муса Чорманов не закончил училище Сибирского казачьего войска, можно догадаться из записи Петра Золотова, который пишет: «Впрочем, экстерны из киргиз все-таки в нее¹⁴ допускались; только жаль – их было мало. Из этих экстернов я припоминаю только двух: султана Чингиза Валиханова (ныне – кажется – полковник), да Токтамышева (уже отставной чиновник)» [32, 6].

¹³ Баян-Аульский внешний округ был открыт 22 августа 1833 г.

¹⁴ Здесь имеется в виду Омская Азиатская школа, которая 1828 году присоединилась к училищу Сибирского казачьего войска.

В 1834 г. Муса женится на красавице Акжан, дочери Кареке из рода Куандык (отделение Мурат), который приходится старшим братом Каржаса, сына Мейрамсопы.

В 1837 г. старшим султаном Баян-Аульского окружного приказа путем подкупа русских чиновников царской власти избирается султан Маман Аблаев. Значительное число казахов Баян-Аульского дуана, недовольные назначением Аблаева старшим султаном, присоединились к национально-освободительному восстанию Кенесары Касымова [33, 254] и [34, 228]. По этому поводу следует отметить, что Маман Аблаев, хотя был родичем Кенесары Касымова, поддерживал его в начальной стадии восстания, а когда восстание начало распространяться на значительную часть казахской территории, охватывая район за районом, тогда он изменил движению, перешел на сторону царской власти [34, 190]. Царское правительство в 1838 г. сняло Аблаева с поста старшего султана, якобы за «бездеятельность», когда он был захвачен в плен в своем ауле сторонниками Кенесары Касымова [34, 229].

Муса Чорманов, так же как Маман Аблаев, на первом этапе восстания Кенесары (1837-1838 гг.) из-за боязни разорения и лишиться авторитета среди подвластных ему казахских родов примкнул к восстанию казахов Баян-Аульского округа. В противном случае у Кенесары было намерение угнать весь его скот. Однако в ходе восстания впоследствии Чорманов перешел в лагерь омских властей [34, 190, 229]. В Центральном Государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК) есть «Дело об уходе султаном Кенесары Касымовым волостных управителей Баян-Аульского окружного приказа М. Чорманова и У. Наубекова. Начато 14 августа 1839 г. – кончено 28 октября 1839 г.» [35]. Так, Муса более двух месяцев был узником Кенесары. Каким образом освободился он из этого плена, пока остается вопросом. Можно предполагать, что по причине пребывания в

ставке Кенесары кандидатура Мусы Чорманова в 1838 г. не выносилась на выборы старшего султана. В 1838 г. царское правительство назначило старшим султаном Баян-Аульского округа султана Бопы Татенова.

В 1840 г. Муса Чорманов назначается на должность заседателя Баян-Аульского окружного приказа. Поясним, что, согласно особому положению, изданному царским правительством в 1838 г., для управления так называемыми сибирскими казаками окружной приказ состоял, кроме старшего султана, из трех русских заседателей, определяемых в должность военными губернаторами Омской и Семипалатинской областей из почетных казахов, избираемых аульными старшинами и биями и утверждаемых также военным губернатором.

В 1853 г. приказом генерал-губернатора Западной Сибири генерал-лейтенанта Г.Х. Гасфорда Чорманову «за отлично усердную службу и преданность правительству» присвоен чин хорунжего.

Для показа имущественной состоятельности заседателя Мусы Чорманова отметим, что он имел в личной собственности 400 лошадей, 11 молочных коров, 300 баранов. Среди родственников Мусы самым богатым был брат Иса, который имел в личном владении 10 тысяч лошадей.

В 1853 г. заседателю Баян-Аульского окружного приказа Мусе Чорманову с разрешения пограничного начальника Западно-Сибирского губернаторства выделяется земельный участок на урочище Аккелин для постоянного жительства [36].

Зимовое стойбище Мусы Чорманова находилось на западной стороне урочища Аккелин, на берегу речки Ащису (на месте нынешнего аула Тендик). Эта местность отличалась отсутствием снежных заносов и наличием достаточно кормовых трав под тонким снежным покровом, позволяющим рогатому скоту, лошадям и овцам в зимнее время добывать себе корм из-под

снега. Если учесть, что казахи, как правило, заготовкой сена на зиму не занимались, то такое место давало возможность содержать им зимой возле себя скот, необходимым домашнему хозяйству. При этом надо отметить такое обстоятельство. Будучи в 1978 г. впервые на зимовке Абая Кунанбаева, расположенной в урочище Жидебай, я обратил внимание на сходство точь-в-точь рельефов местности вокруг зимовки Мусы и Абая.

Летом 1854 г. на территорию Баян-Аульского округа вторглись китайские золотоискатели, которых понадобилось силою казачьего отряда Омской власти возвращать обратно. В этой операции принимал участие и Муса Чорманов. И ему «за особенное содействие отряду под начальством подполковника К.К. Гутковского, командированного для удаления китайских золотопромышленников из наших пределов...» был присвоен очередной офицерский чин сотника [31, 17].

В связи с истечением трехлетнего срока исполнения обязанности старшего султана Баян-Аульского окружного приказа чингисидом Канкожа Татеновым на эту должность выдвигается кандидатура Мусы Чорманова. На окружном съезде, проведенном 15 августа 1854 г., Муса Чорманов был избран старшим султаном. 1 сентября 1854 г. на основе состоявшегося выбора и с одобрения военного губернатора Семипалатинской области сотник Чорманов генерал-губернатором Западной Сибири Гасфордом утверждается старшим султаном [31], [37].

Каждому старшему султану давали золотую саблю, знамя, грамоту на служебное достоинство. И они получали по 100 руб. серебром в месяц и по 60 кулей ржаной муки в год.

С разрешения императора Николая I в январе 1855 г. Муса Чорманов впервые приезжает в Санкт-Петербург, где ему присваивается офицерское звание есаул. На время отъезда Мусы Чорманова в Санкт-Петербург исполнение обязанности старшего султана было временно возложено на его брата, управи-

теля Кулыке-Каржасской волости Мустафу Чорманова (1820 г. рождения).

В числе депутатов, отправленных из Среднего жуза в Санкт-Петербург, был управитель Сейтеновской волости Семипалатинской области Темиргали Нурекенов. В своей путевой записке он пишет: «Собравшись предварительно в Омске, депутаты 7-го января отправились по железной дороге в Петербург...

В каких-нибудь 7-8 дней, проехав 3,5 тыс. верст мы уже были в Петербурге. 18-го января, в 12 часов дня, все депутаты, приехавшие в Петербург..., собрались в Николаевском зимнем дворце, где депутация каждого сословия подносила Царю и Царице хлеб-соль, дорогие подарки и выражала Им свои верноподданнические чувства. То же сделали и мы, киргизы Степного края. Царь и Царица милостиво приняли поднесенные подарки и хлеб-соль и выразили нам благодарность» [37].

В конце своей записки Нурекенов пишет: «Муса Чорманов..., приехав на родину, сказал, что, кому не пришлось видеть Петербург, тому не следует верить других, что он рожден и видел Божий свет, – и это совершенно справедливо» [37].

В феврале 1855 г. неожиданно умер царь Николай I, и на престол вступил его старший сын – Александр II. Тогда Муса Чорманов, бии и управители волостей Баян-Аульского округа написали письмо-прошение военному губернатору области Сибирских казахов с просьбой посылать делегатов из округа для поздравления императора Александра II. Ниже приводится текст этого письма.

*Служебная печать
Мусы Чорманова*

«Его превосходительству Военному
Губернатору Сибирских Киргизов
Господину генерал-лейтенанту
и кавалеру Панову
общественности Баян-Аульского округа

ВСЕПОКОРНЕЙШЕЕ ПРОШЕНИЕ

*Император России
Александр II
(1818-1881 гг.)*

Оплавав горестную кончину драгоценного нашему сердцу Его Императорского Высочества наследника Цесаревича и Великого князя Николая Александровича, мы с глубокою грустью в сердце, непрестанно возносим теплые молитвы наши к Господу Богу о вечном его успокоении.

Высочайшим манифестом 20 июля 1854 года мы были вновь сердечно обрадованы провозглашением наследником Всероссийского Престола Его Императорского Высочества Великого князя Александра Николаевича.

Находясь под высоким покровительством могущественной России защитой мудрых ее Законов, мы, движимые чувством верноподданнической любви и глубокой признательности к Августейшему нашему Государю Императору Александру Николаевичу, желаем из среды нашей избрать депутатов для отправления в С.-Петербург, для принесения личного поздравления Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому князю Александру Николаевичу киргизского народа 15-ти волостей, Баян-Аульского округа.

Обращаясь к Вашему Превосходительству с всепокорнейшею нашею просьбою, мы почтительнейше просим Высокую Особу Вашу и о ходатайствовании нам разрешения как об избрании депутатов, так и об отправлении их в С.-Петербург для принесения личного поздравления Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу и Великому князю Александру Николаевичу.

Подписали: Муса Чорманов, Секербай Малгельдин, Нургербек Казангапов, Джолдаспек Басыбеков, Мустафа Чорманов, Хусаин Боштаев, Кудайберген Куандыков, Акимбек Альдебеков, Барлыбай Сакымов, Доскей Кабылов, Джрас Бакелов, Мустафа Салпаков, Момынбек Казангапов, Кошкарбай Маймаков, Джарасбай Джолбин, султан Бурахан Алин, Акжан Джумагулов, Сутжан Кудайсугуров» [39].

Итак, для участия в коронации императора в марте 1855 г. в Санкт-Петербург прибывает депутация от областей Сибирских казахов численностью восемь человек, в составе которой были Муса Чорманов, народный композитор, бий Нурбике – Шаншарской волости Каркаралинского округа Таттимбек Казангапов, советник Областного правления Сибирских казахов подполковник Чингис Валиханов, старший султан Акмолинского окружного приказа прапорщик Ибрагим Жайыкбаев (1800 г. рождения), сын бывшего старшего султана Акмолинского окружного приказа Конуркулжа Кудаймендинов, султан Бегалы (1820 г. рождения), заседатель Баян-Аульского окружного приказа хорунжий Секербай Акпанулы, Малгельдин (1810 г. рождения), управитель Алеке-Байдалинской волости Акмолинского округа Аккошкар Кишкентаев (1815 г. рождения), бий Есенбай-Караульской волости Кокшетауского округа Шобек Байсарин (1797 г. рождения). Материалы Министерства внутренних дел России по этим людям, принимавшим участие в коронации императора Александра II, на 90 листах хранятся в Санкт-Петербургском ЦГИА [31].

В этих документах записано: «Муса Чорманов, любимый народом и отличавшийся еще в юношестве умом и дарованиями, на 16 году от роду избран был управителем Тортуьшской волости, которою управлял с 1833 по 1840 г.: и особенным рвением к пользам службы и содействием к возвращению волостей, увлеченным Кенесары Касымовым, обратил на себя внимание начальства. В 1840 г. определен заседателем от киргизов в Баян-Аульский окружной приказ. В 1853 г. за отлично усердную службу и преданность правительству всемилоливо награжден чином хорунжего...».

После коронационной церемонии 2 марта 1855 г. Чорманова и остальных членов депутации принял сам император Александр II. Об этом в письме министра внутренних дел России, направленном управляющему делами Сибирского комитета, есть такие записи: «... Депутацию эту составляет 8 лиц, избранных согласно Высочайшей воле, из не бывших еще в С.-Петербурге почетнейших киргизов, известных особенной преданностью правительству. При них находится за пристава переводчик Областного правления Сибирских киргизов титулярный советник Дабшинский. О награде оной членов Депутации от генерал-губернатора Гасфорда представления в Министерство внутренних дел не имеется.

При сем имею честь приложить именной список лицам, состоящим в Депутации, и присовокупить, что Государю Императору благоугодно было назначить для представления их Его Величеству 23 марта после обедни».

В указанном выше письме Дабшинский В.И. осенью 1847 г. 12-летнего Чокана Валиханова привез в Омск для поступления в кадетский корпус [40, 36].

Александр II принял всех членов депутации от Среднего жуза второй раз перед их отъездом 24 апреля 1855 г. [31, 4, 27].

В именованном списке делегатов области Сибирских казахов, принимавших участие в коронации Александра II записано:

«Старший султан Баян-Аульского округа сотник Муса Чорманов. Говорит по-русски порядочно» [31] и [41, 2]. Известно также, что он весьма свободно владел разговорным французским и арабским языками [29].

В августе 1856 г. царь Александр II пожаловал Чорманова чином майора. Очередной чин подполковника ему был присвоен в мае 1863 г.

Как известно, в 1855 г. Чокан Валиханов принял участие в поездке генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда и совершил большое путешествие по Центральному Казахстану, Семиречью и Тарбагатаю. На обратном пути Чокан, следуя через Каркаралинский округ, заезжает на летовку молодого султана Аблая Конуркулжина, стоящего на берегу реки Нура. Поводом этого заезда явилось то, что младшая сестра Чокана Бадигул-Жамал была женой Аблая – сына старшего султана Акмолинского округа Конуркулжа Кудаймендина. Тогда в честь приезда Чокана Бадигул-Жамал и Аблай приглашают в гости к себе известных людей Среднего жуза бия Алшынбай Тиленшина, народного композитора Таттимбет Казангапова, Мусу Чорманова, поэтов-импровизаторов Биржан Кожагулова и Жанак Сагындыкова. На этой встрече Таттимбет сочиняет свои кюйи «Коянды» и «Косбасар» [42, 28], [43, 3].

Муса Чорманов с целью показа кочевым казахам европейского образа жизни на западной стороне возвышенности Аккелин, на берегу речки Ащису в 1860 г. выстроил для себя шести комнатный дом из бревен с железной крышей, где он провел всю оставшуюся часть своей жизни. В этом доме он жил только зимой, летом кочевал. В письме хозяйственного отделения области Сибирских казахов приводятся такие сведения: «... старший султан майор Чорманов в настоящее время на урочище Аккелин построил пять домов с прислугами и предполагает построить еще десять домов» [44, 59].

В литературных и архивных источниках мне не пришлось находить описание внутреннего убранства комнат в домезимовке Чорманова. Как было уже сказано, Чингис Валиханов приходится ему зятем. Поэтому для примерного представления обстановки в доме Чорманова можно привести описание в доме Валиханова в урочище Сырымбет. Поскольку можно предполагать, что Чорманов в какой-то мере во всех своих житейских затеях, возможно, подражал Валиханову. Так, русский ученый, географ, известный исследователь казахской этнографии А.К. Гейнс (1834–1892 гг.), побывавший в доме Валиханова в 1865 г., писал: «...В середине дома, занимаемого Чингисом с женою, убранство подходит к помещичьему. В зале орган, играющий до двенадцати пьес; зеркало в простенках, бронзовые канделябры с хрустальными подвесками, такие же бра; маленькие шелковые портьеры, обшитые тонким, но широким аграмантом. В гостиной вместо гарднеровских и корниловских ваз стоят китайские; лампа на столе, диван и прочее. Все полы выложены ташкентскими и персидскими коврами; на мебель накинута тигровые, барсовые и медвежьи шкуры. Общее впечатление приятно» [45, 265].

Во время «великой коллективизации» Голощекина – ярого сталиниста, проводимой с лозунгом «срубим корни всех богатей!», «рьяные активисты» советской власти разрушили дом Чорманова и из его бревен в аулах, находящихся в окрестности, были построены две школы. А после, в голодный 1932 г. в Казахской степи, бревна этих школ местное население растащило на дрова.

Когда Чорманову исполнилось 45 лет, ушла из жизни его жена Акжан. После нее он до конца своей жизни вторично не женился.

С 1865 г. Муса Чорманов вместе с Чингисом Валихановым обвиняется с мотивом подозрения «назойливый киргиз»,

«ненадежный человек», и по этой причине оба они были под наблюдением полиции. В 1868 г. был отменен «Устав о Сибирских киргизах». Введено новое положение управления казахской степью, в силу которого окружные приказы и султановская власть упразднены. Вместо окружного учреждены уездные управления. При этом образованы Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская и Уральская области с новыми границами, города Омск и Павлодар стали уездными городами, а город Акмолинск областным городом, но областное управление и все главное управление Западной Сибири остались в Омске.

В связи с этим, а также принимая во внимание старые «грехи» неблагонадежности Чорманова, генерал-губернатор Западной Сибири, генерал-лейтенант А.П. Хрущов в 1868 г. отстраняет его от службы царской власти. Итак, Чорманов, отработав подряд 14 лет в должности старшего султана Баян-Аульского окружного приказа, в принудительном порядке ушел в отставку. В марте 1869 г. приказом императора России за честную коронную службу Чорманов был произведен в чин полковника со льготой: в случае увольнения со службы получать от казны оклад в размере 350 рублей в год пожизненно.

За прилежную службу и преданность российскому правительству Муса Чорманов получал письменные похвалы и различные награды от вышестоящих должностных лиц царской власти и самого императора России. В их числе: похвальный лист и серебряный столовый прибор от пограничного начальника западной Сибири; бархатный халат от генерал-губернатора Западной Сибири генерал-лейтенанта, князя П.Д. Горчакова; серебряно-вызолоченный столовый прибор от генерал-губернатора Западной Сибири; золотая медаль для ношения на шее на Аннинской ленте; золотой перстень, украшенный бриллиантами; коронационная медаль для хранения в роде; светло-бронзовая медаль на Андреевской ленте для ношения в

петлице, учрежденная в память Крымской войне 1856 г.; благодарность от военного губернатора области Сибирских казахов; благодарность от императора Александра II; орден святого Станислава 2-й степени; бриллиантовый перстень с вензелевым изображением императора Александра II от князя Владимира Александровича; признательность от генерал-губернатора Западной Сибири генерал-адъютанта Н.Г. Казнакова за содействие успешному производству в 1880 г. переписи казахского скота по Баян-Аулинскому региону и за усердие к приращению государственных доходов. Известно также, что Мусе Чорманову было присвоено звание почетного гражданина России.

Муса Чорманов хорошо знал основные положения свода законов «Жети жаргы» («Семь установлений»), созданного в период правления казахского хана Тауке (1680-1718 гг.) на почве повседневной жизни и быта населения. Свод законов состоял из семи положений: о вещественном иске (споры о земле, скоте, о вещах); об уголовных делах (воровстве, убийстве, грабеж, насилие); о военной повинности (воинская обязанность, формирование отрядов, дружин, поставка продовольствия, коней); об обязанностях послов, парламентаров (вопросы этики, красноречия, умение держать себя во время переговоров, вежливость); об обычаях (раздача материальной помощи нуждающимся, проведение пиршеств, праздников, массовых мероприятий, правила поведения их распорядителей ясаулов); о вдовствующих женщинах; об оплате компенсации за убитых. Поэтому не случайно Чорманов считался признанным советником высокопоставленных русских чиновников по всем запутанным вопросам, касающимся Степи.

Об уровне образованности Чорманова свидетельствует следующая выдержка из его письма русскому востоковеду XIX века, географу, этнографу, путешественнику Г.Н. Потанину: «Вы, как человек, занимающийся археологией, то и письма

Ваши пишутся старинным почерком, напоминающим время Дмитрия Донского...» [46, 228]. Дружеские и подлинно интернациональные взаимоотношения складывались между Чормановым и Потанином. В своей статье «К характеристике Сибири», опубликованной в газете «Колокол» в 1860 г., Потанин писал: «Здесь дан первый набросок портрета Чокана, впервые рассказано также об его отце и его свояке Чорманове как о самых сведущих людях степных обычаев, как о самых авторитетных в своей среде и перед лицом «интеллигентных чиновников» омской администрации... В числе депутатов из разных наций при коронации Александра II был киргиз из Западной Сибири – Муса Чорманов, человек умный и наблюдательный. В Москве он встретил молодого немца, увлекавшего общество своим разговором. Чорманов сказал ему такой комплимент: «В первый раз вижу умного немца». Эта невольная фраза лучше всего доказывает, как трудно встретить в Сибири дельного немца» [47, 23, 171–172].

По поводу этого комплимента Чорманова необходим небольшой комментарий. Служебные дела Мусы Чорманова не всегда шли на лад, как говорят душа в душу, с чиновниками-правителями Западной Сибири, особенно немецкого происхождения, которые разбогатели за счет взяток, коррупции и шантажа [46, 136, 155-157, 160-161]. Среди них: генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд Г.Х., генерал-майор, исполняющий должность Пограничного начальника области Сибирских казахов Клейст Е.А., полковник, барон, председатель Областного правления Сибирских казахов Майдель П.Ф., коллежский ассессор, правитель канцелярии военного губернатора Области Сибирских казахов Г.К. Кури, военный губернатор Области Сибирских казахов Фридрихс и др. не так приветливо воспринимали благородные дела Чорманова, касающиеся жизни казахов Баян-Аульского округа. Поэтому, приведенные выше в шутку слова Чорманова можно понять и как итог его суждений о чи-

новниках царской власти немецкой национальности, с которыми он имел личные контакты по службе.

В последующем Г.Н. Потанин неоднократно подчеркивал личные качества и авторитетность Мусы Чорманова. В Санкт-Петербургском литературном и научном журнале «Русское богатство» в 1896 г. он писал, что Муса Чорманов «...был известен в Омске как человек врожденного ума и знаток киргизской жизни. В течение не менее полувека омская администрация пользовалась советами и влиянием на степное население... Мусы Чорманова [48, 77]. В 1904 г. в статье «Биографические сведения о Чокане Валиханове», он еще раз отмечает, что «Муса Чорманович Чорманов, дядя Чокана, переживший племянника, был очень влиятельный человек в степи, пользовался уважением степных властей, имел чин русского полковника, подолгу жил в Омске, раза два ездил в Петербург и вообще был одним из наиболее европеизированных киргизов» [49, 5-6].

Будучи в детства благовоспитанным, Муса Чорманов с первого взгляда непременно производил чарующее впечатление, умел бойко рассуждать обо всем, искусно располагал симпатиями к себе собеседников. Поэтому к нему нельзя было относиться без почтительности, и он имел много добрых и чутких друзей. По этому поводу писатель И. И. Стрелкова пишет: «Зейнеп (мать Чокана Валиханова – С. Д.) Чорманова, обрученная с Чингисом еще в детстве, была достаточно образованной для того времени женщиной. Ее брата, Мусу Чорманова, знали в аулах и в Омске как человека весьма острого на язык. Он тоже успел завести немало друзей из числа образованных русских, носил перчатки и даже танцевал на балах. Муса согласно степному обычаю сделался своим человеком в доме замужней сестры, он и Чингис постоянно советовались друг с другом по всем запутанным вопросам степной политики» [50, 21].

Между Мусой Чормановым и его племянником Чоканом Валихановым была большая человеческая дружба. Чокан был

единомышленником дяди, получал от него духовную и материальную помощь. О Мусе Чорманове среди русской интеллигенции сложилось мнение как о незаурядной личности, оказавшей определенное влияние на формирование мировоззрения Чокана Валиханова. Дважды побывал Чокан Валиханов в доме Чорманова: первый раз будучи курсантом Омского кадетского корпуса несколько дней отдыхал в урочище Мырзашоқы, отстоящего в 25 км к западу от станицы Баян-Аула; второй раз – осенью 1855 г. после поездки в Семиречье заездом был в урочище Аккелин. Название этой местности образовалось из двух казахских слов: «ак» (белая) и «келин» (невеста). Происхождение названия «Аккелин» объясняется следующим обстоятельством. В то время, когда Муса Чорманов женился, летнее стойбище бия Чормана стояло на месте нынешнего аула Тендик. Недалеко от него, на восточной его стороне, есть холмистая возвышенность, протянутая с севера на юг. Здесь, устроив занавес, все родичи Мусы впервые торжественно по казахскому обычаю встретили невесту с классическим женским именем Акжан (компонент «жан» означает «душа»). Слова «ак» (белая) в женских именах означает, прежде всего, чистоту, честность и непорочность, как белое платье невесты. После церемонной встречи невесты эту возвышенность люди стали называть Аккелин. Этим топонимом с 835 г. вплоть до 20-х годов XX века одна из волостей Баян-Аулинского региона именовалось Аккелинская.

Чокан Валиханов высоко ценил человеческое достоинство дяди. Вот выдержка из писем Чокана родителям и русским друзьям, где он касается личности Мусы Чорманова.

Письмо из Петербурга отцу Чингису Валиханову от августа 1860 г.: «Аллах знает, придет или нет мне деньги дядя Муса. Ведь он на редкость чудесный человек, но просить у него деньги я не стану» [46, 139].

Письмо из Петербурга отцу Чингису Валиханову от 4 ноября 1860 г.: «Бог даст, через месяц выеду из Петербурга в

Париж... В такое время было не вредно получить помощь и от Мусы. Может быть, это пошло бы на пользу и его сыновьям» [46, 141].

Письмо К.К. Гутковскому от 6 февраля 1862 г.: «Через месяц едем в Омск непременно. Муса Чорманович, конечно, будет так любезен, что подождет нас» [46, 156].

Письмо из Омска К.К. Гутковскому от 4 марта 1864 г.: «Муса Чорманов тоже здесь, и мы живем вместе в вашем доме...

Муса Чорманович на Вас немного претендует. Вы послали всем своим знакомым свои карточки, а нас забыли. Но тем не менее, он (Муса. – С.Д.) собирается с следующей почтой послать Вам свою карточку» [46, 160–161].

Письмо из Омска К.К. Гутковскому от 24 марта 1864 г.: «Завтра мы выезжаем: я в Аулие-Ата,... Муса в Баян-Аул, чтобы подвизаться в доблестях гражданина... Отец мой совсем перестал ездить в Омск. Муса бьется как рыба об лед, и туда и сюда, но пристроиться все-таки не может» [46, 161–162].

С каким почтением относился генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд к Чингису Валиханову и Мусе Чорманову можно видеть из письма Чингиса Чокану от 6 июля 1860 г. Так, он пишет: «Генерал-губернатор по случаю нашего приезда, т.е. моего, Мусы и Шалгынбая¹⁵, дал обед в Благородном собрании. Собралось все высшее начальство, играл оркестр...». Далее в этом письме есть описание такого интересного эпизода: «Передал я Мусе твой привет и твои слова: «Не в порядке сюрприза, а в порядке помощи». Он покраснел от стыда. И тут же высказал мне свою обиду на тебя: «Он не дал мне китайскую вазу, повез ее к Вам». Я же сказал ему: «Он увез ее с собой в Петербург и не оставил мне». Этим он был очень доволен. Сильно огорченный своим неверным предположением, он сказал: «Я было затаил обиду на него, подумав, что он ни во что

¹⁵ Шалгынбай Бралин- старший султан Каркаралинского округа.

нас не ставит в сравнении со своим отцом. Поскольку он увез этот сюрприз с собой, то напрасно я обвинял его в неблагодарном поступке». Он с огромным желанием готов перевести тебе большую сумму» [46, 201].

В другом письме Чокану от 19 сентября 1860 г. Чингис Валиханов пишет: «Копию твоего письма переслал дяде Мусе» [46, 203].

Муса Чорманов хорошо знал устное народное творчество и был постоянным корреспондентом Чокана Валиханова и Г.Н. Потанина, собирал для них казахские сказки, исторические и генеалогические предания – шежиры (буквально – родословие) казахского народа, а также многие свои этнографические материалы передал русскому этнографу, археологу Н.М. Ядринцеву, учителю, близкому другу Чокана, фольклористу, исследователю востока Н.Ф. Костылецкому, которые теперь хранятся в разных архивах России. По этому поводу Г.Н. Потанин пишет: «Возвращаясь из поездки 1880 года, я заехал в Баян-Аульский округ..., где провел неделю в ауле Мусы Чормановича Чорманова... Господин Чорманов обязательно предложил мне воспользоваться бумагами, которые были приготовлены им для покойного Чокана Валиханова... Эти бумаги содержат родословные записи некоторых киргизских родов, которые я и привожу здесь с дозволения господина Чорманова» [51, 13-14]. Далее Г.Н. Потанин в своей статье по данным Мусы Чорманова описывает предков казахского народа, поколения шести сыновей Аргына, входящего в состав Среднего жуза, в том числе генеалогическое дерево рода Каржас [51, 14-19.]

Муса Чорманов в своем письме Г.Н. Потанину от 7 декабря 1871 г. пишет: «Многоуважаемый Григорий Николаевич!

Письмо Ваше из Казани от 27 августа сего года я получил и сердечно благодарю Вас, что Вы не забываете нас, степняков, и душевно радуемся, что Вы здоровы.

Книгу Вашу и карточку мы получили и за все это приносим искреннюю нашу благодарность...

Относительно просимых Вами сказок, то для этого собирается материал, а когда достаточно наберется, тогда составим целое и вышлем Вам немедленно...» [46, 228].

Муса Чорманов имел дружескую переписку не только с Г.Н. Потанином, но и его женой А.В. Потаниной. Приведем полный текст его письма А.В. Потаниной от 30 августа 1881 г., написанное в урочище Саумалколь: «Добрейшая Александра Викторовна!

Поскольку Вашу – русскую книгу «Первый шаг»¹⁶, татарскую и рисунки из «Естественной истории» для маленького Масхута¹⁷ – я получил и за все это сердечно Вас благодарю, а Масхут целует Вашу ручку и с восторгом рассматривает рисунки, и с детской любознательностью подробно спрашивает значение и название каждой, жаль только что подписи на них сделаны не по-русски.

Крайне огорчаюсь тем, что Вы послали посылку, но не написали письмо, чем лишили меня удовольствия читать драгоценные Ваши строки и не знать о Вашем здоровье.

Любезнейшая Александра Викторовна, пишите, пожалуйста, чаще и больше обо всем, что Вы найдете интересным, и это для меня будет большое удовольствие и сердечная отрада.

Простите меня великодушно за долгое мое молчание, причиной которого была продолжительная и упорная болезнь – простудная горячка, однако же благодаря бога и хорошего русского доктора здоровье мое восстановилось почти. Семейство мое и родные все здоровы и шлют Вам низкие поклоны. Я же

---

¹⁶ «Первый шаг» – сборник, составленный из статей Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, К.В. Лавровского, В.П. Острогорского (Казань, 1876). Продажа его была запрещена [52].

¹⁷ Масхут – внук Мусы Чорманова от его старшего сына Садвакаса, умерший в детстве.

свидетельствую Вам глубочайшее почтение и желаю всех благ от создателя.

Если Григорий Николаевич находится вместе с Вами, то ему передайте все наши добрые чувства с пожеланием ему хороших успехов во всех его предприятиях и начинаниях и поблагодарите от меня за фотографическую его карточку, если же он находится в поездках, то сообщите ему о нас в своих милых письмах.

Остаюсь с глубочайшим к Вам уважением и преданностью и всегда готовый к услугам Вашим Муса Чорманов.

Р. С. Сакен¹⁸ Мусович вам кланяется, а Нурида¹⁹ Чингисовна благодарит Вас за посланный Вами ей глицерин и желает Вам здоровья»[46, 227]²⁰.

Известно также, что Муса Чорманов свободно владел поэтической традицией казахского народа. Кстати сказать, казахи обычно говорят: «Какой же ты казах, если не можешь сочинять четверостишья (по-казахски: кара өлең), рифмующиеся по схеме: а–а–б–а. Муса на похоронах отца сочинил песню-прощание (по-казахски: коштасу) на 38 страницах, оригинал которой в настоящее время хранится в редком фонде библиотеки имени Н.И. Лобачевского Казанского университета. Фотокопия ее хранится в Научной библиотеке Национальной Академии наук Республики Казахстан.

Полковник Чорманов был знаком с А.К. Гейнсом. В сентябре 1865 г. А.К. Гейнс во главе русской этнографической комиссии приезжал в Баян-Аульский округ. Этнографическая комиссия с непосредственным участием Чорманова работала в Баян-Ауле четыре дня. Затем в сопровождении Чорманова вы-

¹⁸ Сакен – так прозвали местные люди Садвакаса Чорманова. – С.Д.

¹⁹ Нурида – жена Садвакаса Чорманова, третья младшая сестра Чохана Валиханова. – С.Д.

²⁰ Автограф данного письма хранится в Научной библиотеке Томского Государственного Университета, в архиве Г.Н. Потанина, №№ 901-902.

ехала в город Павлодар. О Чорманове Гейнс пишет: «По приезде в Баян-Аул вечером был у нас Муса Чорманович Чорманов, султан округа, самый влиятельный человек Средней Орды (жуза. – С.Д.) и, действительно, очень достойный, говорят, человек» [45, 323]. О своем тесном общении с Чормановым во время пребывания в Баян-Ауле А.К. Гейнс описывал в своем дневнике, из которого ниже приводится выдержки.

«9-го сентября. Утром я отправился с городовым по ближайшим окрестностям Баян-Аула. Окружающая станицу местность очень красива. Небольшие гранитные утесы, лучше сказать, камни торчат в разных направлениях из земли. Не далеко торчат довольно значительные утесистые горы, опушённые сосновым бором. Впереди разстилается волнообразная долина, ограниченная на юго-западе большим озером Сабынты (Сабындыколь. – С.Д.), хотя и щелочное озеро, но очень красить всю местность, даже дает ей перевес над Каркаралинскою.

Около обеда заходил Муса. Вероятно, по рекомендации городского он выразил особенное ко мне расположение и сказал, что он мастер узнавать честных людей с первого взгляда. Он обещал рассказать все, что я ни спрошу у него.

Карточная игра была прервана приводом лошадей. Муса, согласно нашей просьбе, хотел показать нам окрестность Баян-Аула. Мы поехали на могилу Джасыбая²¹, находящуюся на низком перевале двух гор. Могила обложена кругом из камней. По самой середине ее выросла довольно большая сосна. С могилы видны два озера, Сабынды-куль и Чуюнды-куль²² (мыльное и чугунное). Кругом, вблизи и вдали, поднимаются значительные

²¹ Джасыбай-батыр, сподвижник, племянник Олжабай-батыра, погиб в 1742 г. недалеко от озера Шойндыколь во время сражения казахов с калмаками. После гибели Джасыбай-батыра озеро Шойндыколь было названо его именем.

²² Чуюнды-куль (правильно: Шойндыколь). Народ считал, что «под скалой есть кипячий чугун» (по-казахски: шойын) и назвали озеро (по-казахски: коль) чугунное озеро.

горы. От могилы мы стали спускаться по довольно тесной дороге к Чуюнды. Озеро лежит словно зеркало, ограниченное со всех сторон красивыми горами. По дороге от могилы Джасыбая озеро ограничено плоским берегом отличного чистого песка. На этом песке я различал без труда свежий след маралов, волков и лисиц.

По возвращении домой мы сейчас же улеглись спать.

10-го сентября. Утром все время сидели у Мусы Чормановича и расспрашивали его про порядок кочевки летом и про жизнь на зимовке.

После обеда Муса устроил маленькую облаву в ближайших окрестностях Баян-Аула. С дюжину киргиз выгоняли зайцев криком и воплем, хотя и сами с трудом карабкались между гранитными валунами. Муса убил зайца и горного рябчика, я трех рябчиков. Вечер был очень хорош.

11-го сентября. С раннего утра ушел на охоту в горы с одним киргизом и казаком. Оба они выгоняли на меня дичь криком, а я стрелял. Более удачной охоты никогда не имел. Часа в три я убил семь зайцев, тетерева и четырех рябчиков. Иногда я становился на опушке леса; иногда взбирался на камень, стоящий посередине леса и гранитных обломков; иногда располагался около какой-нибудь щели. Двое моих товарищей становились на конце острова и шли ко мне с разных сторон с криком и свистом. Я почти не делал промаха и чувствовал себя очень хорошо.

После обеда Муса пригласил ехать с беркутами на лисиц и волков. Хотя охота была совершенно неудачна, однако я был ей очень рад. Поездили по скалистой красивой местности до позднего вечера. После охоты Муса пил у нас чай и говорил, что он хочет предложить Средней Орде послать депутацию в Петербург, чтобы представиться Наследнику; вместе с тем он хочет благодарить Д. А. Милютину²³,

²³ Д. А. Милютин – военный министр, генерал-фельдмаршал, профессор Военной академии, автор ряда работ по истории войны, в 1860 г. провел военные реформы в

П.А. Валуева и А.М. Горчакова²⁴ за присылку комиссии, которой поручено заняться устройством киргизского народа.

– «Еще не за что до окончания работы; вы, наконец, не можете знать ещё целей правительства», – заметил я ему.

– Хуже настоящего нам не будет; мы видим, что вы все желаете честно исполнить свой долг; следовательно, нам будет лучше. Уже за это нужно нам благодарить Государя.

Пусть делают, как знают.

12-го сентября. Выехали в Коряков или, как его называют, Павлодар. Дорога вообще имеет тот же вид. Холмы уменьшаются по мере удаления от Баян-Аула. Местность постоянно сглаживается и наконец совершенно сравнивается. Кое-где группами попадались соленые озера. Я и городской, мы ехали вместе с Мусой, которого тарантас был послан вперед. Сделав около семидесяти верст, мы остановились у аула Урманчинской волости, расположившегося на кузеу (осенней стоянке) близ вырытых с этою целью колодцев. Я пошел в аул; он не богат; стада немногочисленные. Есть много бедняков, которые не имеют даже юрты. Вместо последней они живут под двумя комотами кереге (решетка юрты. – С.Д.), сложенных так, что их жилище становится похожим на французские tentes abzis (походная палатка. – С.Д.). Этот шатерчик покрыт кошмами. Для выхода удушливого кизякового дыма открывают юрту с боку. В середине чад, грязь и бедность самая ужасающая. Большею частью эта бедность в зависимости от страшного джута (массовый падеж скота во время гололедицы. – С.Д.) 1862 года.

13-го сентября. Ехали целый день к Корякову. По пути нашем лежало много солончаков и соляных озер. В особенности богаты поваренною солью озеро Калкаманское, близ пикета того же имени. Степь здесь совершенно верна своему имени.

России, умер в 1912 г. в возрасте 96 лет.

²⁴ А.М. Горчаков (1798-1883 гг.) – князь, русский дипломат, впоследствии канцлер и министр иностранных дел России.

Огромная ее плоскость ровна чуть не математически. Скучная растительность покрывает ее.

«Какие богатые травы послал в этом году Бог, – беспрерывно повторял Муса, – такого урожая мы не видели с того года, когда взошел на престол император».

А мне кажется эта трава до крайности бедною.

Поздним вечером приехали к юртам, раскинутым по берегу Иртыша. Юрты принадлежали киргизам Баян-Аульского округа братьям²⁵ Казангаповым. Подъехавши, я увидел только несколько огромных юрт, но каково же было мое изумление, когда, войдя в середину одной из них, я увидел мебель, столы и на них приготовленный чай, закуски, десерт и проч. Весь пол был устлан отличными бухарскими коврами. Кереге были прекрасно выкрашены яркими цветами; тесьмы, чий (циновка из песчаного тростника. – С.Д.), все было щегольское. Нашему председателю разбили еще более роскошную юрту. Кроме того, была разбита юрта для самих Казангаповых, для нашей прислуги и еще одна запасная.

Казангаповы очень богаты. Они ведут обширную торговлю скотом, который, по преимуществу, гонять на золотые прииски восточной Сибири. Этою торговлею они составили миллионы. После продолжительного ужина, питья разных вин и в том числе неизбежного шампанского, мы разошлись по постелям.

14-го сентября. Утро было очень хорошо. После закуски и желания опять угостить нас шампанским пошли пешком к Иртышу, где для нас был уже приготовлен паром. Переехавши, мы разбрелись по квартирам. 15-го сентября. Коряков, где мы теперь находимся, переименован Гасфордом в 1860 г. в город и произведен в Павлодар, хотя народ во всей степи по прежнему называет его Коряковым...²⁶

²⁵ Момынбек и Нугербек, отец которых Казангап Сатыбалдинов в 1843-1848 гг. был старшим султаном Баян-Аульского округа. - С.Д.

²⁶ Коряковым обычно называли русские, а казахи его называли Кереку.

Коряков скверный и маленький городишко.

16-го сентября. И так, наш объезд по области Сибирских киргиз кончен. Я недоволен нашим объездом, потому что приобрел меньше сведений, чем следовало ожидать. В Кокчетавском округе Валиханов (отец Чокана.– С.Д.) дал хорошие сведения о внутренней промышленности и торговле. В Атбасарском сведений не получено никаких, в Акмолинском собрано тоже мало сведений. В Каркаралинском сведений опять почти никаких; в Баян-Аульском сведений собрано довольно. Вот сведения, сообщенные мне и городовому старшим султаном Баян-Аульского округа Мусою Чормановичем Чормановым...²⁷

16-го сентября. Попрощавшись с Мусою, мы поехали из Корякова в Семипалатинск» [45, 323-328, 338].

Как видим, в своей записке Гейнс особо подчеркивает, что в 1865 г. в области Сибирских казахов самые важные этнографические сведения дали для Степной комиссии Чингис Валиханов и Муса Чорманов.

Говоря о деятельности полковника Чорманова, представляется уместным коснуться его поступков милосердия. Известно, что он привлекал местных зажиточных казахов к сбору пожертвований для благотворительных заведений в Омске и Павлодаре – приюта, богадельни и интерната для казахских девочек. На свои средства в станице Баян-Аула построил медресе и мечеть. Он с братом Исой организовал сбор денег с зажиточных людей на строительство мечети в городе Павлодаре. По свидетельству современников, проникаясь заботой о судьбе своего народа, Чорманов много занимался проблемами улучшения социально-бытового положения кочевого населения, выделения лекарств для прививок от оспы. С этими вопросами он неоднократно обращался к влиятельным должностным лицам царского правительства. Автор его некролога Д.П. Путинцев

---

²⁷ Эти сведения приводятся отдельно после статьи «Муса Чорманов».

писал: «Вся жизнь и цель Мусы Чорманова была исполнена забот и стремления ко благу киргизского народа, и много времени потратил он на составление различных проектов, с которыми и обращался к генерал-губернаторам» [53]. Один из первых и известных проектов «Докладная записка подполковника Чорманова об упразднении Баян-Аульского приказа» был написан им совместно с Чингисом Валихановым в 1864 г. Проект отстаивал интересы казахского народа и вносил предложение о наделении казахов зимовками и лесными угодьями.

Будучи убежденным сторонником просвещения, Муса Чорманов хорошо понимал значение русского образования, поощрял открытие русских школ для казахских детей в Омске и Павлодаре, оказывал школам материальную помощь. Так, при его активном содействии были открыты в Омске: в 1857 г. казахская школа по подготовке писарей волостных канцелярий; в 1878 г. школа-интернат для казахских девочек [54, 583, 703]. Известно также, что он вносил предложение генерал-губернатору Западной Сибири об установлении обязательного обучения казахских детей в русских учебных заведениях с правом выполнения впоследствии гражданской службы в органах царской власти. С этой целью Чорманов, пользуясь высоким служебным положением, негласно обязывал каждого волостного управителя, чтобы тот ежегодно отправлял на учебу в Омск, или в Павлодар одного или двух детей и содержал их на свои средства; если после окончания они изъявят желание учиться дальше, то всячески поддерживать их материально. Подобная мера принуждения дала, свои результаты – русские школы открывали казахским детям дорогу в широкий мир. Однако многие волостные управители уклонялись от выполнения этого наказа, боясь, что дети обрусеют и будут креститься. Тогда Чорманов, считая, что личный пример – лучший пример, со своего аула отправляет на учебу в Омск мальчика Карибая – сына бедняка

Айбаса. Позже он окончил юридический факультет Петербургского университета и свободно владел тремя иностранными языками.

Наказ Мусы Чорманова беспрекословно выполнял волостной управитель Кудайберген Куандыков, который отправил на учебу в Омск Сеита Жуманова – сына одного из бедняков своего аула. Сеит после окончания учебы остается в Омске. Там он и обзаведется семьей. В царское время Сеит работал на разных должностях в канцелярии царской власти. У него было четверо детей: Асылбек, Муратбек, Мусылманбек, Султанбек, которые тоже получили высшее образование. В книге Сакена Сейфулина «Тернистый путь» есть имена Асылбека и Мусылманбека. Асылбек заканчивает медицинский факультет Томского университета, в Советское время работал заведующим отделом здравоохранения Семипалатинской губернии, стал известным врачом. Остальные дети Сеита окончили Омский сельскохозяйственный институт. Все сыновья Сеита в 1937 г. стали «врагами народа» сталинского режима.

Муса Чорманов в своем письме Г.Н. Потанину от 7 декабря 1881 г. писал: «Просим Вас настолько быть любезным относительно исполнения Вашего намерения о составлении доклада о кочевой гимназии и прислать нам. А то киргизский народ без учения коснеет в грубом невежестве» [46, 228]. Приводя эту выдержку, надо пояснить, что Чорманов имел желание обучать казахскую молодежь путем организации гимназии, приспособленной к условиям кочевой жизни казахов. Его докладные записки по этому вопросу направлялись через Г.Н. Потанина и преподавателя Омского кадетского корпуса, генерал-майора Западно-Сибирской администрации К.К. Гутковского к генерал-губернатору Западной Сибири генерал-адъютанту Г.В. Мещеринову, в чьем административном подчинении был Павлодарский уезд. Эти записки хранятся в архивных фондах

Омска и Алматы. Благородные дела Мусы Чорманова высоко ценил Чокан Валиханов, называвший дядю «на редкость чудесным человеком» [46, 139].

Из отдельных материалов, опубликованных на страницах периодической печати XIX века, известно, что Чорманов пользовался большим доверием местного населения. «Улкен мырза» (старший господин) – отзывался о нем народ Баян-Аульского округа. Отставной губернский секретарь Д.П. Путинцев, который в течение 20 лет находился в близких отношениях с Чормановым, после его смерти писал: «Покойный был одинаково сострадателен и человеколюбив и не оставлял без помощи как киргизов, так и русских; много помогал он казакам Баянаульской станицы, которые обращались к нему со всякой нуждой и всегда получали помощь и удовлетворение» [53, 5].

Мусу Чорманова связывали тесные узы с известным казахским композитором-кюйши Таттимбетом Казангаповым (1815-1860 гг.). Нужно сказать, Таттимбет для казахов – это Абай в музыке. Впоследствии они стали сватами, когда старший сын Таттимбета от первой жены Акбопе – Мусатай (1836-1911 гг.) женился на дочери Мусы – Шамшихамар.

Поэтому само собой разумеется, что для разрешения отдельных серьезных дел, касающихся жителей степи, собирались вместе близкие между собой знатные люди Среднего жуза: полковник Чингис Валиханов, полковник Муса Чорманов и сотник Таттимбет Казангапов. Именно здесь хочется подчеркнуть один интересный факт, одинаково касающийся жизнедеятельности Мусы и Таттимбета. Как известно, в конце первой половины XIX века, когда русский царизм окончательно подчинил себе Казахстан, началось вторжение русских горнопромышленников в казахскую степь с целью разработки месторождений полезных ископаемых. На такое общественно-политическое положение Чорманов и Казангапов не остались беспристраст-

ным. Они хорошо понимали, что развитие горнорудной промышленности в казахской степи будет иметь решающее значение для будущей судьбы казахского народа. Возможно, понимая это, в июне 1856 г. бий Нурбике – Чанчаровской волости Каркаралинского округа Таттимбет Казангапов обращается с прошением к генерал-губернатору Западной Сибири Гасфорду о разрешении ему заняться разработкой золотоносных россыпей на землях своего округа [55,1]. 13 августа 1856 г. Министерство финансов царского правительства разрешило Казангапову заниматься добычей золота и других металлов [55, 419]. Однако после долгой переписки в марте 1857 г. главный начальник Алтайских горных заводов выдал ему дозволительное свидетельство на производства золотого промысла [56, 4]. Может стать вопрос: занимался ли Казангапов горным промыслом или нет? Ответа пока не имеется. Но можно полагать, что осуществить ему свою цель помешала старая болезнь, прервавшая жизнь выдающегося композитора в 45 лет.

Из архивных источников известно, что во многих официальных актах об открытии отдельных месторождений полезных ископаемых в недрах Баян-Аульского округа XIX века есть подпись Мусы Чорманова. Например, 10 октября 1844 г. вблизи озера Ащи-Сор, находящегося в 41 км на юге-западе от станции Баян-Аула, было найдено медное месторождение. В акте об открытии этого месторождения рядом с подписью доверенного Томского горнопромышленника С.И. Попова Тобольского бухареттина²⁸ С. Тачимова есть и подпись Чорманова. Известно также, что в 1856 г. Муса Чорманов тоже обратился с письмом к генерал-губернатору Гасфорду разрешить ему заниматься разработкой полезных ископаемых. Однако министр финансов России на этот раз не разрешил выдать ему дозволительного свидетельства на производство золотого и рудного промыслов

---

²⁸ Бухареттин – так называли выходцев из г. Бухары.

на землях своего округа [57, 1-3]. Данный отказ можно объяснить тем, что в то время согласно закону владельцами месторождений в Казахстане могли быть только российские горнопромышленники, имевшие право вести разработку руд. Такое положение, бесспорно, вытекало из того, что царизм рассматривал казахскую степь как сырьевой придаток метрополии и не допускал казахскую знать к разработке рудных и золотых приисков. Разумеется, с этой точки зрения обстоятельство получения Казангаповым разрешения на производства золотого промысла остается невыясненным.

Как осведомленный человек своего времени, Муса Чорманов хорошо понимал значение земледелия для народного благосостояния кочевников, что подтверждает его обращение к военному губернатору Семипалатинской области о расширении земли казахам для пастбища, о выделении им инвентаря для строительства дома, об отводе земельного участка для хлебопашества [44]. Об этой просьбе Чорманова военный губернатор Семипалатинской Области в своем письме от 13 мая 1861 г. к военному губернатору Области Сибирских казаков писал: «... он (Чорманов. – С.Д.) не может пользоваться местностью между аулом Джаксы²⁹ и Джаман, так как местность эта принадлежит казакам [44, 54]. В данном случае отказ Чорманову земельного участка для хлебопашества был обусловлен тем, что в середине XIX века, как известно, для строительства военных укреплений, устройства казачьих поселений и земледелия оседлых русских переселенцев были отрезаны пастбищные участки и земли казахов-кочевников, поскольку в то время земля признавалась исключительно государственной собственностью.

Из рассказов современников Чорманова дошел до нас, что он с детства увлекался приручиванием и тренировкой таких ловчих птиц, как беркут, ястреб, сокол, кобчик, вязанием сетей

---

²⁹ Джаксы-Аула – восточная часть Баян-Аулинских гор.

для ловли птиц, содержанием разных борзых собак. У Мусы Чорманова был хваткий рябой беркут, о котором местные люди говорят до сих пор. До последних дней своей жизни он был страстным любителем охоты с ловчими птицами, борзыми собаками. По приезде на его джайлау (летовку) русских чиновников, близких друзей Чокана Валиханова из Омска и Петербурга, Чорманов с большим искусством демонстрировал им редкостное для них зрелище – охоту на зверей с беркутами и борзыми.

Муса Чорманов практиковал скрещивание кобылиц местной породы с производителями бухарской и русской породы. Кобылица – приплод от такого скрещивания в год в среднем давала удоя 373 кг. Филолог Самат Отениязов в своей статье «Кырга шыгар какпа» («Ворота, выходящие в степь»), опубликованной в № 6 еженедельника «Қазақ әдебиеті» за 1992 г. пишет, что «если говорить о попытках Мусы Шорманова развития породистых лошадей, то это будет отдельное историческое повествование» [58, 16].

Скрещиванием местных кобылиц с породистыми лошадьми занимался и сын Мусы – Садвакас. Об этом в одной книге, изданной в 1913 г., было записано следующее: «В Аккелинской волости, в крупном скотоводческом хозяйстве Садвакаса Мусинова Чорманова практиковалось скрещивание кобылиц местной породы с производителями русско-арабской, полученными из коннозаводства. Кроме того, кобылицы поступили в случку с бухарскими скакунами. В данное время (1910 г. – С.Д.), таких скрещиваний Чорманов не ведет. По его словам, определенно выяснилось, что такой приплод на подножном корму плохо развивается. Теперь Чорманов пользуется хорошими производителями местной породы» [59, 105-106].

По своему общественно-политическому воззрению Муса Чорманов как представитель феодально-родовой знати, надо полагать, был верен Российской империи и служил ей, что в

какой-то степени подтверждают его многочисленные награды и чины, полученные от царского правительства.

С другой стороны, есть все основания утвердительно сказать, что Муса Чорманов весьма критически относился к деятельности колониальной администрации в Казахстане, а потому рассматривал свое пребывание в ее рядах в качестве старшего султана округа как единственный реальный способ в тех условиях осуществлять защиту интересов своего народа. Например, он призывал народ заняться хлебопашеством, заготовкой сена, развитием торговли и ремесла, постройкой для себя деревянных домов и привыкать к образу оседлой жизни, проявлял заботу об урегулировании земельных отношений в кочевых коллективах, совершенствовании судопроизводства и системы управления в степных областях. Известно также, что он организовал строительство мечети и медресе в станице Баян-Аула. Школа в урочище Аккелин, где была его зимовка, считалась образцовой в то время. Многие, окончившие эту школу, впоследствии работали для нужды народа. Вместе с тем под попечительством Мусы Чорманова в 1871 г. в Павлодаре открыта школа-интернат для обучения казахских мальчиков [33, 286]. За время работы Мусы в должности старшего султана среди казахов Баян-Аульского округа не было случаев барымты³⁰ и резко сократилось конокрадство. Об этом Д.П. Путинцев писал: «М. Чорманов... пользовался большим доверием и неограниченною привязанностью киргизского народа, который можно даже сказать, почти боготворил его. Во время его управления между киргизами его округа не так сильно было развито конокрадство, которое он преследовал энергично, хорошо знал лично всех воров и обуздывал их преступное посягательство» [53, 5].

Поэтому, возможно, Муса Чорманов не поддерживал национально-освободительное движение казахов 30-40 годов

---

³⁰ Барымта – угон скота вооруженной силой между враждующими родами.

ХІХ века под руководством Кенесары Касымова. Чорманов не оказывал ему никакой поддержки, несмотря на неоднократные приезды к нему посланцев Кенесары Касымова с просьбой оказывать помощь джигитами-воинами. Поэтому, не случайно, сподвижник Кенесары Касымова совершил в 1838 г. барымту в Баян-Аульском округе. Используя смуту, заседатель Баян-Аульского окружного приказа Тайжан Азнабаев, не довольный назначением Мамана Аблаева в старшие султаны, вместе с несколькими соучастниками, под покровительством угонщиков, откочевал к Кенесары Касымову.

Во время этого нашествия войны Кенесары насильно увели толмача волостного управителя Чорманова русского Петра Бутакова. Приказом генерал-губернатора Западной Сибири генерал-лейтенанта князя П.Д. Горчакова за предательские действия голова Тайжана Азнабаева была оценена в четыре тысячи рублей [33, 256]. Вскоре 16-летний султан Акмолинского округа Бегалы Конуркульджин схватил Тайжана и отдал в руки царских властей. Военным судом Тайжан был казнен в станице Баян-Ауле, а семейство его сослано в город Туринск Екатеринбургской губернии [33, 256].

А о том, как Чорманов спас своего толмача, плененного войнами Кенесары Касымова, свидетельствует Д.П. Путинцев. Так, он пишет: «Возмутившись до глубины души таким насильственным поступком, киргиз Муса Чорманов во что бы то ни стало вздумал спасти Бутакова, для чего приготовил двух лошадей, передал Бутакову, через приближенных к себе киргизов, чтобы он к ночи был готов к побегу. Бутаков, конечно, обрадовался такому случаю, но страшно боялся за свою жизнь, в случае если настигнуть в побеге, тем не менее решился бежать. Поздно вечером, почти в полночь, два киргиза дали ему знать, что лошади готовы и тайно вывели его из аула. Бутаков хорошо знал местность и помчался с радостью и страхом к Баян-Аулу...

Этот факт передан со слов самого Бутакова, сердечно благодарившего Бога и Мусу Чорманова за свое спасение» [53, 5].

Далее Путинцев описывает следующий несуразный случай, показывающий бесчинство сатрапов Кенесары Касымова и благородство Мусы Чорманова. «В недолгое время после спасения Бутакова, через аул Мусы Чорманова провозили двух несчастных киргизок, которых везли к Кенесары в подарок, как редких красавиц, в наложницы. Одна из них была женщина лет 22-х, а другая девица лет 18 и обе они совершенно были нагие, с распущенными волосами и связанными по рукам и ногам. Муса Чорманов был также возмущен этим поступком везших киргиз, не мог без омерзения смотреть на такое их варварство и наглость и велел тотчас же схватить их и отвести в особую юрту под строгий караул, а несчастных страдалиц прикрыть от наготы, сняв с себя парчовый халат и шелковый бешмет, отдал их на руки двум благонадежным и честным старушкам, сам заботился об их пропитании и вскоре возвратил их родным» [53, 5].

Муса Чорманов усердно ходатайствовал перед администрацией Омска о сооружении памятника на могиле Чокана Валиханова. Об этом известный русский публицист, исследователь истории Казахстана, друг Чокана Валиханова Н.М. Ядринцев пишет: «Много лет спустя мы видели двух стариков киргизов, родственников Чокана, один из них был султан³¹ Муса Чорманов, они приезжали поговорить о сооружении памятника на могиле Чокана Валиханова....

Беседуя со стариками и вспоминая Чокана, мы были свидетелями, как у этих седых представителей киргизской степи полились слезы» [5, 99].

Желание Мусы Чорманова – постройка памятника Чокану Валиханову в урочище Алтын-Эмель было осуществлено в

³¹ Здесь автор неправильно называет Чорманова султаном. Как было указано выше султаны – потомки Чингис-хана.

1881 г. туркестанским генерал-губернатором К.П. Кауфманом и генерал-лейтенантом Г.А. Колпаковским [5, 66, 361].

Как знаток быта казахов, Муса Чорманов – автор ряда интересных работ по этнографии казахов. Его статьи были опубликованы в русской периодической печати в газетах и журналах. Например, на русском языке были опубликованы следующие его статьи: «Поминки по умершим у киргизов» [60]; «О кочевках киргизов» [61]; «Зимовка или зимняя кочевка киргизов» [62]; «О скотоводстве у киргиз Западной Сибири» [63].

Самая крупная его работа под названием «Заметки о киргизах Павлодарского уезда» долгое время хранилась в семье Чормановых и была опубликована только в 1906 г. Сыновья Мусы Чорманова передали эту работу Г.Н. Потанину, который в свою очередь, направил ее для издания депутату IV Государственной Думы России А.Н. Букейханову в Омск. А он поместил ее в XXXII книге «Записки Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества», сопроводив собственными редакторскими примечаниями. Работа поражает обстоятельностью анализов кочевого быта казахов: порядок выпаса скота, характер кочевания, способы ухода за животными, устройство зимовок, развитие побочных промыслов и ремесел, в том числе разные виды охоты на диких зверей и т.п. Многие положения статьи не утратили научно-практического значения по сей день и представляют большую ценность для специалистов-историков и этнографов.

Г.Н. Потанин отмечает, что в архивах канцелярии Западно-Сибирского генерал-губернатора, вероятно, найдется немало трактатов и записок о казахском хозяйстве или о казахских судебных порядках и т.п., или составленных Чоканом Валихановым по собранным им лично данным или написанных под диктовку Мусы Чорманова [48, 78].

Именно поэтому в одном авторитетном издании записано, что «Казахстан под влиянием демократической культуры и науки России выдвинул из своей среды исследователей—краеведов и этнографов, сумевших добиться общероссийского признания: С. Бабаджанова, Макаша Бекмухамедова, М. Чорманова, А. Джантюринна, Ш.М. Ибрагимова, Т.А. Сейдалипа и др.» [64, 138]. Этнографические и исторические материалы Чорманова до сегодняшнего дня не потеряли своего значения.

Мусу Чорманова хорошо знали в Петербурге, особенно в Географическом и Антропологическом обществах, для которых он неустанно собирал редкие этнографические экспонаты из жизни казахов. Большой материал он передал для русских и иностранных этнографических выставок. Например, он представил на Всероссийскую промышленно-художественную выставку 1881 г. в Москве 32 предмета казахского народного прикладного искусства. Реестр этих предметов и вещей сегодня хранится в ЦГА РК [65, 83-84]. В этом реестре дается описание каждой вещи и указана их ценность. Ниже приводится перечень этих предметов и вещей с краткими дополнительными пояснениями.

1. Джаргак – шуба из козлиных и бараньих кож (ценность 50 руб.).

2.Чекмен (шекпен. – С.Д.) – скатанный из верблюжьей шерсти широкий и сравнительно длинный плащ для защиты от дождя, бурана, любой непогоды (ценность 25 руб.).

3.Тур-текмет – подстилочный ковер из войлока, делается как обыкновенная кошма с той разницей, что на одну сторону накатываются узоры цветной шерстью (ценность 5 руб.). «Тур» (тор) в переводе на русский – почетное место в юрте обычно напротив двери. Поскольку такой узорчатый ковер обычно стелется в почетном месте юрты (комнаты), то он и получил название «тур-текмет».

4. Уй-бау – тесьма для обтягивания юрты, делается из ба-раньей шерсти и козлиного пуха (ценность 3 руб.).
5. Ак кайыс – белый ремень (ценность 2 руб.).
6. Тебенге – кожа тисненная, с металлическими накладка-ми, накладываемая на потник и предохраняющая от загрязне-ния обувь и брюки наездника (ценность 10 руб.).
7. Ксе – кожаная сумка с пороховницей, карманами для ножа и пуль, отделана костью из копыта верблюда (ценность 27 руб.). Эту сумку можно назвать мужским наборным поясом.
8. Ужау – ковш для кумыса, изготавливается из корня бе-резы (ценность 5 руб.).
9. Саптаяк – дорожная чашка из дерева (ценность 1 руб.).
10. Аяк – домашняя чашка из дерева (ценность 1 руб.).
11. Томарбоаяу – корень многолетнего растения, дающий желтую краску.
12. Ойранбоаяу (ойраншоп.– С.Д.) – корень травы, дающий темно красную краску.
13. Аткулак – корень многолетнего растения, дающий желто-золотистый цвет.
14. Кна (или хна. – С.Д.) – трава, дающая прозрачно-красную краску. Хна растет на камне.
15. Ермен – джусан (род полыни.– С.Д.)– трава, дающая зеленую краску.
16. Шынаяк – чайная чаша с блюдцем (ценность 1 руб. 50 коп.).
17. Табак – десертное блюдо (ценность 70 коп.).
18. Блюдо для мяса – делается из дерева (ценность 1 руб.).
19. Сагат кабы – футляр для часов (ценность 50 коп.).
20. Мылтык кабы – футляр для ружья (ценность 1 руб.).
21. Ер – седло с серебряными накладками (ценность 5 руб.).
22. Жылан териси – змеиная кожа.

23. Жабaгы – верблюжья шерсть весенней стрижки.
24. Кендир – нитка из верблюжьей шерсти.
25. Тарамыс – дратва, изготавливается из конских жил и служит для шитья кожаных вещей.
26. Жага – воротник, шитый золотом и серебром (ценность 12 руб.).
27. Сагат кала – карман для часов.
28. Алка – шейное украшение для богатых женщин, отделанное серебром и самоцветами.
29. Уршык – веретено для прядения шерсти.
30. Шакча – рожок для нюхательного табака, делается из коровьих или козлиных рогов.
31. Тюме – пуговица, делается вручную из верблюжьего копыта.
32. Колчилим – мундштук, делается из корней березы (кол – рука, чилим – папирса).

Общая сумма стоимости всех экспонатов, переданных Мусой Чормановым на выставку в Москву, составляла более 150 руб., что было в то время эквивалентно стоимости почти 30 лошадей (по курсу рубля 1881 г).

Эти экспонаты сегодня хранятся в музее Антропологии и этнографии имени Великого Петра (в отделе Средней Азии и Казахстана) в Санкт-Петербурге.

Отдельные предметы, собранные Чормановым для этнографической коллекции, ныне хранятся в музеях Санкт-Петербурга, Москвы, Гамбурга, Омска.

Фотограф музея Антропологии и этнографии России в Санкт-Петербурге С.М. Дудин по специальному заданию Российской Национальной Академии наук в 90-х годах XIX века сделал более 1000 фотоснимков, связанных с культурой и общественно-бытовой жизнью казахов. После эти снимки вышли как фотоальбом. В этом альбоме есть много фотографий из семейства Мусы Чорманова. В то время Чорманов подарил

Дудину самодельное ружье (шити мылтык) и деревянную вешалку (адалбакан), отделанные резьбой и серебром. Эти экспонаты ныне стоят в музее Антропологии и этнографии России [66, 5].

Муса Чорманов передавал лучших лошадей степной породы на Московскую и Всемирную Парижскую выставки 1865 и 1868 годов, был участником третьего конгресса ориенталистов в Санкт-Петербурге в 1876 г. [67].

Очень четкую и меткую характеристику Мусе Чорманову, как высоко нравственного человека в свое время, дал его ровесник Сегиз-Сери³² Бахрамулы Шакшаков (1818-1854 гг.). В 1848 г. батыр из рода Алшын Жангабыл Толегенулы спрашивает у Сегиз-Сери:

– Батыр, в Сарыарке³³ есть такие люди, как Муса (Чорманов. – С.Д.), Сатпай, Алшынбай, Кунанбай³⁴, какие они люди? Тогда Сегиз-Сери сказал:

– Слушай, мой Жангабыл! Они такие люди: наливаєшь не наполняется, наполнится не переливается.

Немало крылатых слов, острословия, афоризмов, изречения Мусы Чорманова дошли до наших дней. Однажды он, приехав к известному бию Среднего жуза Саккулаку (1800-1888 гг.) – правнуку Богенбай-батыра, сказал: «Здравствуйте, аксакал Аргына!»³⁵. Тогда Саккулак Бий на его приветствие ответил так: «Здравствуй, светило казахского народа!». Некоторые

³² Сегиз-Сери – прозвище, настоящее имя Мухамедканафия. Он был человеком, одаренным восьмигранным талантом в искусстве. Так, он: акын, композитор, батыр, борец, певец, кюйши, ювелир, резчик по дереву и кости. Поэтому народ его прозвал рыпарем (сери), владеющим восьми (сегиз) видами искусств.

³³ Сарыарка – казахская складчатая страна – физико-географический край, охватывающий центральную и восточную часть Казахстана.

³⁴ Сатпай – дед академика К.И. Сатпаева, Алшынбай – бий рода Каракесек, Кунанбай – отец Абая Кунанбаева.

³⁵ Аргын – племя Среднего жуза, в состав которого входят следующие роды: Куандык, Суюндык, Бегендик, Шегендик, Каржас, Каракесек, Басентиын, Атыгай, Карауыл, Канжыгалы, Тобыкты. Саккулак бий из рода Канжыгалы.

высказывания Мусы Чорманова приводятся в книге Б.А. Адамбаева «Казахское ораторское искусство» [68, 111-113, 115].

Выйдя в отставку после долгой службы в царской администрации Муса Чорманов не позволил себе спокойную старость и отдых от всякой суеты, так как он не мог жить ни дня без дела, не мыслил себя вне кипучей общественной деятельности. По-прежнему много сил отдавал он просвещению.

В конце декабря 1884 г. полковник Муса Чорманов приезжает в Омск для очной ставки с генерал-губернатором Западной Сибири Г.А. Колпаковским по согласованию с ним своего проекта организации гимназии, приспособленной к условиям кочевой жизни казахов [46, 483], [53]. 26 декабря вечером он почувствовал себя нездоровым и во время исполнения вечернего намаза скоропостижно скончался [69, 90]. По данным поэта Машхур Жусуп Копеева он страдал сахарным диабетом [69, 90]. По поводу скоропостижной смерти Чорманова среди народа есть одна версия, что некий сын купца первой гильдии Сорокина, адъютант Г.А. Колпаковского, сумел положить яд в еду Чорманова. Поводом такого подлого поступка явился тот факт, что когда-то на одном совещании при генерал-губернаторе Западной Сибири купец Сорокин безапелляционно обвинил Чорманова, что он всячески препятствует отводу земельного участка купцам-горнопромышленникам. Тогда Чорманов на этом совещании в своем ответном выступлении в адрес Сорокина высказал такое уместное, но острое неллицеприятное слово. На что Сорокин в ответ ему не мог ничего сказать. Якобы этот инцидент послужил причиной смерти Чорманова.

В день смерти Чорманова в Омске находился и полковник Чингис Валиханов [69, 90]. И ему же пришлось в Омске организовать исполнение первейших для покойника религиозных обрядов по шариату ислама.

Тело Чорманова, зашитое в кожу, с разрешения генерала Колпаковского под утро 29 декабря 1884 г. было отправлено на санях на родину в сопровождении 40-50 человек, прибывших с Баян-Аула. Эта траурная миссия, проехав 680 км пути, к обеду 30 декабря приехала в фамильную усадьбу покойного в урочище Аккелин.

В некрологе о Чорманове, опубликованном в газете «Акмолинские областные ведомости» за 1885 г. [53], сообщалось: «До какой степени киргизы любили и уважали покойного, можно судить по обстоятельствам встречи тела и похорон. Когда было получено известие о смерти Мусы Чорманова и о том, что тело его везется на зимовку, известие это, как молния, облетело по окрестности и тысячи людей, несмотря на сильный мороз, за несколько верст выехали на встречу. Завидев издали везущих тело, они все, как неудержимая бушующая морская волна, бросились с громкими криками и искренними слезами на встречу».

1 января 1885 г. тело Чорманова было предано земле. На могиле его поставили мраморный памятник, обнесенный железной решеткой. Этот памятник был выписан его сыновьями по предложению генерала Колпаковского из Екатеринбурга за 400 руб. и его привез в урочище Аккелин сам мастер В.А. Свечников [46, 229].

По обычаям казахского народа с 18 по 23 июля 1885 г. в урочище Шуршит – кырган, недалеко зимовки Кали Смагулы из рода Каржас (отделение Жадигер), были совершены поминки в честь памяти Мусы Чорманова, на которые съехались казахи из Павлодарского, Семипалатинского, Каркаралинского, Усть-Каменогорского, Зайсанского, Атбасарского, Акмолинского, Кокшетауского, Петропавловского и Омского уездов, начальники этих уездов, чиновники царской власти из Омска, купцы-татары из городов Семипалатинска, Акмолинска, Пе-

тропавловска, Павлодара и несколько письмоводителей общей численностью около 10 тысяч человек. На поминках был и 74-летний султан Чингис Валиханов. На поминки должны были приехать из Семипалатинской области Кунанбай вместе с сыном Абаем. Однако за день до отъезда в Баян-Аула неожиданно тяжело заболел Кунанбай. Поэтому Абай не смог оставить больного отца и через письмо выразил свое соболезнование сыновьям Чорманова [70, 35]. Вскоре, в августе 1885 г. умер Кунанбай.

Для размещения приезжих людей на поминки было поставлено более 100 юрт преимущественно из белой кошмы с приличным национальным убранством. На угощение было зарезано 200 лошадей и 300 баранов. Было выпито до 20 тысяч ведер кумуса. Кроме того, участники поминок угощались обильно чаем, баурсаками (куски теста, жаренные в сале), то-кашами (сушки), урюком и изюмом. Для почетных же гостей каждодневно готовился плов. Во всем этом большую помощь сыновьям покойного оказывали богатые казахи, ценившие заслуги Чорманова перед народам, кто деньгами, скотом, а кто поставкою юрт и прочим. По окончании поминок, по обычаю казахов, сначала была спортивная игра «казахша-курес» (борьба по-казахски) и первому борцу была награда: один верблюдо, одна лошадь и халат; второму и третьему борцам дано было по одному халату. Затем устроена байга (бег лошадей). Для этого было приготовлено 125 призывных лошадей, которые должны были пробежать около 40 верст (43 км) расстояния. Всех призов для байги было 15. Первый приз состоял: из пяти верблюдов и ста лошадей, второй – из двух верблюдов и ста баранов, третий – из одного верблюда и ста аршин (71 м) сукна. На этой байге первый приз получил скакун казаха Акмолинского уезда Кияша Сангрыкова под кличкой Кулабесты [71, 15].

Об этих поминках газета «Акмолинские областные ведомости» в № 39 за 1885 г. писала так: «...сюда привлекло к покойному, о котором было пролито много искренних слез. Одна киргизская девица пела о покойном стихи собственной импровизации и цепь сотни киргизов окружали юрту певички, слушали внимательно ее пение и многие горько плакали». Девичей, о которой здесь пишут, была известная в Баян-Аулинском регионе певичка по имени Сокур (слепая) Жамал.

Как говорят аксакалы (уважаемые старики), поминок, проведенных с такой пышностью и великолепием в Павлодарском уезде до и после них не было.

У Мусы Чорманова было четверо сыновей: Сахди ибн Вахас (прозвище: Садвакас), Билял, Жами, Кабиш и две дочери: Шамшихамар (прозвище: Шамшия), Ажар. Все сыновья его получили в молодые годы доступ к европейским знаниям – кто больше, кто меньше. Истинным продолжателем отцовских заветов был Садвакас (1849-1927 гг.).

Садвакас Мусаулы от природы был щедро наделен разносторонними дарованиями. Известный общественный деятель и литератор 30-х годов Смагул Садвокасов называет его имя вторым после поэта Магжана Жумабаева среди известных казахских поэтов, но стихи Садвокасова нигде не были опубликованы. Известно, что он написал текст песни «Ардак» народного певца-композитора Жарылгапберды Жумабаева (1851-1916 гг.). К сожалению, в настоящее время эта песня, слова которой начинаются так: «Ой Ардак, сен ақ қоян секектеген» во всех песенниках представляется как народная песня. Садвакас Чорманов выступал со статьями на этнографические темы в периодических изданиях того времени. Например, его статьи «О скачках в степи»³⁶ и «О местностях стоянки киргизов» были опублико-

---

³⁶ Статья «О скачках в степи» приводится отдельно в этой книге.

ваны в газете «Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям» [72].

В 1907 г. в городе Казани вышла его книга «Аушы» (охотник с ловчей птицей), состоящая из двух частей.

Садвакас Чорманов также был в дружеских отношениях с Г.Н. Потанином. О чем подтверждают его письма, адресованные Г.Н. Потанину. Так, например, он 10 февраля 1887 г. с урочища Аккелин Г.Н. Потанину пишет: «Многоуважаемый Григорий Николаевич!

Старое знакомство наше дает мне полное право поздравить Вас и любезнейшую супругу Вашу, Александру Викторовну, с благополучным возвращением из дальнего и вместе с тем трудного, но полезного пути.

В Ваше долгое отсутствие [Вы выезжали] из России, мы лишились любимого нашего отца, Мусы Чорманова, который считал Ваше с ним знакомство и всегдашнее доброе расположение за величайшее счастье. Мы, желая сколько-нибудь познакомиться русскую публику с жизнью покойного, просили находившегося у них письмоводителя г. Путинцева, бывшего слишком 20 лет в самых близких отношениях с [нашим] отцом, написать небольшой очерк под названием «Воспоминания о покойном [Мусе Чорманове]», который и был, по нашему настоянию, отослан в редакцию «Восточного обозрения»³⁷ для помещения в газете, в полной надежде на издателя оной Н.М. Ядринцева. Но, к крайнему сожалению, его не напечатали в газете; вероятно, он нашел его плохо написанным и [может быть] вовсе негодным для печати. Мы же были уверены, что Н.М., как хороший знакомый отца, извлечет из него нужное и напечатает, но этого им сделано не было. Вам ведь хорошо известно, что в степи нет образованных людей, и мы довольствуемся тем, что имеем.

---

³⁷ «Восточное обозрение» – литературная и политическая газета, издавалась в Петербурге. Редактором газеты был Н.М. Ядринцев.

Как я уже сказал, раз записка о жизни папаши находится у Н.М., то не будете ли настолько добры, что ее возьмете у него, прочитаете и если найдете в нем [что-либо] достойное напечатания (разумеется, с исправлением слабых мест), отдадите в печать и по напечатании один экземпляр вышлите мне.

Если же еще что нужно Вам знать о наших кайсаках (казахах.– С.Д.), то у меня имеются списки с [докладных] записок [отца], которые были подаваемы высшему начальству, – напишите мне, я их Вам вышлю ...» [46, 228-229].

Автор этих строк хорошо знаком с правнуком Биляла Чорманова– Бакытом и правнучкой Аужана Чорманова Магмурой. Бакыт Билялов в настоящее время живет в городе Караганде, является доктором геолого-минералогических наук, профессором, работает заведующим кафедрой геологии Карагандинского политехнического института. У него имеется печать Мусы Чорманова. Магмура Асфандияровна Чорманова долгие годы работала преподавателем в высших учебных заведениях, в настоящее время на заслуженном отдыхе, живет в городе Алматы. В ее личном архиве есть фотографии из семейства Мусы Чорманова, снятые в конце XIX – начале XX веков.

На основе архивных документов [31, 17], статьи «Воспоминание о Мусе Чорманове», опубликованной в 1885 г. на страницах газеты «Акмолинские областные ведомости» [53, 5], и высказывания известного историка, поэта Машхура Жусупа Копеева [69, 80], а также из рассказа поэта-импровизатора Жунисбек Жолдинова³⁸ было установлено, что Муса Чорманов родился в год барса³⁹, был ровесником императора Александра II и умер в возрасте 66 лет. Значит в надгробной мраморной

³⁸ Жунисбек Жолдинов (1895-1983 гг.) – родич Мусы Чорманова, младший брат бабушки автора этих строк. Он в 60-х годах XX века жил в Байн-Аульском районе. Его стихи вышли отдельными книжками в 1966 и 1969 годах в городе Алматы на казахском языке под названиями: «Думы» и «Молодому поколению».

³⁹ Барс – название года по восточному календарю.

плите, «Казахской советской энциклопедии» [73, 270] и других источниках годы рождения и смерти его вместо 1818 и 1884 неправильно указываются 1819 и 1885.

Благодарные потомки сегодня по одной из улиц города Экибастуза и посёлка Баян-Аула называли улицами Мусы Чорманова.

Сегодня, к сожалению, надгробный памятник Чорманова из-за осадки грунта заметно перекосялся, а вертикальная мраморная плита на месте соединения с мраморным прямоугольным постаментом имеет снизу сплошной разлом. Это – следы неприглядных действий, когда отдельные самодуры из-за неприязни к личности полковника Чорманова, считая его представителем феодальной верхушки, намеревались вообще разрушить памятник. Время, когда все национальное считалось национализмом безвозвратно ушло, и потому, на мой взгляд, было бы правильным под началом местного органа охраны памятников истории и культуры привести надгробный памятник Чорманову в надлежащий порядок, сохранив его как исторический памятник республиканского значения.

На основе вышесказанного можно заключить, что Муса Чорманов как фольклорист, самостоятельный исследователь-этнограф оставил заметный след в истории изучения культуры и быта казахов Среднего жуза, а также заключить, что он был исключительно прогрессивным человеком XIX века. Он первым открыл молодым баянаулинцам дорогу в русские школы. Такое благородное дело Чорманова безусловно проложило им путь к неиссякаемым истокам знания и искусства. И не случайно, что из Баян-Аульского региона в XIX-XX веках вышла целая плеяда знаменитых и известных людей казахского народа в области культуры и науки. В числе их: фольклорист, поэт, летописец Машхур Жусуп Копеев, певцы-композиторы Жаяу Муса Байжанов, Жарылгапберды Жумабаев, поэт Султанмахмут То-

райгыров, писатели Жусупбек Аймауытов, Кошке (Кошмухамед) Кеменгеров, просветитель Абиkey Сатпаев, врач А.Д. Айтбакин, академики К.Н. Сатпаев, А.Х. Маргулан, Ш.Ч. Чокпи, А.Б. Бектуров, С.Б. Бейсенбаев, Х.Ж. Жуматов, Ж.С. Ержанов, А.С. Сагитов, актер Шакен Айманов, народный писатель Дихан Абишев, историк Е.Б. Бекмаханов, филолог Ш.К. Сатпаева и другие. Поэтому-то можно сказать, что Баян-Аула – колыбель казахстанской культуры и науки.

Памятник на могиле Мусы Шорманова

СВЕДЕНИЯ, ДАННЫЕ А.К. ГЕЙНСУ МУСОЙ ШОРМАНОВЫМ

«Зимовки киргиз бывают всякого рода. Здания для людей строятся из камня, дерева, кизяка, дерна. Иногда дома – это землянки и просто ямы, в которых поставлены юрты. Для скота строят загоны (кора) чаще всего из кый, бараньего помета, растоптанного в полужидкую кашу самими овечьими отарами в загонах. Из кый делают кирпичи, примешивая к помету сено, мелкий хворост и проч.

Достоинство и ценность зимовок находится в зависимости от многих территориальных и метеорологических явлений. Если снег с земли, принадлежащей к зимовке, будет сдуваться так, что трава будет постоянно обнажена, то это обстоятельство составляет главное ее достоинство. Так как большую часть зимы в степи дуют юго-западные ветры, то для того, чтобы эти ветры сдували снег, нужно, чтобы зимовка лежала на горной покатости, обращенной на северо-восток с незначительным падением к юго-западу. После этого главного достоинства – ценность зимовки зависит от количества, качества и родов трав. В зависимости от вышесказанных условий заключается потребность в большей или меньшей территории под зимовку. Чем она лучше, тем земли нужно менее, и наоборот. Потому при одном и том же количестве скота зимовки могут быть весьма разнообразных величин. Каждый владелец зимовки знает точно свои границы. При каждом разделе или выделении зимовочных земель изо всех окрестных аулов собирают почетных

людей и межевые знаки, долженствующие служить разграничением между землями лиц, пошедших в раздел, ставятся в присутствии приглашенных. Впоследствии поземельные споры решаются по межевым знакам или, если они истреблены, по свидетельству соседей.

Достоинство земель Средней Орды состоит в том, что стада всех родов скотины можно содержать на одних и тех же полях. В Большой же Орде верблюдов нужно отгонять в камыши, баранов – на пески, а рогатый скот к речкам и это одинаково для зимы и лета.

Киргизы говорят, что лошадь сказала раз барану: «зимою я не видела твоей тебеневки, а летом твоего следа». Этот рассказ почерпнут из того факта, что лошадь не станет есть тот корм, который нужен барану. И летом, и зимою табуны пасутся особо от баранов. Баранов гоняют летом по луговым местам, зимою по горам. От солонцеватых трав (джусан-аши) баран становится гораздо выше вскормленных на луговых отгонах. Точно также полезны барану травы песков. Лошадям нужен кипец, ковыль (коде, бетеге, жауылша)⁴⁰. Верблюду нужен чий, камыш, перекаги-поле. Все эти три рода трав не растут вперемешку, но в Средней Орде их всем можно найти на небольшом пространстве.

Кочуют розно – иногда скоро, иногда медленнее. Это зависит от количества дождей; при больших дождях кочуют медленно, в противном случае за бедностью трав скорее оставляют временные стоянки.

Когда на небе покажется созвездие «уркер», тогда начнутся холодные утренники. Через двадцать пять дней после того по ночам станет всходить созвездие «таразы» (веска), тогда начнутся холодные вечера, дожди, а бараны станут собираться у юрт. Бараний самец начинает в это время громко кричать по ночам.

---

⁴⁰ Коде – ковыль восточный, бетеге – овсяница, жауылша – бурачок. – С.Д.

После появления таразы, через двадцать или двадцать один день, на горизонте покажутся «сумблэ»⁴¹ (большое созвездие сумблэ и малое); с появлением сумблэ пропадают овода и тогда можно везде кочевать, потому что насекомые, водящиеся около камышей и близ дурно стоячей воды, не станут больше беспокоить животных. До тех же пор кочуют только близ рек и озер, не имеющих камышей.

Когда покажутся сумблэ, начнут поворачивать к зимовкам. Не доходя верст 20, 30 до зимовки, аулы останавливаются на «кзеу» (осенних стойбищах). Кзеу по-киргизски значит общая стрижка. Кзеу разделены между народом, как и зимовки, и не занимают летними кочевками. Большею частью кзеу расположены у нарочно выкопанных колодцев. Если же в какой-либо части степи так много озер или речек, что летом трава около них не потравлена скотом, то кзеу располагают и у непересыхающих к осени озер и рек (обыкновенно же у озер и рек трава бывает вытоптана летовками). В кзеу стоят от 20 до 30 дней (от Покрова до снега). Тут стригут баранов (мужчины), делают кошмы, ткнут армячины, собирают кизяк, приготавливают дрова на зиму, посылают исправлять зимовки. Охотники потом бьют из-под собак волков; с ястребами и с соколами охотятся только с 15 сентября по 15 октября. На кзеу же шьют шубу, джаргаки, чалбары⁴². Тут же бьют масло и делают иримчик (сыр, делаемый варкой молока), сыкпа⁴³, сырчики для детей.

Когда выпадет снег, выступают к зимовкам. По пути табуны лошадей посылаются на отгонные поля, на которых они и остаются всю зиму. Остальной скот должен кормиться у зимовок; но если здесь джут, то на отгонные луга посылаются и скот. Овцы при пастьбе зимою идут всегда ниткою одна за другою.

⁴¹ Сумблэ – звезда Сириус. – С.Д.

⁴² Джаргак – доха из шкуры жеребенка, чалбар – брюки. – С.Д.

⁴³ Сыкпа – сыр, изготавливаемый сжатием пальцев. – С.Д.

Когда передняя остановится, все остальные делают то же и из под снега достают корм по ровному кругу.

Рогатый скот никогда не разбивает льда и ест корм только тогда, когда он у него под носом; потому при джуге ему, прежде всего, дают заготовленное с осени сено. В декабре посылают за «сугумом». Сугумом называется забойка скота, делаемая раз в год для снабжения себя продовольствием на зиму. Величина сугума зависит от состояния, величины семейства и находится в обратном содержании с количеством потребляемого хлеба. Человек достаточный забивает на сугум десять лошадей и более. Ребра коней солят и коптят под именем «казы» – лакомство киргизов. Хребет (умортка) тоже солят и коптят ровно как деликатнейшую часть лошади – холку (джал), состоящую из вкусного хрящевого жира. Конские колбасы приготавливаются укладкою казы в тонкие кишки, наполовину перемешанной с мясом и жиром. Толстые кишки не солят, а едят так в течение зимы, равно как и карта (сычуг, среднюю кишку). Для копчения лучший лес это вереск, а дым от кизяка, которым по необходимости коптят очень бедные киргизы, придает мясу очень дурной запах. Для копчения вешают мясо на чечерак. Баранов, если они забиты, тоже коптят. После сугума начинают готовить капканы для ловли волков, лисиц, корсуков. Хлеб покупают, будучи еще на кзеу, т.е. в последних числах сентября. Когда все хлопоты по заготовке сугума кончены, начинаются пиры, взаимные угощения и сборы киргизов до тех пор, покуда сугум не понизится до цифры, нужной для пропитания во время зимы.

Если близ зимовки корму для скота окажутся мало, то не позже декабря нанимаются пастбища либо на линии, либо у киргизов, владеющих хорошими и большими зимовками близ гор. Скот перегоняется на занятые места раньше нового года, потому что после начнутся бураны, которые могут уничтожить скот во время перегона.

На зимовке усиливается присмотр за скотом. Хозяин или старший на зимовке осматривает скот каждый день и указывает ежедневно то место, куда его нужно выгонять. Это делается на основании киргизской поговорки: у хозяина два глаза, у его сына – один, а у работника вовсе нет глаз; или по другой поговорке: хозяин из мертвой не сделает живую скотину, но умирающей может не дать умереть. Самые трудные месяцы январь и февраль, когда скотина спала с тела, ослабла, а в степях дуют большие морозы и бураны. В исходе зимы бураны особенно опасны: тогда они разгоняют скот, который гибнет в незамерзающих соленых озерах и болотах.

С зимовок трогаются, когда снег сошел, хотя частью. Юрты разбивают на проталинах, где осталась хорошая, старая трава, причем как водопой служит скоту вода, образовавшаяся от таяния весеннего снега. Снеговая вода сохраняется во впадинах и прогалинах степи до мая месяца. Остановки при начале летнего кочевания зависят от состояния погоды и от того, как скот поправляется. Если погода холодная, то стоят на одном месте дольше.

Весной киргизы разбивают юрты большей частью на сопках и возвышенностях, которые обнажаются от снега прежде остальной местности; осенью кочуют предпочтительно в логах и низменностях.

Каждый род кочует летом по одним и тем же урочищам и если лето было дождливое, а урожай трав был хорош, то к зимовкам возвращаются прежним путем. Обыкновенно там уже вырастает новая трава; если же кормов мало, то, направляясь к зимовкам, ищут других путей. В апреле месяце пускают палы по той части степи, где предполагают кочевать летом; на зимовках и осенних стойбищах же трав никогда не выжигают, потому что молодая трава худо выдерживает зиму и доставляет меньше корму. На летней кочевке опытный хозяин заботится главным

образом о хорошем и здоровом водопое; при хорошем водопое шерсть на лошадях становится гладкой, блестящей; при дурном случается наоборот. Опытный чупчи⁴⁴ Назанбай (хозяин) умеет отличить по вкусу хорошие травы от дурных.

Люди с начала весны до последних чисел апреля продолжают есть айраном и кумысом. С мая месяца из коровьего и частью бараньего молока приготавливаются на зиму сыры. У богатых киргиз в пищу идет только кумыс, а молоко от скота и баранов целиком идет на сыр и масло.

В последних числах апреля стригут трех и четырехлетних холостых кобыл для волоса на арканы; хороших же, больших лошадей никогда не стригут. В мае месяце стригут верблюдов, которых шерсть разделяется на два сорта: 1) шейная и коленная, называется «чуда» и употребляется на грубую пряжку для шитья кошем; 2) спинная и с боков, называется «джебага» и употребляется вместо ваты и на тонкую пряжу. Джебагой называется в продаже свалывшаяся на верблюде войлокообразная шерсть, снимаемая с животного при помощи ножей целыми кусками. Джюн собственно идет на пряжу и снимается со спины и боков тонкими частями. С больших баранов снимается шерсть два раза: весной в виде джебаги, которая употребляется в смеси с конским волосом на арканы, и чистая; последняя употребляется в сваленном виде на купэ, род шубы из бараньей джебаги, покрытой саржею или нанкою. Осенью, в половине сентября и позже, стригут овец на кошмы. Маленьких овец, называемых козы, тоже стригут два раза. Первый раз 15 июня, это называется «карын-джюн», первая шерсть. Из этой шерсти сваливают тикеметы и моельные коврики. Второй раз стригут их одновременно с большими баранами. Стрижка называется «кузем». При делании хороших войлоков шерсть от больших баранов кладется в середину, а от молодых наверх. Впрочем, это соблюдается только умными хозяевами.

⁴⁴ Чупчи (правильно: шопши) – знаток по травам. – С.Д.

От больших баранов овчина, после снятия джебага, употребляется на шубы. После осенней стрижки овчина негодна для шуб и идет на выделку чембаров и кожаных халатов (называется «койтерсе-джаргак»). Шкуры маленьких барашек до первой их стрижки идут на шубы более ценные, известные в торговле под именем тресковых. От 15 июня до 15 сентября барашки называются «кырыкпа»⁴⁵, тогда из них делают шубы бедные люди, женщины и рабочие. Зимой барашки называются «тери» и идут вместе со всеми на чалбары и прочее.

Верблюжья кожа большей частью продается торговцам русским и татарам; малую часть этих кож сами киргизы выделывают на сыромять и замшу для узд и других седельных принадлежностей. Вообще верблюжья кожа считается прочнее других; главное же ее достоинство, что она везде равной толщины. Из верблюжьей кожи делается «конек», посуда (вроде ведра с носком) для разноски гостям кумыса.

Из конских кож киргизы выделывают сабы⁴⁶, делаемые из одной кожи. Только у немногих богатых делают из двух шкур; из трех же сабы употребляют только в экстренных случаях, например, при поминках. Кроме того, из конской кожи делают суйретпе, торсыки⁴⁷, конек, подойники и пр. Посуду из конской кожи употребляют более достаточные лица, но не потому, что она лучше, а потому, что богатые больше режут лошадей на пищу.

Скотские кожи. Из телячьих кож делаются мешки на сумки и хранение разных вещей и запасов. Бедные делают иногда из телячьих шкур чалбары. Большие скотские кожи в киргизском хозяйстве употребляются на приготовление ременных принадлежностей, узд и пр. Сабы из них не делаются; но иногда приготавливаются суйретпе, торсыки, конек и кауга (ведро).

⁴⁵ Кырыкпа – то есть подстриженный. – С.Д.

⁴⁶ Саба – мешок для приготовления кумыса. – С.Д.

⁴⁷ Суйретпе – посуда для кумыса, торсык – посуда из козлиной шкуры. – С.Д.

Козы. В последних числах мая козы стригутся и их длинную шерсть свивают в шнуры для оторочки кошем в юртах и на завязки.

Пух отделяется от шерсти; он идет на продажу и на приготовление «джайнамаз», кошем, употребляемых при молитвах. Шкуры идут на джаргаки, а по снятии шерсти и выделке на чалбары для богатых людей. Как от молодых, так и от старых коз все шкуры идут на чалбары и джаргаки. Из однолетних, называемых «серкеш», выделывается кожа, из которой шьют зимние сапоги, шерстью вниз. Их обыкновенно обшивают сафьяном и приделывают подошвы. В подобных сапогах длинная шерсть выдергивается, так что остается один пух.

Звериный промысел существует в Баян-Аульском округе предпочтительно в горах большом Кизыл-тау, малом Кизыл-тау и в Далба-тау. Здесь ловят лисиц, волков и диких баранов (архаров). Летом охотятся на сайгу. Эта охота составляет предмет не малого дохода. Сайгачьи рога продаются пара от 15 до 20 к. Кожа идет на чалбары и кожаные халаты, мясо идет в пищу, а хорошие сайги осенью дают до полпуда сала. Года три уже, как сайги приходят в малом количестве, говорят, что это находится в зависимости от копытной болезни «сарып», свирепствовавшей между сайгачьими стадами.

Из промыслов только и замечательно производство топоров, приготовляемых киргизом Кузи из Джангаты – Айдабульской волости.

Торговля. В Баян-Аульском округе существует различие в торговле по Туртульской и Бассентинской дистанциям. У киргизов туртульцев бараны крупные и верблюды больше, зато у них мало рогатого скота. У бассентинцев же, наоборот, главный предмет составляет рогатый скот, который зимой откармливается сеном на обширных лугах левого берега Иртыша. В обеих дистанциях скот закупается купцами, приезжающими

из Петропавловска. Из Туртульской дистанции идут бараны на общий прогонный путь с каркаралинскими и семиреченскими гуртами, а из Бассентинской по левому берегу Иртыша до озера Тепе, оттуда через Малый Караой на Тулчукуль.

Торговля рогатым скотом. Гурты рогатого скота покупаются в Семипалатинске. Покупка производится с половины сентября до осени. Купленные здесь гурты всю зиму кормятся тут же, для чего снимаются луга в седьмом полковом округе. Кормят сеном до 10 апреля. Вся эта операция производится местными купечеством. В марте сюда приезжают купцы для закупки скота на золотые прииски в Енисейскую губернию, а так же для отправки на линию. После совершения покупки скот гонят в Енисейскую губернию и степью в Троицы; при этом гурты идут на подножном корму.

Почти все Баян-Аульские киргизы запасаются мукой по линии от Павлодара до Железинской станицы. Казаки перекупают муку у томских крестьян горного ведомства и перепродают ее киргизам с разными обмерами и обвесами. Потребность Баян-Аульских киргиз можно положить в год около 300 тыс. пуд. муки. Купцов, торгующих мукой, в Павлодаре нет. Это зависит от того, что согласно прежним положениям, разночинцам было запрещено жить по казачьим станицам. Хотя теперь запрещение это и отменено и Павлодар сделан городом, но хлебные торговцы здесь до сих пор не водворились. Оттого цены на хлеб подвержены здесь частым и сильным колебаниям

Лучшие седла делаются в Джангозы– Айдабульской волости; там же лучшие серебряники и кузнецы.

Лучшие деревянные вещи делаются в Каржасской и Айдабульской волостях. В тех же волостях и в Бассентинских много плотников; бассентинские плотники употребляются весьма часто для постройки домов в самом Павлодаре.

Кошмы и армячина сбываются по всей линии от Павлодара до Омска; армячины более выделывают в Туртульских волостях, где много верблюдов. Туртульцы пригоняют летом скот на продажу в Акмолы, где главнейшим образом покупается ими азиатский товар.

По всей Средней Орде лучшие породы лошадей находятся в Акмолинском и Атбасарском округах.

Хорошая порода лошадей в Средней Орде ведется от кипчакской породы из табунов Алданазара и Пана, киргиз Кокчетавского округа (бывшего Кушмурунского). У них были самые лучшие бегунцы и самые красивые лошади. Кипчакская порода произошла от туркменской; попала же туркменская кровь в кипчакскую породу, потому что некогда Кипчаки кочевали по Сыру, смежно с Туркменами» [45, 329–338].

О СКОТОВОДСТВЕ У КИРГИЗ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ¹⁾

Огромныя пространства южной части западной Сибири, именно областей акмолинской и семипалатинской, заняты до сихъ поръ кочевьями киргизовъ—исконныхъ обитателей этой мѣстности.

Какъ и у всякаго кочеваго народа, скотоводство занимаетъ въ хозяйствѣ киргизовъ самое видное мѣсто среди другихъ промысловъ. Ближайшія изслѣдованія ихъ быта за послѣднее время удостовѣрили необыкновенно высокое развитіе тѣхъ промысловъ и занятій, которые господствуютъ среди сосѣдняго русскаго населенія. Въ числѣ киргизовъ, правда, встрѣчаются, напр. саножники (въ Кокчетовскомъ и Баянъ-Аулскомъ округахъ), плотники, кузнецы, серебряки; но представители этихъ промысловъ крайне малочисленны, и годовой заработокъ ихъ ограничивается совершенно ничтожной цифрой. Вообще промыслы осѣдлаго характера привились преимущественно (если не исключительно) въ средѣ подгородныхъ киргизовъ; истые же кочевники-степняки, вполнѣ поглощенные уходомъ за своими стадами, знаютъ только одинъ промыселъ, да и тотъ вполнѣ кочевой, именно охоту съ ручными ястребами и отчасти съ борзыми собаками.

Киргизы разводятъ всѣ главные роды скота: коровъ, лошадей, овецъ и сверхъ того верблюдовъ. Количество головъ, состоящее въ обладаніи хозяина, конечно, весьма разнообразно. Мѣстные богачи владѣютъ огромнѣйшими косяками лошадей и стадами овецъ и верблюдовъ, число которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, извѣстно самому хозяину только приблизительно. Вообще изъ четырехъ

¹⁾ Настоящая заметка составлена по рукописнымъ запискамъ М. Ч. Чермакова, одного изъ мѣстныхъ жителей, родомъ киргиза, известнаго знатока внутреннего быта западно-сибирскихъ кочевниковъ, его сородичей. Рукопись сообщена намъ Гр. Ник. Потанинымъ [69].

названных родовъ скота самымъ распространеннымъ представляется овца, затѣмъ лошади. Верблюды—скотъ, въ которомъ родомъ привилегированный; ихъ держатъ только болѣе достаточные киргизы. Далѣе мы еще коснемся всей той разнообразнѣйшей пользы, которую кочевники научились извлекать изъ продуктовъ скотоводства; теперь же остановимся пока на способахъ содержанія и ухода за скотомъ, практикуемыми съ замѣчательнымъ однообразиемъ по всему пространству, занятому въ настоящее время киргизами.

Прежде всего коснемся выбора и устройства киргизами ихъ зимовокъ. Мѣста для зимовокъ избираются съ большимъ вниманіемъ, и въ выборѣ ихъ кочевники обнаруживаютъ много наблюдательности и смѣливости. Первымъ вопросомъ въ этомъ дѣлѣ является, разумѣется, вопросъ о зимнемъ продовольствіи громадныхъ стадъ скота. Поэтому предпочитаютъ мѣстности, гдѣ есть естественная защита отъ вѣтровъ и снѣговъ, напр. прилѣскя, камышевыя заросли, достигающія въ описываемыхъ мѣстахъ поразительной густоты, пространства при подошвѣ возвышенностей, отлогости близъ рѣкъ, защищенныя крутоярами, и т. п. Наиболее благоприятными для зимовки мелкаго скота мѣстностями признаются тѣ, на которыхъ при сильныхъ вѣтрахъ снѣгъ сдувается съ почвы, обнажая оставшуюся отъ лѣта растительность. Для верблюдовъ лучшими зимовками служатъ пространства, покрытыя зарослями *чя* (*Lasiagrostis splendens* Lehm.), *карыма* (*Caragana frutescens*, Pall.), *кылка* (*Triticum repens* L.), *кокпека* (*Atriplex caninum* Borstih.) и другихъ солончаковыхъ травъ, составляющихъ главную продовольственную статью этого неприхотливаго животнаго. Обращается, разумѣется, должное вниманіе на изобиліе въ избранной мѣстности сѣнокосныхъ мѣстъ. Предпочитаются мѣста, гдѣ можно раздобыться топливомъ; последнее условіе не представляется впрочемъ особенно важнымъ, въ виду большаго количества получаемого отъ скота кизяка (*кйй*), составляющаго въ степи у кочевниковъ, за отсутствіемъ въ немъ какой-либо иной надобности, самый обыкновенный матеріалъ для отопленія.

При каждой зимовкѣ устраиваются теплые дворы изъ плетви, плетеного камня или изъ дерна; они бывають или крытые, или представляютъ простыя загородки изъ жердей. Свои собственныя жилища строенія киргизы возводятъ, смотря по состоянію, или изъ строеваго лѣса, на манеръ русскихъ домовъ, или изъ илтыяка, или даже изъ землябитнаго кирпича. Бѣлаякъ живутъ всю зиму въ своихъ классическихкихъ *юртахъ*, устраиваемыхъ изъ остроумно

придуманной легкой камышевой решетки, обтянутой снаружи гол-
стѣйными войлокомъ—по мѣстному называемымъ *кашмаю*.

Киргизы очень дорожатъ разъ избраннымъ для зимовки мѣс-
томъ и каждый годъ, глубокою осенью, возвращаются на него.
Зимовка считается наследственнымъ достояніемъ аула, и мѣсто ея
перемѣняется только въ случаи крайней необходимости. Изъ этому
можетъ принудить ихъ, напр., колоссальный наполненный пожаръ,
какіе случаются въ тѣхъ мѣстахъ въ осеннее время, или полный
неурожай травъ въ окрестности зимовки или наконецъ, гололедницы,
заставляющія иной разъ цѣлые аулы переключиваться за сотни верстъ,
часто изъ одного округа въ другой.

Зимній уходъ за скотомъ находится въ полной зависимости отъ
условій мѣстности, избранной для зимовки. Аулы, находящіеся въ сво-
емъ распоряженіи всѣ естественныя удобства, держатся правилъ,
которыя мы сейчасъ изложимъ; тамъ же, гдѣ такія удобства от-
сутствуютъ, киргизы перебиваются со скотомъ какъ попало.

Рогатый скотъ пасутъ зимою на лугахъ и по камышнымъ за-
рослямъ, вообще на мѣстахъ, гдѣ животнымъ нѣтъ надобности от-
гребать съ растительности снѣгъ: рогатый скотъ совѣтъ не умѣетъ
добывать себѣ пищу изъ-подъ снѣга. Совершенно противоположно
особенностью отличаются киргизскія лошади: онѣ привыкли раз-
гребать снѣгъ своими копытами и потому способны безъ труда
прокормиться зимою даже на такихъ мѣстахъ, которыя лѣтомъ ис-
пользовались въ видѣ пастбищъ или сѣнокосовъ, лишь бы травя
успѣла на нихъ отрасти къ зимѣ. Такую же способность прояв-
ляютъ верблюды и овцы.

Отдѣльные роды скота распредѣляются на зимнихъ пастби-
щахъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Рогатый скотъ, верблюды и овцы,
каждый видъ порознь, пасутся по возможности вблизи отъ зи-
мовки; каждое стадо имѣетъ особаго пастуха. Рогатый скотъ и
верблюды держатся около озеръ и рѣчекъ, гдѣ есть камышъ и
высокая трава, не совѣтъ запасенные снѣгомъ. Для пастбы овецъ
забираются мѣста съ топкими снѣжными покровами, изъ-подъ ко-
торыхъ привычныя животныя откапываютъ траву поганю. Чаще
всего стада овецъ пасутся по горамъ и увалимъ. На ночь весь
этотъ скотъ пригоняется обратно къ зимовку. Что касается лоша-
дей, то ихъ зимняя пастба ведется двумя способами, смотря по
степени сытости лошадей. Всѣ животныя, находящіеся въ хоро-
шемъ тѣлѣ, соединяются въ особый табунъ и угоняются въ степь,
верста за 20 — 100, даже за 200—250 отъ мѣста зимовки. Въ

этомъ случаѣ киргизы менѣе всего стѣсняются расстояніями; главное условіе—изобиліе и легкость добычя корма. Такими образомъ около зимовки на подожномъ кормѣ остаются нѣз лошадей только молодые жеребѣта, да закупаемые и хворые лошади. При отгонномъ табунѣ многіе изъ хозяевъ живутъ сами, или же посылаютъ своихъ родственниковъ, давая имъ въ помощь известное число работниковъ; послѣднихъ закупаютъ на всю зиму за лошадей и зимнюю одежду, или за 10 рубл. и зимнюю одежду.

Мы уже выше упомянули о томъ, какими ужасными бичемъ юческаго скотоводства является гололедаца: она лишаетъ скотъ послѣдней скудной пищи, закрывая тощую мерзлую траву ледомъ льда, котораго мелкій скотъ не въ состояніи разбить своими копытцами. Въ случаѣ заледенѣнія поверхности поля, киргизы выгоняютъ на него лошадей и заставляютъ ихъ бѣгать по льду до тѣхъ поръ, пока онъ не искрошится; или-же поступаютъ такъ: привязываютъ къ концамъ большаго, тяжелаго бревна арканъ и, пригнати въ него лошадей, гоняютъ ее по обледѣлому мѣсту. Въ случаѣ выпадѣ глубокаго снѣга, покрывающаго съ верхомъ всю растительность, киргизы прибѣгаютъ даже къ раскалыванію его лопатами. Разумѣется, такая мѣра возможна только въблизи зимовки, при изобиліи рабочихъ рукъ. Что же касается отгонныхъ табунныхъ лошадей, то, для прокормленія ихъ во время гололедацы, остается одно только средство:—заготовка сѣна, которое и выдается скоту въ крайнихъ случаяхъ. Въ самыхъ зимовкахъ скотъ продовольствуется сѣномъ только въ случаѣ сильныхъ бурановъ, снѣжныхъ мителей, когда ни овцы, ни рогатый скотъ, ни верблюды не выгоняются на пастбище, а остаются внутри зимовки въ своихъ загонкахъ.

Кочевки съ зимовыхъ мѣстъ совпадаютъ обыкновенно съ началомъ весны; начало ихъ зависитъ отъ многихъ условій, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимаетъ количество оставшагося запаса корма. Если корма еще достаточно, а погода стоитъ холодная, то киргизы отлагаютъ время снятія съ зимовки до тѣхъ поръ, пока или не выйдетъ весь запасный кормъ, или не наступитъ тепло. Далѣе, принимается въ расчетъ состояніе, въ которомъ находится скотъ, который нѣрѣдко послѣ зимней безкормицы еле волочитъ ноги и бываетъ совершенно неспособенъ къ дальнимъ переездамъ; въ послѣднемъ случаѣ, приходится, не трогаясь съ мѣста, выжидать выхода въ степи первой травы, на которой скотъ могъ бы нѣсколько отдохнуть и оправиться. Какъ только трава показалась—

скотъ немедленно угоняется съ зимовки, на самомъ мѣстѣ котораго молодая весенняя трава никогда не страдала скоту, изъ опасенія повредить будущіе зимніе запасы ея.

Мѣста лѣтнихъ кочевокъ всегда сходятся на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи отъ зимовокъ, на которыхъ вся травянистая растительность остается лѣтомъ въ полной неправомерности, будучи все предназначена на зимнее продовольствіе скота. Основавшись на одномъ какомъ-либо мѣстѣ, киргизы пускаютъ скотъ на окрестную растительность. Поставъ на мѣстѣ два-три дни, аулъ поднимается и перекочевываетъ нѣсколько далѣе, на новое мѣсто, на которомъ опять-таки остается два-три дни, вновь поднимаясь по истеченіи этого времени. Съ перваго взгляда кажется странною такая меноудлиность; часто киргизы бросаютъ прекрасное, тучное пастбище, отличный водопой и идутъ далѣе. Однако у нихъ есть на это свои причины. Они стараются захватить впередъ лучшія пространства. Сверхъ того, тучная и видъ растительность оказывается иногда не совсѣмъ пригодной для скота, по качеству и видамъ растеній. Въ этомъ случаѣ самъ скотъ, манера его держаться на пастбище, служитъ отличными указателями наблюдательному глазу кочевника. Если, напр., вставши рано утромъ, киргизъ находитъ весь скотъ въ кучѣ пасущимся около самой ставки, то это служитъ для него яснымъ признакомъ, что трава хороша; скотъ самъ, по своей волѣ, не охотно отходитъ отъ жилища человѣка и любитъ держаться тѣсною кучкою. Если же животныя отошли далеко отъ юрты и разбрелись въ разные стороны, то ясно, что трава не подходитъ подъ вкусъ; тутъ скотинѣ приходится бродить за кормомъ изъ стороны въ сторону. Въ послѣднемъ случаѣ аулъ не остается на мѣстѣ ни одного лишняго часа: снимается и перекочевываетъ далѣе.

Въ теченіи всего лѣтняго времени, холостыя лошади держатся отдѣльными стадами, численность которыхъ обуславливается расположеніемъ пастбищныхъ и водопойныхъ мѣстъ. Рогатый скотъ, овцы и верблюды также составляютъ совершенно отдѣльные табуны; всѣ они на ночь приспособляются къ юртамъ. Нѣкоторое количество матокъ и при нихъ жеребцовъ и жеребятъ пасется вблизи аула. Отъ кобылъ получается молоко для выдѣлки кумыса. Такой порядокъ соблюдается въ теченіи всего лѣтняго періода, который заканчивается обыкновенно около половины сентября, когда киргизы возвращаются къ своимъ зимовкамъ.

Съ первыхъ чиселъ ноября по конецъ этого мѣсяца идетъ убой скота. Стоимости убитыхъ животныхъ можетъ простираться отъ 250 до 600 рубл., смотря по достатку хозяина. Въ опредѣленіи числа подлежащихъ убою животныхъ главную роль играютъ размеры гостепріимства хозяина; а гостепріимство и хлѣбосоольство играютъ здѣсь необыкновенно большое значеніе. Богатый хозяинъ, наѣзая осенью скота, проводить все время въ непрестанныхъ пиришествіяхъ, угощая толпы набѣгающихъ гостей и раздавая целыя подачи (натурою—мясомъ битого скота, кумысомъ и т. п.) бѣднякамъ собственнаго аула. Хлѣбосолю именуется въ народѣ пышнымъ эпитетомъ „благодѣтелей“ (мурза). Бѣдняки рѣжутъ обыкновенно четвертую часть своего скота. Не имѣя возможности прокормиться любимой киргизамъ мясною пищею, бѣдняки сдѣлали себѣ большое подспорье изъ ржаной муки, изъ которой впрочемъ не пекутъ хлѣба, а варятъ родъ супа съ мясомъ, кладя на ведро воды фунта 3 мяса, съ фунтъ сала и фунтовъ 5 муки. Сварившееся мясо выпимаютъ и ѣдятъ особо, а варево сначала охлаждаютъ избалтываніемъ и ѣдятъ, когда оно станетъ тепловатымъ; такое блюдо на языкѣ мѣстныхъ гастрономовъ называется „чимъ-чимъ“. Зарѣзаннаго съ осени скота у богатыхъ хватаетъ иной разъ до слѣдующаго лѣта; лѣтомъ же, сверхъ того, рѣжутъ по временамъ барановъ.

Разсмотримъ теперь значеніе для кочевниковъ отдѣльныхъ видовъ скота и перечислимъ способы пользованія продуктами скотоводства.

Для богатыхъ киргизовъ выгодноѣ всего оказывается держать лошадей, которыя снабжаютъ ихъ всѣмъ необходимымъ: пищею, питьемъ, одеждою. Богачи лакомятся свѣжимъ лошадинымъ мясомъ при всякомъ удобномъ случаѣ, какихъ множество въ жизни киргизовъ: при наѣздѣ гостей, при свадьбахъ, поминкахъ и т. п. рѣжутъ молодыхъ жеребятъ и кобылъ и наѣдаются ихъ вѣшнымъ мясомъ до отвала. Отъ кобылъ получаютъ всѣмъ извѣстный кумысъ, раздаваемый огромными чашками всѣмъ и каждому при всякомъ торжественномъ случаѣ. Изъ кожъ лошадей выдѣлывается одежда и посуда (*турсуки*, въ которыхъ держатъ кумысъ). Наконецъ хорошая верховая лошадь составляетъ гордость и славу степнаго аристократа. Киргизы очень любятъ устраивать такъ называемыя *байди*, т. е. составательные конскіе бѣга; побѣдители на этихъ бѣгахъ получаютъ сплюсь и рядомъ огромные вымы. Все это побуждаетъ богачей держать огромныя стада лошадей,

доходящая не редко до десятков тысяч голов. Совсем иное дело у бѣлжиковъ: для нихъ лошади—скотъ не подходящий. Въ самомъ дѣлѣ, у киргизовъ, народъ не земледѣльческаго, лошади совсѣмъ не имѣетъ того хозяйственного значенія, какъ напр. у нашихъ крестьянъ. Поэтому-то бѣлжикъ, особенно семейно, предпочитаетъ держать коровъ, отъ которыхъ получаютъ молоко, сыръ и масло. Корова, притомъ, не требуетъ за собою того надзора, какой необходимъ за лошадью; она сама уходитъ утромъ на пастбище и сама же возвращается вечеромъ домой, къ хозяйской юртѣ.

Изъ числа продуктовъ, получаемыхъ киргизами изъ коровьяго молока, наибольшую известностью пользуются *иримчикъ* и *куртъ*. Эти прекрасные, впрочемъ и питательные консервы заслуживаютъ подробнаго описанія. Иримчикъ готовится слѣдующимъ образомъ: Сковородъ въ теченіи двухъ дней молоко, вливаютъ весь скотъ въ котелъ и ставятъ его на огонь. Прибавивъ въ молоко въ рѣдъ закладки нѣкоторое количество скисшаго молока, кипятятъ эту смѣсь до тѣхъ поръ, пока она не приобрететъ красно-желтаго цвѣта. Вслѣдъ затѣмъ вся масса превращается въ творожистое тѣло, которое и называется иримчикъ. Въ лѣтніе жаркіе дни иримчикъ сушатъ на солнцѣ и хранятъ до зимы, въ теченіи которой употребляютъ его вмѣсто хлѣба. Вкусъ иримчика очень пріятный, сладкій. Питательность его *должна быть* очень высока (анализовъ его мы не встрѣчали). Дѣти сибирскихъ горожанъ (русскихъ) считаютъ эти киргизскіе „сирчички“ самымъ уточеннѣйшимъ лакомствомъ. Иримчикъ въ свою очередь служитъ для приготовленія другаго ивцеваго продукта, называемаго „дожимъ“. Для этого иримчикъ толчется въ мелкій порошокъ, смѣшивается съ расголеннымъ коровьимъ масломъ или бараньимъ саломъ и формируется въ круглые, на подобіе хлѣбовъ, куски. Этими кусками даютъ засохнуть, а затѣмъ, при употребленіи въ пищу, ломаютъ ихъ или рѣжутъ ножомъ, или раскалываютъ, смотря по степени достигнутой ими твердости.

Куртъ, представляющій также родъ сыра, готовится изъ совершенно скисшаго молока, т. е. раздѣливаемаго на сгустокъ и сыворотку. Не отдѣляя одного отъ другой вливаютъ смѣсь въ большіе турсуки (хлѣа, родъ посуды изъ кожи) и подвергаютъ сильному забалтыванію, продолжающемуся до тѣхъ поръ, пока изъ сгустка не собьется масло. Последнее немедленно отбрасывается отъ сыворотки и складывается въ особые сосуды. Сыворотка-же вли-

вается въ котлы и уваривается въ пухъ до густоты тѣста. Послѣ того эта тѣстообразная масса съ силою отжимается обѣими руками, сватывается въ сырчики и раскладывается для просушки на солныцѣ. Просушиваніе, для предохраненія куртъ отъ скотвыи и т. п., ведется на особыхъ высокихъ столахъ, застланныхъ сверху чіемъ. Куртъ дѣлается двухъ сортовъ, различающихся между собою по времени приготовления и силѣ прессовки. Осенній куртъ представляетъ видъ небольшихъ лепешекъ, посыпныхъ на своей поверхности явные слѣды пальцевъ; эти слѣды остаются на немъ отъ прессовки, которая производится одною рукою, съ применением всѣхъ силъ, для возможно полнаго удаленія влаги. Этотъ сортъ употребляется осенью вмѣсто хлѣба. Другой сортъ, представляемый на зимнее продовольствіе и идущій на приготовленіе *баламыка*, имѣетъ форму колобова, скатываемыхъ обѣими руками и не такъ сильно вжимаемыхъ, какъ предыдущій сортъ. Изъ этого сорта киргизы готовятъ себѣ зимою баламыкъ, представляющій довольно любопытное сочетаніе чуть-ли не всѣхъ видовыхъ запасовъ, имѣющихся на лицо въ киргизскомъ обиходѣ. Приготовленіе этого яства начинается съ того, что ставятъ на огонь котелъ, закрывающій въ себѣ фунтъ или два бараньего или скотскаго сала; въ подогрѣтое сало всыпаютъ фунтовъ пять ржаной муки и жарятъ все до тѣхъ поръ, пока мука не покраснѣетъ отъ жара. Вслѣдъ за тѣмъ туда же вливаютъ вода, и смѣсь нѣкоторое время кипятится. Пока она кипитъ, берутъ фунта два куртъ, кладутъ его въ особую посудину, обливаютъ кипяткомъ жижю изъ котла и энергически растираютъ; получается нѣчто вродѣ густаго молока, которое вливаютъ въ тотъ-же котелъ и парятъ уже все вмѣстѣ. Вскипятивъ эту вкусную и питательную смѣсь, ее разливаютъ по чашкамъ и угощаются. Баламыкъ пользуется большою славою среди не однихъ только киргизовъ, но и сѣвернаго русскаго населенія, знакомаго съ киргизскою кухнею.

Крымчикъ и куртъ—кушанья чисто національными, которыми съ одинаковою охотою потребляются какъ бѣдными, такъ и богатыми. У бѣдныхъ они, конечно, поплотѣе и служатъ главною статьею пропитанія; у богатыхъ-же играютъ роль лакомства. Разница въ этомъ отношеніи простирается съ особенною рельефностію въ способѣ приготовления баламыка изъ куртъ. Бѣдные готовятъ себѣ густов, сытный баламыкъ, служащій плотвою пищей; богатые-же, напротивъ, готовятъ легкій, жиденькій баламыкъ, употребляемый скорѣе въ качествѣ питья и отчасти замѣняющій кумысъ. Куртъ

приготавливается часто, особенно бѣдныя, изъ овечьего молока; овечій куртъ гораздо гуще, богаче питательными веществами, чѣмъ коровій, почему и предпочтается последнему, если есть возможность.

Овцы, или по общепринятому въ западной Сибири способу выраженія — бараны составляютъ самую многочисленную часть киргизскихъ стадъ. Лошадм и верблюдамъ — скотъ богачей, по преимуществу; рогатаго скота сравнительно мало у кочевниковъ; бараны же есть у всѣхъ, исключая япцыхъ, которые, впрочемъ въ степи составляютъ большую рѣдкость. Баранъ используется кочевниками весь, съ ногъ до головы. Баранина — господствующій здѣсь сортъ мяса; шерсть, въ видѣ цѣлхъ мѣховъ и стриженная, идетъ на приготовленіе всевозможной одежды; изъ этой же шерсти вяжутъ в прославленный въ Сибирь войлокъ (*кошма*).

Постоянное обращеніе кочевниковъ съ баранами вызвало цѣлую строгую систему пользованія продуктами оцеподства. Такъ, напр., шерсть, смотря по обстоятельствамъ, при которыхъ она бываетъ снята, получаетъ каждый разъ особое назначеніе. Весною, въ маѣ мѣсяцѣ, шерсть на баранахъ представляется скатанною въ видѣ сплошнаго покрова, простырающагося на все тѣло животного. Ее такъ и снимаютъ (сдираютъ руками) шбмъ руномъ сразу. 6—8 такихъ овецъ снимаются обыкновенно вмѣстѣ и, будучи покрыты сверху какой-нибудь матеріей, образуютъ отличную, теплую шубу. Этотъ весенній сортъ шерсти называется по киргизски *джумъ* и идетъ на изготовленіе разныхъ армяковъ, мѣшковъ и ковровыхъ тканей. Осенью, въ сентябрѣ, уже прикочевавши въ зимовки, приступаютъ къ общей стрижкѣ всѣхъ барановъ. Эта шерсть идетъ преимущественно на вязанье *кошма*. Шерсть отъ 25 барановъ даетъ кошму длиною въ 8 аршинъ и шириною отъ 2½ до 3 аршинъ. Кошма не только у киргизовъ, но и у сосѣдей изъ русскихъ (и притомъ не въ одной Сибири, но и въ Запалжн), пользуется самой доброй славой, въ качествѣ защиты отъ свирѣпыхъ зимнихъ морозовъ, и применяется съ этой цѣлью на разный манеръ. Ею обиваютъ окна, стѣны, двери, полы въ домахъ, зимніе экипажи, ею окутываютъ и закрываютъ все, что подлежитъ прочной и солидной охранѣ отъ холода, и она рѣдко обманываетъ полагаемые на нее расчеты. Киргизская кошма и русскій войлокъ вяжутъ между собою общаго только матеріала, изъ котораго оба изготовлены — шерсть. Кошма дѣлается обыкновенно толщею въ палецъ и необыкновенно плотно и прочно скатана. Вя-

челюсть такого громаднаго шерстянаго слона можетъ быть одѣвено по достоинству только тѣмъ, кому случалось ѣздить въ 40-градусные морозы, по бесконечнымъ сибирскимъ трактамъ, на которыхъ разстояніе между соседними станціями раздѣляется долгими часами, или жинать зимами въ одноэтажныхъ бревенчатыхъ домахъ, гдѣ отъ оконъ идетъ цѣлый ураганъ стужи. Кошмы строго различаются по достоинству: лучшими считаются бѣлыя; въ киргизскихъ сказкахъ иногда упоминается о древнемъ обычаѣ ватать вновь избраннаго владѣтеля на *бѣлой* кошмѣ. За бѣлою идутъ черная и павоонецъ, сѣрая кошмы. Чистота выдѣлки и прочность, разумѣется, тоже принимаются въ расчетъ.

Молодыхъ барашковъ стригутъ въ первый разъ хтеца чрезъ четыре послѣ рожденія, именно въ іюлѣ (обкоть овецъ приходится на конецъ марта). Изъ ихъ шерсти выдѣлывается особая, называемая, узорчатая кошма. Въ случаѣ выкидыша, полученная съ такового мерлушка идетъ на изготовленіе шубъ дѣтямъ; эти шубки необыкновенно легки и мягки. Овчины съ молодыхъ барашковъ, шалшихъ въ первую четверть года жизни или зарѣзанныхъ въ это время, идутъ на шубы взрослымъ. Овчины взрослыхъ или зарѣзанныхъ нѣсколько позднѣе барашковъ (съ молочной іюня до половини іюля) также идутъ на шубы; киргизская практика сдѣлала нѣдѣ известное различіе между этими только что описанными овчинами; оба сорта различаются между собою даже и названіями. Точно также строго различаются между собою овчины, полученные въ промежутки: отъ 10 іюля до 20 августа, отъ 20 августа по конецъ октября и съ конца октября итченіемъ зими; всѣ эти сорта имѣютъ особыя названія и особыя качества.

Кромѣ овецъ, киргизы держатъ еще козъ. Польза отъ нихъ, конечно, далеко не такъ значительна, какъ отъ овецъ; однако держать ихъ есть свои основательныя причины. Мясо козъ и козловъ далеко уступаетъ баранинѣ, но имѣетъ предъ послѣднею то преимущество, что необыкновенно скоро сваривается, следовательно требуетъ для приготовленія меньше времени и топлива. Далѣе, козлиное мясо въ лѣтнія жары гораздо дольше сохраняется, чѣмъ баранина. Интересенъ способъ сохраненія мяса, практикуемый киргизами: они обливаютъ его кумысомъ и кладутъ куда нибудь въ тѣнь; козлиное мясо можетъ сохраняться при этомъ безъ порчи въ теченіе трехъ или болѣе дней. Баранина, конина и говядина обыкновенно солатся на лѣто; безъ соленія же портатся весьма быстро.

Молоко, полученное от козъ, вымывается для въ сыромъ видѣ, или же при самомъ доеніи козъ употребляютъ такого рода приемъ: Наполнивъ подойникъ до половины кумысомъ, производятъ выдаиваніе прямо въ этотъ кумысъ. Послѣдній при этомъ сильно пѣнится, и чѣмъ болѣе прибавляется къ нему козьего молока, тѣмъ все болѣе и болѣе возрастаетъ на немъ количество пѣны. Довѣдлится до тѣхъ поръ, пока весь сосудъ не наполнится пѣною до краевъ. Эта пѣна быстро густѣетъ и становится въ скоромъ времени похожей на сметану; вкусъ ея кислото-сладкій, напоминаящій вкусъ фруктоваго мороженаго. Обыкновенно ея скопается въ подойникѣ пальца на три толщиною; ее снимаютъ и употребляютъ тотчасъ въ пищу. Жидкость, остающаяся въ сосудѣ, совершенно утрачиваетъ всѣ свойства кумыса и употребляется при выдѣлкѣ мерлушекъ. Можно полагать, что при описанной операциіи весь ароматъ и алкоголь кумыса переходятъ въ пѣну.

Шерсть козловъ тоже не пропадаетъ даромъ. Ихъ стригутъ одинъ разъ въ годъ, именно въ послѣднихъ числахъ мая. Передъ стрижкою стараются снять съ козла весь накопившійся на немъ пухъ—тотъ самый тонкій и пѣный пухъ, лучшіе сорта котораго идутъ на изготовленіе извѣстныхъ *оренбургскихъ* платковъ. Сами киргизы мало употребляютъ этого пуха; они готовятъ изъ него свои молитвенныя коври (джаймамазъ—коврики, подстилаемые подъ себя нагометанами во время молитвъ); остальное сбывается русскимъ купцамъ. Козья шерсть идетъ на сученіе веревокъ, шнурковъ и завязокъ для привѣшенія на юртахъ кошметъ; такіа веревочки часто окрашиваются въ разные цвѣта. Негодовалыхъ козлятъ стричь не принято.

Козьяныя кожи идутъ на одежду, между прочимъ на приготовленіе необъятныхъ киргизскихъ штановъ (*чалбаръ*). Технические приемы подготовки козлиныхъ кожъ заключаются въ слѣдующемъ: Со свѣже полученной кожи дунуть особымъ ножомъ шерсть и мездру; затѣмъ кладутъ кожу въ корыто съ молокомъ дней на 5—6, потомъ высушиваютъ на солнцѣ. Совершенно просохнувшую кожу мнутъ до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается достаточно мягкой. Выдѣланную кожу окрашиваютъ въ разные цвѣта; любимый цвѣтъ—темномалиновый. Краску этого цвѣта (не жемчужнаго, къ сожалѣнію, ничего сообщить объ ея составѣ и происхожденіи) просто-на-просто разжевываютъ во рту и затѣмъ облепляютъ ею кожу. Едва-ли что-либо такъ дѣлать киргизскому глазу, какъ чал-

«Сел. Хоз. и Лес.», т. СХІІІ, отд. ІІ.

бары, украшенные такимъ способомъ. Шауры молодыхъ козлятъ
даютъ весьма рѣдкую шауру или лайку, которую богачи употреб-
ляютъ на верхи шапокъ или на крыше шапокъ, любящихъ имъ шубъ изъ
мѣха изъ лисьихъ лапокъ.

О СКАЧКАХ В СТЕПИ

*Садвакас Шорманов
(1849-1927 гг.)*

В № 4 киргизской (читай: казахской. – С.Д.) газеты⁴⁸ выражено желание редакции получить из степи сведения о том, как устраиваются киргизами народные скачки, о приготовлении к тому лошадей, на сколько верст бывают дистанции и о быстроте бега наилучших бегунцов. В виду этого, считая молчание неуместным, желаю представить интересующие редакцию сведения, с описанием торжественных праздников, при которых устраиваются скачки.

Скачки устраиваются киргизами в разных торжественных случаях, например, при поминании родственниками умерших (*ак*), при различных народных праздниках (*той*), иногда просто по желанию любителей конского бега. На заклады делается байга (скачка. – С.Д.). В течение последних 10-15 лет асы устраивались очень редко; этот обы-

⁴⁸ Здесь имеется в виду газета «Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям», которая ежедневно выходила в Омске в 1888-1902 гг. на русском и казахском языках. – С.Д. Статья «О скачках в степи» опубликована на страницах данной газеты в 1889 году в №№ 39,40,41 [74].

чай постепенно начинает выходить, например, в Омском, Кокчетавском и Петропавловском уездах его вовсе не существует; прежним значением он пользуется лишь в некоторых пунктах края, в особенности в волостях, расположенных к юго-западу от г. Акмолинска, в среде рода «Кувандык» (старший сын Мейрама. – С.Д.). Здесь ас устраивается не только часто и повсеместно, но он не потерял еще своего старинного значения и духа, что объясняется богатством и материальной обеспеченностью населения.

АС

По вкоренившемуся киргизскому обычаю, к совершению аса приступают лишь с конца мая, когда скот достаточно вскормлен и годен для закалывания, и когда киргизские волости, кочуя на летовках, более или менее сближаются друг с другом. Предварительно устройства этого торжества, требующего не мало хлопот и забот, желающие поминать своих родных приглашают своих близких людей для совещания, с ними решают вопросы, сколько следует резать скота, много-ли потребуется юрт для гостей и проч. Затем приблизительно за 15-20 дней до поминки в разные волости рассылаются люди для приглашения народа. Они снабжаются записками, в коих точно обозначаются: место поминовения умерших, время скачек и ценность призов, а также число бегунцов, могущих получить их. Записки эти показываются более знатным лицам, которые в свою очередь извещают своих приближенных (иногда приглашаются несколько уездов; в этом случае все родственники покойного разделяют заботы и всякие хлопоты по угощению гостей, если умерший был человек знатный). Перед наступлением времени аса приближенные аулы располагаются на такой местности, которая богата водой и удобна при громадном стечении народа, притом аул покойного должен находиться в середине других.

И вот торжественный день очень близок. Хлопот масса. Нужно в достаточном количестве топливо, необходимо поспешить с установкою юрт, которые иногда, по числу гостей, простираются до 100, 150 и 200 и устанавливаются для удобства шпалерами, в том числе 2-3 предназначаются исключительно для хранения мяса и других предметов продовольствия. На каждую юрту полагается резать по одной лошади и одному барану. Обязанность доставлять в юрты кумыс, чай и пр. лежит на всех родственниках умершего. В юрте покойного, поставленной на отдельном месте и украшенной платьем и другими принадлежностями его, собираются все родственники и воспевают в песнях замечательные подвиги умершего, если он слыл за хорошего деятеля или вообще имел в жизни славу, а в противном случае певцы затрудняются, не имея материалов для своих произведений. Прибывающие гости первым долгом посещают эту юрту, молятся за упокоевание души усопшего и прослушивают напевы женщин, которые бывают так трогательны, что у присутствующих на глазах появляются слезы, а за ними бывают и рыдания.

Ас продолжается четыре дня. В первый день, называемый *Ушакказар*⁴⁹, угощаются только близкие родственники покойного, разделяющие труды по угощению народа. В тот же день устанавливают котлы для мяса. Во второй день колят баранов и лошадей. Этот день ознаменовывается тем, что толпами прибывают со всех сторон гости, и это прибывание продолжается до полудня следующего дня. В третий день, носящий название *Устаган*, угощаются гости, причем безразлично, бедные и богатые, а также и незванные, но не так как званные, которые, в случае недостатка продовольствия, могут затевать ссору. В четвертый (последний) день происходят скачки.

---

⁴⁹ Ушак (по-казахски правильно: ошак) – очаг, казар – рытье, т.е. буквально: рытье продолговатой ямы в земле для установки котла. – С.Д.

Когда гости собрались, то сабы⁵⁰ с кумысом расставляют по всем юртам и везде слышно взбалтывание кумыса, похожее на звук «гурф». Начинается попойка гостей. Возбужденная кумысом молодежь с шумом выходит из юрт. Происходит борьба силачей-атлетов, слышны громкие песни импровизаторов, распевающих свои мотивы под аккомпанемент двухструнного национального инструмента, – словом повсюду идет веселье.

Прежде, бывало, знатные аксакалы, пользуясь случаем, на поминках решали важные международные дела; бедняки наедались досыта; муллы занимались чтением корана, и близкие друзья или знакомые, давно уже друг друга не видавшие, утешались встречей. В последний день утром, около 9 часов, один из приближенных умершего, взяв в руки «каракчи» (мета), громко извещает народ о наступлении времени скачек. Вот любители уже сели на лошадей, бегунцы их готовы с подвязанными хвостами и челками. Все направились на место раздачи призов, где устанавливается мета. Здесь весь народ располагается двумя огромными группами, одну из коих составляют отдаленные гости, а другую – одноаульцы и приближенные покойного. До возвращения скакунов, отводимых за несколько верст, народ забавляется борьбою замечательных силачей и рысью иноходцев. Лучшие силачи и инородцы получают в призы одного верблюда или лошадь. Независимо от того награждаются и другие искусники-виртуозы, отличившиеся, например, во время вылавливания на лошадях с земли монет, верховой езды в стоячем положении, и других эволюционных движений. На встречу бегущим отправляются люди для наблюдения за их успехами и засвидетельствования самых резвых лошадей, дабы не опибиться при раздаче призов. По обычаю призы могут получать лишь 9-ть лошадей, но богатые иногда дают 15-ти лошадям. Устраивались асы, в которых первые призы были 100 лошадей,

⁵⁰ Саба – бурдюк (мешок из шкур лошади, в котором готовится и содержится кумыс. – С.Д.).

100 верблюдов и 300 руб., а последние призы – «тогуз», т.е. 9 штук скота, начиная с верблюда или лошади. Раздачею призов заканчивается ас. Гости, простившись с хозяевами, разъезжаются по своим аулам.

ТОЙ

Той устраивается в разных соединенных с радостью случаях, например, при заключении договора о наречении молодых людей в супружество, по случаю рождения ребенка, свадьбы и других подобных обстоятельствах. На *той* гости из отдаленных волостей не приглашаются, что составляет его разницу от *аса*, притом угощаются родственники и женщины, которые также могут участвовать на этих торжествах. Той бывает не очень многолюден и закалывается скота немного – максимум 2-3 лошади. Кроме того, на скачках призы получают только две-три лошади и самые призы не большие – лошадь или халат, и торжество продолжается только один день. Тою свойственны всевозможные увеселения, так как он есть выражение радости.

Иногда скачки устраивают любители конского бега просто для забавы на заклады, назначая сами от себя призы. В известный день, на назначенное место собираются охотники и устраивают скачки. Из собранных денег призы получают три лошади, например, если бегунцов 30 и каждый хозяин закладывал по руб., то первый приз будет 15 руб., второй 10 руб. и третий 5 руб.

О приготовлении бегунцов к скачкам. Теперь перейду к вопросу о приготовлении бегунцов к скачкам. Киргизские лошади принадлежат к двум породам: казанат⁵¹ и карабайыр-шобыр⁵². Последняя дает очень мало хороших экземпляров, и

⁵¹ Казанат- телосложение крупное (с широкой грудью, высокой холкой), выносливая на дальнюю дорогу сильная лошадь. – С.Д.

⁵² Карабайыр-шобыр – простая (рабочая) лошадь. – С.Д.

потому представители ее главным образом употребляются пастухами при уходе за скотом, а так же они же идут на всевозможные хозяйственные работы. Резвые бегунцы обыкновенно получают от представителей первой породы, и потому, для испытания резвости и силы, для них часто устраиваются скачки. Для этого необходимы предварительное приготовление скакунов и некоторые условия, которые должны быть соблюдаемы по отношению к лошадям.

Во время зимы хороших бегунцов ныне держать в теплой конюшне, в обеспечение здоровья лошадей от простуды, а в апреле нарочно ездят на них, дабы с употреблением нового весеннего корма в легких бегунцов не застаивалась кровь и не происходила бы от того одышка, что очень вредно отзывается на резвость лошадей. Таким образом постепенная езда на них продолжается до тех пор, пока они не приходят в то состояние, в котором должны явиться к скачкам. От этой езды лошадь начинает худеть и когда у нее на глаз заметны некоторые ребра, то начинают ездить побольше и скорее, чем раньше (рысью), и затем, когда заметны все ребра и гривный жир начинает истощаться, то бегунцы уже употребляются на пробные скачки. Последняя из таких пробных скачек должна происходить за 3-4 дня до настоящей, или даже за неделю, смотря по состоянию лошадей. Все время приготовления бегунцы не выпускаются на волю, их кормят немного, в особенности по приближении времени байги, им дают есть лишь по утрам и вечерам 2-3 часа, а по ночам выстаивают. С лошадьми же, которых кормят овсом, необходимо поступать несколько иначе: на них ездят шагом, но больше, весьма полезно, и пробные скачки им можно устраивать за 4 дня байги. После скачек бегунцов выстаивают на ночь на отдых и утром выпускают в табун, где пасутся на воле и отдыхают.

О дистанции. При все величина дистанции скачек не превышает одного куча или двух (куч около 20-25 верст). Один куч

назначается при малочисленности бегунцов, а в противном случае необходима более значительная дистанция, во избежание могущего произойти потом недоразумения; впрочем, это зависит от усмотрения того рода, который устраивает торжество. Назначенную дистанцию лошади обыкновенно могут проскакать приблизительно за 2,5 часа. При той же дистанции бываюот небольшие, равняются мере козы-кош (около 10-15 верст), а при закладах никакой определенной дистанции не существует, она назначается по желанию охотников, например, пол – куч, куч, 2 куча и т.д.. При кара-джаршее, т.е. при испытании лошадей без призов, величина дистанции бывает очень небольшая (около 10 верст), чтобы не изнурять бегунцов напрасно продолжительными скачками.

О быстроте бега. Быстроту бега лошадей в степи определить точно невозможно, так как киргизские лошади бегают не по ипподрому, вследствие чего очень трудно наблюдать за бегунцами и тому самая дистанция бывает не точно известна. Поэтому на этот вопрос никакого определенного ответа дать невозможно. Акмолинской волости общество охотников конского бега весной намерено устраивать скачки, при чем желает скакать по кругообразной дистанции и в случае осуществления этого намерения, нами будут сообщены редакции особые сведения. Преимущества лошадей у киргиз, расположенных в степи, сравнительно с теми, которые живут ближе к Иртышу, давно уже известны, что доказывалось во многих асах. Это обстоятельство объясняется тем, что во-первых – чистая степная порода киргизских лошадей, вследствие отдаленности волостей от городов, не скрещивалась еще с мастеком – с рабочей породой и во-вторых, корм в степи более питателен, тогда как на низменных пространствах он далеко не обладает этим качеством. Для подтверждения этого обстоятельства достаточен тот факт, что лошади, приведенные в степь из прилежащих к Ир-

тышу волостей, быстро поправляются, а степные лошади, отведенные туда, наоборот, худеют, портятся. Вследствие лучшего корма мясо, молоко и пр. продукты степного скота отличаются большею питательностью, при чем лошади, как пасшиеся на гористых защитных местах, имеющих весьма важное значение по отношению к климатическим условиям страны в особенности поюжнее бывают несравненно здоровее.

В последнее время во многих местах киргизы начали было устраивать народные скачки с целью лишь продавать в хорошем виде своих лучших лошадей; но 2-3 года назад, узнав из газеты о деятельности общества охотников конского бега, учрежденного по желанию Его Высокопревосходительства Господина Степного Генерал-Губернатора, начинают подвергать испытанию своих бегунцов, для чего довольно часто устраивают скачки, руководимые целью привести оказавшихся резвыми скакунов в Омске на скачки. Они с величайшим удовольствием намерены с своими бегунцами явиться в Омск, разве их остановит страх изнурения лошадей в пути.

Киргизский народ, поощренный хорошим отзывом относительно качеств степных лошадей, сознавая пользу и целесообразность забот начальства об улучшении породы киргизских лошадей, с надеждой на поднятие их цен, стремится к развитию и улучшению коневодства.

Садвакас Чорманов

ОТКРЫТИЕ БАЯН-АУЛЬСКОГО ОКРУГА

До 20-х годов XIX века, в продолжении около 90 лет, казахские степи, относящиеся к Западной Сибири и Оренбургскому краю, одинаково подчинялись так называемой русской пограничной системе управления. При этом правительство России поддерживало поставленных над казахами ханов и султанов, оградив степные окраины казахской земли линиями укрепленных военных пунктов (форпостов), не вмешиваясь в дела внутреннего управления казахов. Но такая система управления казахской степью в дальнейшем стала невыгодной для России. И царское правительство, в целях более прочного охранения границ колониального Казахстана и усиления контроля торговых отношений с казахами, решило изменить действующую систему управления степями. Поэтому в начале XIX века царское правительство намеревается отказаться от системы управления казахским народом при посредстве наследственных ханов и переходит к непосредственному управлению степями Казахстана.

Итак, царское правительство России в 1822 г. отменило в Среднем жузе ханскую власть; издало «Устав о Сибирских киргизах» (читай: казах. – С.Д.), составленный графом М.М. Сперанским; Сибирь разделили на Восточную и Западную с учреждением в ней двух генерал-губернаторов. В состав Западной Сибири вошли губернии – Тобольская и Томская, и область Омская. Главное управление генерал-губернатора Западной Сибири находилось в г. Тобольске, а с 1824 г. местопребыванием

его становится г. Омск. В состав Омской области вошли казахи Среднего жуза. Омская область разделена на внутренние округа: Омский, Петропавловский, Семипалатинский и Усть-Каме-ногорский, и внешние округа, образуемые по особым правилам согласно «Уставу о Сибирских киргизах».

В соответствии с этим уставом было произведено территориально-административное разделение всей территории Среднего жуза с образованием внешних округов, подчиненных окружным приказам, расположенным внутри казахской степи, и организацией в них средних (волостных) и низовых (аульных) звеньев управления. Во главе окружных приказов должны стоять выборные старшие султаны; волости заведываются волостным управителями, а аульные общества – аульными старшинами, назначаемыми по выбору местного населения. Каждый окружной приказ, базирующийся на конкретном населенном пункте, является административным центром внешнего округа.

В состав руководства каждого окружного приказа, кроме старшего султана, избираются кандидат на его должность и четыре заседателя (два казаха и два русских). В штате канцелярии старшего султана были: делопроизводитель, секретарь, переводчик (толмач), столоначальник, гражданский лекарь и журналист.

Осуществление такой административной реформы, названной реформой Сперанского, в казахских землях позволило царским чиновникам более активно и целенаправленно воздействовать на политические изменения внутри кочевого уклада жизни казахов и, тем самым, положило начало процессу постепенного политико-экономического поглощения социальных институтов казахского общества российским государством. Все это, в конечном счете, способствовало дальнейшему усилению колонизации Казахстана.

8 апреля 1824 г. при урочищах Кант и Каркаралы первым был открыт Каркаралинский внешний округ. В него входили казахские аулы, которые состояли под управлением покойного хана Букея. Старшим султаном Каркаралинского внешнего округа был избран внук Букей-хана Турсын Жамантайулы Чингизов.

Внутреннюю стражу Каркаралинского окружного приказа составляла команда из 250 человек линейных казаков, которой руководил сотник Илья Карбышев. Он же заведовал и хлебопашеством окружного приказа. Здесь следует сказать, что сотник Карбышев является дедом советского военачальника, генерал-лейтенанта инженерных войск, профессора, доктора военных наук, Героя Советского Союза Дмитрия Михайловича Карбышева (1880-1945 гг.). Отец Д.М. Карбышева Михаил Ильич родился в 1829 г. в Каркаралинске. Михаил Карбышев был потомственным дворянином, окончил Омский Кадетский корпус. Все его дети (одна дочь и четыре сына) родились в Каркаралинске. Дмитрий – в г. Омске, куда переехала семья Карбышевых после отставки Михаила Ильича. С семьей Карбышевых в Омске общались русский исследователь Центральной Азии и Сибири Г.Н. Потанин и казахский просветитель-демократ, путешественник, этнограф, фольклорист, исследователь истории и культуры народов Средней Азии, Казахстана и Западного Китая Чокан Валиханов.

В 1824-1844 гг. были образованы еще шесть внешних округов (Кокшетауский, Акмолинский, Аягузский, Баян-Аульский, Аманкарагайский, Кокпектинский). Здесь следует подчеркнуть, что старшими султанами внешних округов избирались, как правило, лица, принадлежащие к роду чингисидов (потомки Чингис-хана). Так, из семи вышеуказанных внешних округов в шести округах (кроме Баян-Аульского) старшими султанами были избраны чингисиды. В частности, в 1834 г. в Аманкара-

гайском внешнем округе старшим султаном был избран Чингиз Валиханов – отец Чокана Валиханова.

При учреждении Каркаралинского внешнего округа у чиновников Западно-Сибирского генерал-губернаторства и султана Турсына Чингизова было намерение в его состав присоединить и нынешние территории Баянаульского, Аксуского, Майского района и Экибастузского региона Павлодарской области; Бухаржырауского и Молодежного районов Карагандинской области. Но родоначальники местных казахов под руководством авторитетного бия (предводителя родов) в Среднем жузе Шона Едигина (1771-1835 гг.) были против добровольного вступления под зависимость Каркаралинского окружного приказа. И они предлагали правительству России образовать новый, самостоятельный Баян-Аульский внешний округ.

14 февраля 1826 г. Шон Едигин дает подписку начальнику отряда Каркаралинского окружного приказа сотнику Карбышеву в том, что «для спокойствия и мира нашего народа согласен на открытие окружного дивана (приказа.– С.Д.) при горе Баянаула, желаю быть подданным милостивейшего государя и обязуюсь исполнять их, не совершать плохих дел и даже не думать об этом.

В удостоверение этой подписки, которую я дал по собственному желанию, я ставлю свою печать.

Эту подписку бий Шон дал сотнику Карбышеву добровольно, что мы, как свидетели, удостоверяем своими печатями.

Старшина Басентиинского аула капитан Казангап Сатыбалдыуглы.

Старшина Канжигалинского аула Утетлеу Тайпакуглы.

Старшина Жолоба– Кипчакского аула Аю Улжабайуглы за неимением печати ставлю свою тамгу» [73, 15].

Затем для решения этого вопроса бий Шон в 1826 г. отправляет депутацию в г. Омск от подвластных себе волостей–

Тортуылской, Басентиинской и Канжигалинской, из которых должен образоваться Баян-Аульский внешний округ. Депутация вручила генерал-губернатору Западной Сибири П.М. Капцевичу подписку казахов Тортуылской, Басентиинской и Канжигалинской волостей об их согласии быть в ведении Баян-Аульского окружного приказа и избрании старшим султаном бия Шона Едигина.

15 февраля 1826 г. казахи Тортуылской волости дают подписку сотнику Карбышеву об их согласии быть в ведении Баян-Аульского окружного приказа и избрании старшим султаном бия Шона Едигина [74, 161, 163, 167].

9 марта 1826 г. начальник Каркаралинского военного отряда сотник Карбышев направляет на имя Омского областного начальника рапорт о согласии казахов Тортуылской, Канжигалинской и Баянаульской волостей на открытие Баян-Аульского окружного приказа [74? 159–160].

Решение учреждения Баян-Аульского внешнего округа затянулось почти на девять лет, и на это время Тортуылская, Басентиинская и Канжигалинская волости остались не вошедшими в положение реформы Сперанского. По этому поводу в письме Омского областного управления от 19 марта 1826 г. генерал-губернатор Западной Сибири с предложением открыть вместо Аргынского Баян-Аульский окружной приказ записано: «При учреждении Каркаралинского округа принято было в основание, что волость Тортуылская, происходя от главного рода Каракисекского, из коего онный округ составлен, должна присоединиться под управление одного приказа. Но впоследствии найдено, что частные отношения султанов Букеевских с родоначальниками упомянутой волости и существовавшие издавна несогласия между их киргизами, предполагают к тому сильную преграду, которой предусмотреть, или, по крайней мере, почтить таковой сначала было не можно. Известный бий

Шон Едигин, управляя Тартуулыскою волостью с большею властью и доверенностью, нежели какие-либо султаны, поставил себя в такое положение, что никогда не решится добровольно вступить под зависимость оных султанов, коих преимущества в управлении, определенные Уставом о киргизах, по-видимому, оскорбляют его права на принадлежность оной волости. Не менее того препятствуют соединению сих киргизов и прежние их междоусобия, которые, будучи поддерживаемы в настоящем случае родоначальниками, ведут к бесконечным расчетам, если бы они и стали склоняться к примирению.

Таким образом волость Тартуульская, оставаясь не вошедшею на положение нового устройства и занимая места между Каркаралинскими волостями и линией (укрепленные военные пункты. – С.Д.), отделяет тем Каркаралинский округ от здешних внутренних пределов, сближение с которыми – суть необходимый способ к утверждению в оном порядке.

Между тем, как объяснились уже причины, по коим тартуульцы устраняют себя от вступления под зависимость Каркаралинского приказа, дошли сведения, что бий Шон соглашается на учреждение в волости, им управляемой, особого округа, выжидая только на сие по свойственной гордости азиатца приглашения со стороны здешнего начальства. По сему в проезде отсюда сотника Карбышева, и поручено мною было ему сделать тому опыт при свидании его с упомянутым родоначальником. Бий Шон не только принял сие приглашение, но и вступил торжественно в подданство России, а вместе с тем отправил и депутацию от волостей Тартуулской, Басентиинской и Канжигалинской (которые уже сюда и прибыли), из коих должен образовываться новый Баян-Аульский округ.

Вашему высокопревосходительству донося о сем, имею честь представить у сего в списках полученные мною по сему предмету от сотника Карбышева: 1) донесение его, 2) акт, со-

ставленный бием Шоном, на вступление в подданство и учреждение при Баян-Ауле приказа, 3) особое письмо сего родоначальника, 4) два приговора почетных старейшин о выборе представителем в приказ помянутого бия Шоно и правителем волостным Хожагельды Мункучева и 5) опись родам, вступающим в состав округа...

Польза открытия округа при Баян-Ауле такова, что киргизы, на пространстве между двумя внешними округами (Каркаралинским и Кокшетауским. – С.Д.) и здешнюю линию (Иртышской. – С.Д.) кочующие, со вступлением в ведение сего нового округа прекратят уже те беспорядки и грабежи, какие от них претерпевали до сего соседственные волости, состоящие под управлением Каркаралинского и Кокчетавского приказов; учредятся сообщения от одного приказа до другого; составится связь в управлении между тремя округами, и, наконец, все сие совокупно послужит к прочному восстановлению в степи порядка...» [73, 31–34].

Наконец, в результате долгих лет переговоров и настойчивого требования местных казахов, 9 марта 1833 г. командир Сибирского отдельного корпуса И.А. Вельяминов направляет письмо-ходатайство Омскому областному начальнику В.И. Сенш-Лорану об открытии в казахской степи внешнего округа под названием Баян-Аульского.

Генерал-губернатор Западной Сибири подписал приказ об открытии Баян-Аульского внешнего округа 22 августа 1833 г.

О торжестве, проведенном в станице Баян-Ауле по случаю открытия внешнего окружного приказа, на страницах газеты «Московские ведомости» [75] была опубликована следующая заметка, (текст ее дан без исправления орфографических и стилистических ошибок в том виде, в каком она напечатана в газете): «В 22-й день Августа, поутру в 10 часов, пред линиею лагеря был собран к параду весь отряд (русско-казачьи – С.Д.);

штаб- и обер- офицеры в полной форме, а нижние чины при настоящих вооружениях. Прошедши пешим строем повзводно к предназначенному месту, парад остановился в густой колонне пред домом, устроенным для Присутствующих в Приказе, в прямую линию от колонны; собравшиеся в богатых азиатских костюмах Султаны, Бий, Старшины и Киргизцы, с написанною на лице каждого торжественною радостью, в ожидании события, стояли посередине между отрядом и толпами Киргизского народа. На приуготовленном месте был постановлен Портрет Государя Императора в богатых золотых рамах с блистательною отделкою, на который собравшиеся Азиятцы с неимоверным удовольствием и благоговейным любопытством взирая, рассматривали драгоценные черты Государя Императора, величие которого для них непостижимо. В приличном расстоянии от Портрета постановлено и зеркало.

По устройении Киргизского народа в порядок, читаны одним из переводчиков статья из Высочайше утвержденного в 22-й день июля 1822 года о Сибирских Киргизцах Устава, переведенного на киргизский язык. По прочтении оного, Управляющий Округом Подполковник Комаев произнес речь, заключающую в себе краткое изъяснение цели учреждаемого в сем новом Округе Гражданского Правительства, и потом от него же предложено Султанам, на основании статей того Устава, избрать добровольно из среды себя старшаго Султана, которой бы, управляя Округом, председательствовал и в Диване (приказе. – С.Д.), а также и Кандидата ему. По избрании оных приглашены Старшины и Бий к выбору из среды же себя двух Заседателей для присутствования в Приказе и по одному к каждому из них Кандидату. Для занятия мест в случае смерти, или долговременной болезни, потом избирались общими голосами в правители: волостями Султаны, Аулами Старшины; по окончании сих выборов, по составлении об них списков и по проигрании трубачами

на молитву, пред домом Дивана на разостланных коврах Мулла принес пред выбранными Султанами, Заседателями, Кандидатами, Старшинами, Биями и всеми вообще Киргизцами, по их вере и закону, на коленях Всемогущему Богу, Подателю всех благ, моление, по совершении коего приведены по установленной форме пред Алкораном (Кораном. – С.Д.) к присяге все Султаны, Старшины и Бий, со всем собравшимся Киргизским народом, на верность подданства ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и Наследникам ЕГО; а равна Члены Правления как Русские, так и избранные из единокровцев, каждый соответственно исповедуемому ими закону, приведены к присяге на новопринимасую ими должность.

Акт клятвенного обещания, составленный на Русском языке и переведенный на Киргизский, читан Муллою; слова его повторялись всеми присягавшими; за сим пропето казаками: Тебе Бога хвалим, многолетие ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и Всеавгустейшей Супруге МОНАРХА со всею Высочайшею ЕГО Фамилиею; потом Государственному Совету, Правительствующему Сенату, Российскому воинству, Высочайше утвержденному по Сибирским делам Комитету, Генерал-губернатору Западной Сибири, Областному Начальнику, верноподданному России, доброму Киргизскому народу и вновь избранным для управления Диваном Султану и Старшинам; таковое многолетие повторено одним из Русских Чиновников, а с сим вместе производился батальный из ружей огонь.

После пропетия обученными из казаков певчими многая лета и троекратного *ура*, трубачи играли; Киргизцы же по обычаю своему приносили старшему Султану поздравление. Изготовленный Российский герб двуглавого орла с надписью большими золотыми буквами на Российском и Киргизском языках: «Баян-Аульский Окружный Диван», был взнесен на устроенный поверх дома Дивана высокий шпиг; потом выбранные

старшие Султан и Заседатели из Киргизцов введены в дом Дивана, а при них внесен и поставлен на приличном месте Портрет ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и открыто на столе зеркало. Старший Султан, Заседатели и Чиновники Российские, в сем первом заседании заняв места, открыли Присудствие. Парад, прошедши повзводно церемониальным маршем мимо заседания, отправился в свой лагерь.

По окончании Присудствия в Диване, были угощаемы на два стола: народ Киргизский приготовленною в собственном их вкусе пищею, а Чиновники, приехавшие с линии (Иртышской .– С.Д.) из любопытства видеть сей праздник, равно как и служащие в Приказе, Европейским обеденным столом. При окончании оного пито за здравие ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Всеавгустейшей Супруги МОНАРХА, Наследника Престола и всей Высочайшей Фамилии, потом Генерал-губернатора и Областного Начальника. Нижним чинам выдано по чарке вина и по фунту говядины. Заключением сего праздника была любимая Киргизцами (Байга) скачка на лошадях по призам, и борьба, после коей розданы нарочно приготовленные для Киргизского народа подарки. Вечером зажжен фейерверк из нескольких ракет, бураков, колес, швермеров или шутих; после сих потех все Азиятцы, приведенные в изумление и упитанные удовольствиями, разъехались к своим стойбищным местам» [75, 3347-3349].

Так был создан Баян-Аульский внешний окружной приказ. В него тогда входили 14 волостей, состоящих из 149 аулов и 11819 кибиток (или примерно более 65 тысяч человек обоого пола). По «Уставу о Сибирских киргизах» 50–70 кибиток составляли аулы, 10-12 таких аулов образовывали волость.

В Баян-Аульский внешней округ входили следующие волости:

- 1) Басентинская, 2) Баимбет – Басентинская, 3) Айтей – Басентинская,
- 4) Акглес – Кучук – Басентинская,
- 5) Бозгозы – Буранаймановская,
- 6) Джауетей – Буранаймановская,
- 7) Кулыке – Каржаская,
- 8) Кулюковская,
- 9) Сатылган – Алтынторинская,
- 10) Айдабульская,
- 11) Джангозы – Айдабульская,
- 12) Акбура – Тулпаровская,
- 13) Урманчинская,
- 14) Козгановская.

Первые четыре волости относятся к роду Басентинское, зимовки которых расположены на левом берегу Иртыша от нынешнего села Актогай до села Коктобе; 5-6 – Буранаймановские, на правом берегу Иртыша, между нынешними селами Чернорецким и Григорьевским, между речками Тундык и Чиганом в нынешнем Майском районе; 7-14 – Тортуылские, юго-восточные и юго-западные части Баян-Аульского округа, куда входят горы Кызылтау и Далба.

В этом округе в общей сложности насчитывались 400 тысяч лошадей, 112 тысяч крупного рогатого скота, более 1 млн. овец и коз, 31 тысяча верблюдов. В разрез требованиям «Устава о Сибирских киргизах» в Баян-Аульском округе на должность старшего султана, вследствие упорного нежелания местных казахских родоначальников состоять в управлении султаном белой кости (ак суйек), был избран бий Шон, принадлежащий к элите социальной группы кара суйек (черная кость). К кара суйек относились представители степной аристократии (бий, богатые люди), простые люди и бедные, но лично свободные.

Лиц высшего сословия социальной иерархии, принадлежащих к роду чингизидов, обычно называли белой костью.

Старший султан округа избирался сроком на 3 года, и он был признанным и почитаемым в чине майора русской службы. Окружной приказ имел полицейскую и судебную власть.

Ниже приводятся имена отдельных султанов, волостных управителей, биев и аульных старшин, которые присутствовали в торжественном церемониале, проведенном в честь открытия Баян-Аульского округа, 22 августа 1833 г., возможно сегодняшние их потомки узнают своих предков. Султаны: Байкет Рустемулы, Губайдулла Сыгайулы, Жаубасар Таукеханулы, Орман Батырулы, Тока Кожакельдыулы; волостные: Укубай Найзабекулы, Шодар Бакуулы, Айдос Чигирулы; Би: Туменбай Жансарулы, Малай Байтаулы; старшины: Торгынбай Байсарулы, Казыбай Байтокулы, Теке Бекбайулы, Телкара Есимбайулы, Жылкыбай Койбасулы, Урал Акжигитулы, Боже Итемгенулы, Жуман Занулы, Габас Айтпайулы, Каскаран Шортанбайулы, Бикендик Кызылбайулы, Такулы Жайнаулы.

ЦЕЛЕБНОЕ ОЗЕРО

К западу от города Аксу, в 26 км от левого берега Иртыша находится соленое озеро Калкаман. Многих интересует, почему оно так названо. На этот счет, по имеющимся письменным источникам, есть три версии. Первая версия высказана академиком А.Х. Маргуланом. Она заключается в том, что в начале XVIII века, когда Джунгарским ханством в 1697-1727 гг. правил Цеван-Рабтан, один из казахских отрядов под предводительством Калкамана Жолымбетулы вел сражение с калмаками недалеко от вышеназванного озера. В жестокой схватке с калмаками погибает Калкаман батыр, которого соратники здесь же (на берегу озера) и похоронили, а позже это озеро назвали его именем. Калкаман – отец видного представителя казахского устно-поэтического творчества Бухар-жырау (1685-1787 гг.)

Вторую версию высказал член Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества Петр Алексеевич Золотов (1823-1879 гг.) в статье «Несколько слов о Калкамане», опубликованной в еженедельной газете «Семипалатинские областные ведомости» в №№ 49-50 за 1875 г. Так, в ней Золотов пишет: К юго-западу от г. Павлодара, по дороге в Каркаралинск, в виду первой почтовой станции (Калкаман.– С.Д.) находится озеро Калкаман, названное так в честь одного почетного в дни оны киргиза (читай: казаха.– С.Д.), похороненного вблизи этого озера еще в пору независимости степных орд (Казахстана.– С.Д.) от России. Хотя по сбивчивости и туманности киргизских преданий вообще весьма трудно выяснить

теперь, в чем именно заключались достоинства и заслуги этого кочевника, но, видимо, что он имел некоторое значение для своего времени, так как озеро, заимствовавшее его имя, известно в степи как аулие, что равносильно нашим словам святое или святыня.

Могила Калкамана имеет с лишком 80 шагов в окружности и состоит из насыпного кургана с возвышающеюся над ним усеченною, четырехстороннею, продолговатою пирамидой, сложенной из толстого, солонцеватого дерну, похожего на большой необожженный кирпич. Время значительно разрушило этот бесхитростный мавзолей.

Неподалеку от могилы Калкаман есть еще несколько простых киргизских могил. Говорят, это могилы его потомков, которые из уважения к праху предка завещали себя похоронить около его места вечного упокоения» [78].

Приведя эти сведения, хочется обратить внимание сотрудников Павлодарского областного литературного музея имени Бухар-жырау на необходимость установления могилы Калкамана батыра.

В 50-х годах XX века в связи со строительством стальной магистрали Акмолинск – Павлодар в 34 км к западу от озера Калкаман возникла новая железнодорожная станция, названная также Калкаман.

Эта станция не одно и то же с почтовой станцией Калкаман, которую выше упоминает Золотов.

С первой половины XIX века на трассе дороги между городами Павлодар и Каркаралинск (в Карагандинской области) были десять почтовых станций: Калкаман (35), Джамантуз (76), Кайдаул (106), Чакчан (140), Карасор (169), Баян-Аул (193), Сарытау (221), Белагаш (248), Джелтау (271), Куянды (299), Сырлы (322), город Каркаралинск (347). В скобках указаны расстояния почтовых станций от города Павлодар в километрах.

Эти почтовые Калкаман, Джамантуз, Чакчан и Карасор были расположены соответственно на берегах одноименных соленых озер. Пикет Кайдауль получил свое название от близлежащей каменной сопки с тем же названием. А каменная сопка названа в честь батыра Кайдауля, брата известного казахского батыра XVIII века Малайсары из рода Басентиин. В 1,5 км от пикета Кайдауль найдено месторождение каолина.

В 90-х годах XIX века от Павлодара до Каркаралинска через почтовые станции (пикеты) была проложена телеграфная линия. По сторонам почтового тракта Павлодар – Каркаралинск были сложены небольшие горки из камня, которые служили ориентиром зимой в бураны, чтобы не сбиться с пути. Пикеты были обустроены из типовых единичных домов с четырехскатной крышей, покрытой кровельной жестию. Станционный дом состоял из комнат для проезжающих (с голландской печью), казаков (с русской печью) и станционного смотрителя, а также амуничника (помещения склада). В комнате для проезжающих стояли традиционный диван, стол, пара стульев, зеркало, правила пользования лошадьми, прейскуронт на пищевые продукты и, как правило, на стене висел царский портрет. Здесь можно было переночевать, получить самовар с кипятком, молоко, яйца, хлеб, чай. Рядом с домом имелись амбар для овса, конюшня, навес. Почти при каждом пикете были огород и колодец. При нескольких из пикетов были устроены бани, продовольственные магазины и кое-какие другие заведения. В начале XX века в связи с передачей почт из ведомства Сибирского казачьего войска в частные руки, на пикетах Калкаман, Белагаш и Куянды были отдельные почтово-телеграфные конторы со службами. На Кайдаульском пикете был устроен провиантский склад с охраной из 15 казаков и одного урядника от Баян-Аульского отряда. А где поток проезжающих был интенсивнее, появились и постоянные двory с различными при них заведениями. Например,

такой двор был при Джамантузском пикете. Ямщиками между пикетами ездили местные казахи. Здесь можно отметить, что письма, отправленные из Павлодара по этим почтовым пикетам, в течение одних суток доставлялись в Каркаралинск.

Пикеты на почтовом тракте Павлодар – Каркаралинск просуществовали до 30-х годов прошлого столетия, а Джамантузский пикет функционировал до 50-х годов в качестве опорно-постоялого пункта службы гужевого транспорта комбината «Майкаинзолото». Автору этих строк летом 1951 г., выехавшему на грузовом автомобиле ЗИС-5 из Баян-Аула в Павлодар, пришлось на несколько часов остановиться в пикете Джамантуз, где смотрителем был Опабек Сенкибаев – дальний родственник Бухар-жырау.

Теперь о самом озере Калкаман. Площадь его составляет 12 кв. км. В нем с давних пор казахи и русские добывали повареную соль. Степень минерализации воды озера 240-290 грамм на литр, в основном вода состоит из сульфата (соляного раствора) хлористого натрия. Ниже слоя соли есть скопление светло-серой грязи, которая считается еще одной исключительной драгоценностью озера. Этой грязью издавна местные казахи лечились от радикулита, невралгии, последствий сифилиса, малокровия, чесотки, дерматита, грибковых заболеваний, судорогах и т.д. Начиная с 70-х годов XIX века сюда приезжали лечиться и русские из Западной Сибири.

Третью версию гидронима «Калкаман» связывают с лечебными свойствами озера. Больные люди, приезжающие на озеро Калкаман, в большей части вылечивались от своих недугов. Поэтому, как будто, народ высказывался «калк (правильно: халық. – С.Д.) аман», что в буквальном переводе с казахского языка означает «народ здоров» [79, 388]. Эта версия, с нашей точки зрения, является ошибочной. Вот почему: видимо кто-то из местных казахов, незнающий истинное происхождение слова «калкаман», связывал его с лечебными свойствами озера,

сказав кому-то из русских, что оно, якобы, происходит от сочетания двух казахских слов «халы́к» (народ) и «аман» (здоров). А тот русский, нет сомнения, неправильно записал в своих бумагах «калкаман».

А теперь рассмотрим этимологию самого имени «Калкаман». Имя Калкаман состоит из двух слов: казахского «қалқа» (укрытие, защита) и персидского «ман»⁵³, что в буквальном переводе означает человек, имеющий защиту. У казахов очень много личных имен с составляющим «ман». Например, Шорман (крепкий человек), Нурман (красивый человек), Караман (сильный человек), Кахарман (могущественный человек), Байман (богатый человек).

Говоря об этом, следует особо подчеркнуть, что смысл персидского слова «man» фонетически соответствует английскому «man» и немецкому «man» со значением «человек».

Такое непосредственное сходство слова «человек» на персидском, английском и немецком языках, на наш взгляд, указывает на доисторическое генетическое родство евразийских языковых семейств.

Название озера Калкаман, как мы полагаем, некоторые сегодня связывают, также, и с именем героя широко известной казахской поэмы «Калкаман – Мамыр». В ней повествуется историческая быль о том, что в 1722 г. задорный юноша Калкаман из рода тобыкты влюбляется в красивую девушку Мамыр из рода найман, и они, против воли ее отца, соединяют свои сердца, бегут и скрываются в горах Шингистау, расположенных на территории нынешнего Абайского района Семипалатинской области. Однако их настигают родственники девушки и Мамыр погибает от руки своего родича Кукеная, а Калкаману выносят следующее суровое условие: он должен проскакать на коне перед собравшейся толпой, и в это время Кукеная будет

---

⁵³ Ман (персидское)– человек (по-казахски: кісі) [80, 199]

стрелять в него из лука, но только один раз. Стрела Кукеная попадает в левую ногу Калкамана выше колена. После этого он навсегда покидает родной аул и уезжает к родственникам по материнской линии из рода шапырашты [81,107], которые жили недалеко от нынешнего города Алматы. В настоящее время в Жамбылском районе Алматинской области живут потомки Калкамана, а также здесь есть посёлок Калкаман, названный в его честь. Отсюда можно заключить, что имя легендарного казахского Ромео не связано с названием озера Калкаман.

28 марта 1841 г. на почтовом пикете Калкаман побывал русский путешественник Г.С. Карелин, который впоследствии в своем дневнике писал, что с озера Калкаман местные казахи и русские из города Павлодара берут соль до 30 тысяч пудов в год [82,102].

Золотов в своей указанной выше статье пишет: «Способ лечения калкаманской грязью следующий: около сухого берега выбирается на озере такое место, где грязь не очень вязка и имеет достаточно устоявшуюся густоту. На этом месте вырывается яма глубиной до четырех или пяти вершков (один вершок = 4,445 см. – С.Д.), куда и укладывается во все рост раздетый больной, имея голову на какой-нибудь подушке, выше уровня грязи. Затем его забрасывают вынутою из ямы грязью до самой головы, что даст ему сырой и тяжелый покров около трех вершков толщины, который приятно прилегает ко всему телу. Так как подобные ванны делаются только при палящем солнце, то чтобы больному не нажигало головы, над нею устраивается легонький навес, а чтобы покрывающая больного грязь, подсыхая, не трескалась и чрез трещины не проникал к телу внешний воздух, ее время от времени поливают озерной водой, и политую приглаживают лопаткой или руками.

Внутренняя температура калкаманской грязи и при внешнем зное не более как умеренна, но ощущение, доставляемое ванной в ней, до того легко и успокоительно действует на боль-

ного, что он, в большинстве случаев, вскоре по погружении в нее засыпает, а это, говорят, служит верным признаком выздоровления.

Сон больного в ванне, смотря по организации, бывает более или менее глубок и продолжителен, а пробуждение представляет знак, что ванну пора кончить. По выходе из ванны тело больного лоснится, точно покрытое слоем олифы: это маслянистая слизь, остающаяся на нем от грязи. Далее предоставляется усмотрению самого больного или остаться так, как он есть, или омыться озерной или пресной водой (в одной из ложбин, идущих к озеру, есть натуральный колодец или ключ чистой и вкусной пресной воды), с единственным только условием – одеться теплее, беречь возбужденную испарину от влияния ветра и избегать движения на открытом воздухе, как бы ни была хороша погода.

При этом надобно заметить, что 1) для каждой последующей ванны выбирается новое место; 2) при пользовании этими ваннами возбуждается обильная испарина и чувствуется довольно сильная жажда и особенный аппетит и, наконец, 3) больному не предписывается никакой диеты. Этим оканчивается вся процедура калкаманского лечения, курс которого вообще не определен и, держась между 15 мая и 20 июля, продолжается столько, сколько это кажется нужным больному.

Вслед за первым удачным опытом лечения на Калкамане молва о нем бойко прошла по степи. По мере распространения этой молвы, число жаждущих врачевания стало постепенно увеличиваться на его берегах, а когда в 1873 г. разнесся слух о быстром, почти чудесном исцелении на нем какого-то старика-киргиза, представлявшего собой от ревматизма живой труп, известность этого озера, прочно утвердившись, привлекала к нему и русских посетителей. Таким образом, в нынешнем году было на Калкамане четверо из омских горожан, рассказы кото-

рых невольно вызвали пишущего эти строки испытать на самом себе спасительное действие новой лечебной купальни. И вот 14 июля (1875 г. – С.Д.) я был уже на Калкамане...

К сожалению прибытие мое туда совпало с концом местного лечебного сезона. Кочевавшие около Калкамана аулы отошли от него к своим сенокосам, а из пользовавшихся на нем оставался один только киргиз, по видимому, богатый и из дальней местности. Впрочем, до приезда моего он был уже больше чем сотым из нынешних посетителей Калкамана; да и мне самому, несмотря на запоздалость, не удалось заключить собою их ряд; в бытность мою на этом озере на берегу его раскладывалась еще не одна юрта, а в грязи оказалось много следов новых глин.

Последствием моего запоздалого приезда на Калкаман было то, что не видя ни приюта на берегу самого озера, ни киргиз для руководства при лечении и послужу, я должен был во всех этих отношениях всецело поручить себя гостеприимству и обязанности местного станционного смотрителя – бывалого казака.

Признаться, что Калкаманская станция не имеет никакого особенного удобства для остановки. Все ее помещения состоят из трех деревянных строений, доставшихся ей в наследство от бывшего казачьего пикета. В главном и наибольшем из них только одна разгороженная комната, которая служит и приемной для проезжающих, и спальней и кухней для смотрителя. Хотя чрез сени от нее имеется еще изба; но в этой избе и печь и пол полуразрушены. Даже крыша над ней снята до стропил. За тем вы видите амбар также с полуразрушенной крышей и наконец, какую-то вовсе вскрытую, жалкую хижину, в которой живут ямщики-киргизы.

Естественно, что при такой обстановке не возможно прихотничать и я, скромненько пересел из тарантаса в амбар, со-

вершенно предался воле обстоятельств. С не меньшею доверенностью к авось приступил я к своему лечению, пользуясь при нем советами и услугами моего хозяина, которому, видимо, уже не в первый раз приводилось выполнять роль местного, незаменимого доктора и таковой же сестры милосердия.

Приняв две ванны по приуроченной Калкаману системе лечения и после первой уже почувствовав значительное облегчение от ломящего меня недуга, я при третьей ванне порисковал сделать кое-какое принаровление по собственному соображению. Это принаровление, не мало удивившее моего названного медика, состояло в том, что не зарываясь в грязь, я сел в приготовленную для меня яму, попросив провести в нее воду вровень с ее краем. Сидя же в этой ванне по пояс, я открытую часть тела то натирал подручною, нагрешкою от солнца грязью, то смывал ее водою из своей ванны и по временам растирал себе ноги, поясницу. Правда, эта ванна продолжалась короче, чем прежние (всего около полутора часа); но результат ее был тот же, что и при прежних ваннах; по выходе из нее испарина, жажда и аппетит чувствовались мной в той же степени, как и при ваннах в самой грязи.

К вечеру 16 июля небо стало хмуриться; в ночи раз шел мелкий дождь и затем с утра следующего дня на Калкамане водворилось полное ненастье, с переменнo дуящим холодно-ватым ветром. А так как, судя по характеру степной природы, пережить такую погоду, при разных лишениях и неудобствах, даже в чаянии возможности продолжения ванн, было бы не совсем приятным занятием, то я с дозою пользы для своего здоровья и благодарностью за него, в полдень 18 числа сказал Калкаману: прощай до будущего года!» [78].

Здесь следует сказать, что в 1875 г. редактором газеты «Семипалатинские областные ведомости» был русский ссыльный

революционер, друг Абая Кунанбаева Е.П. Михаэлис (1841–1913 гг.).

С 1877 г. на озеро Калкаман присылаются для лечения грязями больные из Омского военного госпиталя [83, 12].

В конце XIX – начале XX веков на страницах отдельных русских периодических изданий и книг приводятся сведения о целебном свойстве калкаманской грязи. В частности, в одной книге, изданной в Санкт-Петербурге в 1895 г., можно прочитать следующее: «Озеро Калкаман известно в степи и целебными своими грязями, для пользования которыми каждое лето, в течение июня и июля месяцев, съезжаются для лечения как киргизы, так и русские, из соседних уездов. Калкаманские грязи приносят пользу страдающим ревматизмом, последствиями сифилистических заражений и другими болезнями. Никаких приспособлений для удобства жизни и пользования грязями близ озера Калкаман не устроено. Приезжающие сюда лечиться принуждены жить в юртах и пользоваться советами медиков из города Павлодар» [84, 45].

Об озере Калкамане на странице «Горного журнала» в конце XIX века было написано, что «... воды степных озер отличаются целебными свойствами, как например, озеро Калкаманское, вблизи почтовой станции, куда съезжаются жители Павлодара для пользования его грязями и для вывочки из него поваренной соли» [85, 316].

В книге «Киргизский край», изданной в Санкт-Петербурге в 1903 г., сказано, что «Калкаманское озеро известно своими грязями. Эти грязи помогают от ревматизма, болезни костей и суставов, хронических кожных болезней, нервных, при параличе, судорогах, невралгии, золотухе, сифилисе.

В 1-2 верст отсюда есть другое озеро Кичкенетуз, грязи которого также считаются целебными» [79, 70–71].

Русский геолог В.С. Реутовский в своей книге «Полезные ископаемые Сибири», изданной в Санкт-Петербурге в 1905 г.,

писал следующее: «Анализ этих озер (Калкаманское, Кичкен-туз) сделан профессором Шмидтом, по которому в 100 частях грязи содержится: хлористого натрия – 6,4, хлористого магния – 3,38, окиси алюминия – 6,43, кремния – 52,4... Кроме того, открыты следы брома. Грязь расположена на дне озера и прикрыта слоем кристаллической соли. Цвет грязи сильно грязный, местами с черноватыми пятнами, грязь липкая и легко втирается в кожу, при растирании между пальцами твердых веществ не попадает, вкус горько соленый со слабым запахом сероводорода» [86, 371].

Руководитель Омской ботанической экспедиции М. Сязов в 1905 г. в своей путевой заметке писал: «Пикет Калкаман лежит на берегу огромного озера того же имени... Оно до 20 верст в окружности богато солью; пласт соли около аршина толщины, лежит под самой поверхностью воды. Добывают ежегодно десятки тысяч пудов. Кроме соли озеро широко известно целебными свойствами своей грязи. Тут лечить от ревматизма, золотухи, последствий сифилиса, малокровия, чесотки и т.д. В 15 верстах от Калкамана находится другое соленое озеро Кичкенетуз, грязи его тоже признаются целебными... К сожалению, никаких приспособлений к лечению здесь не имеется, врача нет, больные снимают юрты, столуясь большей частью у почтосодержателя» [87, 3-4].

О лечебном свойстве грязи этого озера в книге «Азиатская Россия» писалось: «Грязи Калкаманского озера помогают от ревматизма, невралгии и различных кожных заболеваний» [88, 202].

Путешественница В. Некрасова, которая приехала от Омска до Баян-Аула в 1916 г., пишет: «...озеро Калкаман, известное своими целебными грязями ...Приезжие больные, русские и киргизы, живут в нанимаемых у местных киргизов юртах» [89, 4-5].

Так что, может быть, кто-то из местных предпринимателей задумается о возможности открытия на озере Калкаман современной грязелечебницы.

Пикет Джамантуз. Фотография 1905 г.

ОЗЕРО ЯМЫШЕВО

На правом берегу реки Иртыш, в 57 км к югу от города Павлодара, расположено небольшое село Ямышево. Это село знаменательно тем, что здесь в 1835 г. родился русский географ, этнограф, фольклорист и исследователь культуры тюрко-монгольских народов, друг Чокана Валиханова Григорий Николаевич Потанин.

А теперь зададимся вопросом: что известно вообще о прошлом Ямышево?

На основе изучения русской исторической литературы попытаемся в какой-то мере ответить на поставленный вопрос.

Местность, где стоит сегодняшнее село Ямышево, с давних пор среди кочевых кипчаков, обитавших на территории современного Павлодарского Прииртышья, можно сказать, пользовалась особым почитанием и считалась для них святым местом. Такое предположение есть в сочинении Г.Н. Потанина, который писал: «Синолог о. (отец.— С.Д.) Палладий напечатал небольшую карту Монголии, которая, по его мнению, была составлена во времена Чингисхана, т.е. в XIII столетии. На этой карте, приблизительно в тех местах, где потом появилось селение Ямышево, прочитаете подпись: «Емиши [90, 22]. Карта, о которой выше пишет Г.Н. Потанин, была напечатана в книге П.И. Кафарова⁵⁴ «Дорожные заметки на пути в Монголию в 1847 и 1859 гг.» (Спб., 1892).

⁵⁴ Кафаров Петр Иванович (1817-1878 гг.), в монашестве принявший имя Палладий — выдающийся русский китаевед, лингвист, историк и географ, тридцать лет проживший в Китае, автор книги «Китайско-русский словарь» (Пекин, 1888 г.).

Если вникнуть в понятие вышеупомянутого слова «емиши», которое не дает определенного смысла как в казахском, так и в монгольском языках, то оно, я считаю, не что иное как тюркское слово «емши» (лекарь). Это слово в таком же понятии и на бурятском языке значит «эмчи» [146, 33]. Значит можно полагать, что в этом слове Палладий после буквы «м» лишне написал букву «и». Если придти к такому заключению, то возникает вопрос: почему эта местность была названа «емши»?

В поиске ответа на заданный вопрос надо исходить из того очевидного факта, что в 7 км от села Ямышево имеется и одноименное с ним соленое озеро.

Как известно, люди издревле на грязях соленых озер лечились против разных сыпей, паралича, сифилиса, ревматизма, золотухи, малокровия и других болезней. Поэтому местоположение озера Ямышево в то далекое время как лечебное, возможно, и называлось просто «емши». Следовательно, можно утверждать, что местные кочевые люди лечились грязями этого озера. Поэтому говорят, что географические названия связаны с жизнью народа, они в какой-то мере являются его историей.

С XVI века известны первые документальные сведения о русско-казахской торговле. Так, царь Иван Грозный в 1573 г. по просьбе Строгановых, которые правили на землях Приуралья, отправил посла Третьяка Чебукова к казахскому хану Хакк-Назару с миссией открытия меновой торговли. К сожалению, по дороге Чебуков попадает к казахам в плен. Несмотря на эту неудачу, Иван Грозный в 1574 г. дает Строгановым грамоту, которая позволяла им беспошлинно торговать с казахами. В результате торговых контактов с казахами до русских зверопромышленников, проникших в Сибирь, доходит сведения о самосадочной соли озера Ямышево. И в конце XVI века русские караваны стругов начали ходить за солью вверх по Иртышу до озера Ямышево. В 1591 г. производилось уже продовольствие

русских людей в Сибири с использованием соли с Ямышевского озера [91, 141].

После подхода казаков атамана Ермака в Сибирь русская колонизация быстрыми темпами шла на восток. За десять лет в Сибири отрядом казаков основано было несколько слобод, города Тюмень (1585 г.), Тобольск (1587 г.) и крепости Березов (1593 г.), Обдорск (1595 г.).

Первое русское известие об озере Ямышево находится в наказе (приказе) Тобольского воеводы князю Андрею Елецкому о сооружении крепости-города на реке Иртыш близ впадения в него Тары. В этом наказе Елецкому поручалось: отправиться из Тобольска с полуторатысячным отрядом для построения крепости Тары, а затем от нее послать стрельцов на стругах по Иртышу до озера Ямыш и привезти оттуда соли [92, 2].

Главная цель постройки крепости Тары состояла в том, чтобы она служила опорным пунктом для борьбы с кочевниками и одновременно защитой для первых поселений русских в Сибири, а также организации регулярных поездок за солью к озеру Ямыш. О чем в приказе Елецкому писалось: «Кучума царя потеснить и соль устроить» [93, 39].

Начиная с 1594 г. в русских источниках название озера Ямышево пишется «Ямыш». На мой взгляд, тюркское название местности «емши», в переводе на русский язык, превратилось в словесный мусор «ямыш», т.е. получилось бессмысленное слово. О таких случаях изменения географических названий ученый-энциклопедист Абу Райхан аль-Бируни (973-1048 гг.) писал: «Названия изменяются быстро, когда какой-либо местностью овладевают иноплеменники с чужим языком. Их органы речи часто коверкают названия, и в таком виде они переносят их в свой язык... Они берут первоначальное значение, но названия претерпевают изменения» [94, 116].

Следующее упоминание об озере Ямыш встречается в «Есиповской летописи» Сибири под 1601 г. В том году Тоболь-

скими воеводами был организован речной поход к озеру Ямыш за солью, но кончился он неудачно из-за разбойничьего нападения калмаков [93, 69].

Появление в начале XVII века в районе озера Ямыш джунгарских калмаков сильно затруднило солеснабжение Сибири. Случалось, что в течение нескольких лет Сибирь оставалась без Ямышевской соли. В 1610-1611 гг., когда калмаки присвоили себе право владения над всеми находящимися в нынешней границе Павлодарской области соляными озерами, то они не позволяли добывать в них соль присланным из Сибири казакам. От этого произошел недостаток соли, принудивший сибирские начальства выдавать ее казакам на продовольствие только половину потребного количества. В 1611 г. Тобольские воеводы отмечали, что в Тобольске соли нет, а с Тары соль два года не доставляется, так как калмаки озера отняли.

Такое затруднительное положение с солью вынудило Тобольских воевод организовать военный поход на калмаков. Так, весной 1613 г. литовский ротмистр Бартош Станиславов из Тобольска был командирован с военным отрядом к озеру Ямыш. Поход Станиславова увенчался успехом и русским удалось доставить в Тобольск соль.

Начавшиеся в 1615 г. регулярные соляные поездки к озеру Ямыш ежегодно собирали несколько десятков 11-ти, 25-ти метровых казенных и частных дощаников. Дощаник – плоскодонная лодка (с мачтой) длиной до 25 м и шириной 6,4 м, грузоподъемностью до 32 т. Однако, в виду агрессивности калмаков устройство соляных походов русских на озеро Ямыш составляло одну из ответственных обязанностей тобольских воевод. Поэтому поездка за солью по Иртышу походила на военные караваны. Иногда такие караваны возвращались без соли. Вооруженные казаки от города Тары до озера Ямыш против течения в дощаниках плыли четыре недели и три дня, а назад две недели, а от Тары до Тобольска – 10 дней.

Во главе одного из водных караванов, направленных на озеро Ямыш за солью, был участник, который написал известную в истории Сибири «Есиповскую летопись».

Походы русских за солью по Иртышу не обходились и без столкновений с калмаками. Например, в 1621 г. у озера Ямыш на соляной караван напали калмаки и тогда некоторые черкесы, служившие на судах, перебежали к калмакам и русским пришлось отступить назад без соли. К числу удачных походов к озеру Ямыш были водные караваны, снаряженные в 1624-1625 гг., под руководством воеводы Тобольска, князя, крымского татарина по происхождению Ю.Я. Сулешева. Если в 1623 г. из озера Ямыш соли было привезено 108 т, то ее количество составило в 1624 г. более 202 т, а в 1625 г. – 173 т. Количества, привезенной соли за эти годы не только хватило на выдачу «соляного» жалованья служилым людям и казакам, но и оказалось возможным пустить остаток соли в продажу по дорогой цене. В то время в Сибири жалованье платили не деньгами, а вместо него им давали соль [93, 270].

В 1624-1626 гг. казачий атаман, сподвижник Ермака, Иван Гроза и сын боярский Дмитрий Черкасов дважды посещают озеро Ямыш. Они послали в Москву описание озера, образцы соли и слоистого алебастра, принятого ими за слюду. Залежи алебастра были найдены близ озера Ямыш. Здесь надо отметить, что слюда в России представляла большую ценность, поскольку она употреблялась на окна, а с выделкой стекла русские познакомились позже 1635 г. Поэтому Московское правительство распорядилось: «добыть ее (слюду. – С.Д.) и следить, нельзя ли в тех местах острожек поставить». В то же время Московское правительство к постройке острога у озера Ямыш ставило требование, чтобы эта местность, где предполагается построить опорный пункт для обороны и наступления, должна была иметь почвы пригодные для пахоты, сенные покосы, близкий

лес и рыбные ловли. С учетом этого требования Иван Гроза и Дмитрий Черкасов составили подробное описание местности, взяли образцы почв, на которых они дали свои заключения, что у озера Ямыш нельзя ставить острога, так как «пашенных мест и пашни завести и хлеба на служилых и на жилецких тутошних людей попахать негде, и всяких угодий мало, и лесу хоромного нет, и с калмыкскими людьми торгу чаять небольшого, и в том остроге прибыли чаять мало» [96, 343].

Такое заключение убедило Московское правительство в том, что в этой далекой казахской степи нет условий для постоянной оседлости. И Москва дает распоряжение тобольскому воеводе: «Острогу жилого на Ямыше не ставить, а посылать туда ежегодно ратных людей за солью». Одновременно в этом распоряжении было указано о необходимости продвижения южнее города Тары, хоть бы до устья реки Оми, чтобы пресечь набег калмаков на Тару. Участвовавшие грабежи Барабинских ясачных татар в пределах русских поселений в Сибири вынудило царское правительство принять решение о строительстве крепости на реке Иртыш близ озера Ямыш в 1627 г. Однако, это решение осталось невыполненным до 1715 г. Поскольку завладеть этой местностью было невозможно, пока в этих краях сохраняло силу Джунгарское ханство, способное выставить в поле десятки тысяч воинов. Поэтому русским приходилось поддерживать с джунгарцами мирные отношения и поездки вверх по Иртышу совершались не казачьими отрядами, а посольствами к джунгарскому хунтайше (предводителю), имевшему ставку на реке Или.

Нападения калмаков на русских, приезжавших за солью к озеру Ямыш, были в 1625 и 1634 гг. Так, тюменский атаман Иван Воинов вспоминает, что когда он « в 1625 г. вместо с тюменскими служилыми людьми пришли туда (к озеру Ямыш. — С.Д.), и у соляного озера кочуют многие калмыцкие люди... и

нас ... те калмыцкие люди у соляного пристанища... осадили, служилые люди дважды отражали нападения калмыков и отогнали их прочь от соляного озера» [97, 579].

В 1626 г. тобольский воевода отправил из Тобольска для доставки соли к озеру Ямыш 16 дощаников и 7 ладей с 604 сибирскими служилыми людьми. В 1634 г. калмаки, не позволяя русским брать соль и собравшись до 2000 человек около озера Ямыш, принудили русских отправиться восвояси. Свободное, безопасное добывание соли настало только с 1638 г., когда были отправлены из Тобольска на озеро Ямышевое солепромышленники с отрядом казаков под предводительством Богдана Артинского. В этом походе главной миссией его была вести переговоры с калмаками для привлечения их в русское подданство [92, 2]. Тогда по миролюбивому соглашению Артинского с калмацкими тайши (старшинами), калмаки не только не делали препятствие русским брать соль из озера, но и сами на собственных лошадях и верблюдах поставляли соли на русские суда [91, 142]. В 60-70-х годах XVII века число уходивших из Тобольска к озеру Ямыш казенных дощаников возросло до 40. Их сопровождало иногда более 700 человек.

Частые посещения озера Ямыш русскими создали здесь меновую торговлю. Сюда стали съезжаться купцы с Китая, Джунгарии, и Бухары и Ташкента. После 1674 г. вместе с соледобытчиками, уходившими из Тобольска (обычно в конце мая – начале июня), ехали на дощаниках и русские торговцы на открывающуюся «в пост успенья Богородицы» (15 августа) и продолжающуюся две-три недели Ямышевскую ярмарку. Русские торговцы везли с собой различные российские и иностранные товары: выделанные английские и гамбургские кожи, сукна, холсты, крашение, металлические изделия (медные котлы, тазы, оловянные пуговицы, топоры), прутковое олово, оловянные перстни, деревянные блюда, ярославские зеркала, стекла круглые, пшеничную муку, меха (выдры, горностая, белки,

зайца) и меховые изделия, галантерею (иглы, медные серьги, роговые гребенки, белый бисер, слитки благородных металлов), одежду, шерстяные ткани, деревянные изделия, воск, писчую бумагу.

Среди вывозившихся из Тобольска российскими торговцами на Ямышевскую ярмарку товаров на первом месте были кожи (31 % к стоимости всего товара), на втором – сукна (26 %), на третьем – металлические изделия (18 %), на четвертом – мех выдры (17 %) и все прочее 8 %.

Как только русские достигают конечного пункта Иртыша у озера Ямыш, они производят залп из пушек и снова их заряжают, затем производят огонь из ручных пищалей; отсалютовав таким образом тайши, русские дают заложников и, получив таковых же от калмаков, в тот же день воздвигают на берегу реки укрепление и ставят на нем пушки, чтобы иметь защиту в случае вероломства кочевников. Добыв из озера соль, русские нагружают ею суда и затем вступают в торг меновой, так как на ярмарке деньги не употребляются. В обмен на свои товары русские получали, от прибывших сюда из Китая, Джунгарии, Бухары и Ташкента купцов, хлопчатобумажные, шелковые и льняные ткани, ремень, бадьян, тростниковый сахар, корицу, чай, чашки, хлопчатую бумагу, рогатый и выючный скот, китайский табак, сласти, мерлушки, лисиц, корсаков и ясырей (невольников). Закончив меновой торг, русские в конце августа – начале сентября отправлялись в обратный путь.

Торговля России с Центральной Азией стала резко развиваться после заключения русско-китайского договора 1689 г. Так, с конца XVII века центр торговли со Средней и Центральной Азией в Тобольске переходит к озеру Ямыш, где была устроена известная в Западной Сибири Ямышевская ярмарка.

В конце XVII – начале XVIII веков в торговых операциях на Ямышевской ярмарке активное и регулярное участие принимали бухарцы Тобольска, Тары, Тюмени и Томска. Здесь надо

сказать, что оседание среднеазиатских бухарцев на жительство в Сибири началось еще до хана Кучума, продолжалось при нем и не прекращалось в последующее время. Русское правительство, заинтересованное в развитии торговли с восточными странами, благосклонно относилось к бухарцам, переселявшимся на постоянное жительство в Сибирь. Оно даже стимулировало это переселение разными льготами. Переселявшиеся на постоянное жительство в Сибирь бухарцы освобождались от тягла и оброков. Грамотой Михаила Федоровича от 3 ноября 1644 г. им было обеспечено содействие властей и неподсудность при торговых поездках на Русь. С них была снята ямская повинность. Грамота 1686 г. дает бухарцам право проезда по русским городам и слободам вплоть до Архангельска и Астрахани и свободу от суда, кроме уголовных дел.

Получив такие большие привилегии и лично заинтересованные в торговом и ином посредничестве между Россией и восточными странами, бухарцы стали охотно переселяться на постоянное жительство в сибирские города. Их поселения возникали в Тобольске, Тюмени, Таре, Томске и Кузнецке.

Сибирское бухарское купечество занималось и торговлей Ямышевской солью. Например, самый богатый тобольский бухарец Сулиман Алимов в 60-х годах XVII века регулярно посылал за солью к озеру Ямыш 17 метровые дощанки.

Тобольские и татарские бухарцы чаще других ежегодно торговали на Ямышевской ярмарке.

Неизвестный путешественник, посетивший Тобольск в 1666 г., отметил в своем дневнике, что «эти бухарцы – имея ввиду тобольских, – ведут большую торговлю товарами, которых они ежегодно вывозят из большой империи Хины (Китай. – С.Д.) в их страну Бухару и оттуда перевозят в Тобольск на верблюдах... Они из своей страны, – продолжает автор, – имеют в Китай двухмесячный путь, а затем из Бухары до Тобольска, –

шесть недель, какой они удобно делают на своих верблюдах. Таким образом, они приводят сюда 4-5 и больше верблюдов, тяжело нагруженных дорогими товарами, как например, хлопком в больших мешках, китайской, как называется их хлопчатобумажной холост,... а также различно окрашенными шелковыми тканями... шелками и атласами, много полосатых шелков, очень искусно сделанных, а также иными из специй, как например, бадьяном, который имеет запах и вкус аниса, но более сильный. Затем странным родом перца, корицей, драгоценными камнями, которые продаются в Сибири из под полы и многим другим». Распродав привезенное, «покупают они снова, – замечает путешественник, – и увозят с собой обратно красивое сукно, юфть, соболей, бобров, выдр и другие меха и все что придется... С подобными товарами приходят они также, пожалуй, 2 раза в год и уходят обратно; настоящее удовольствие, – восклицает автор, – доставляет смотреть, как они идут нагруженными верблюдами, все гуськом в один ряд» [98, 169-170].

В меновой торговле на Ямышевской ярмарке был заинтересован и казахский хан Тауке, который в конце лета 1690 г. посылает двух казахских знатных людей Сары и Келдей к озеру Ямыш для ведения переговоров с русскими купцами. К сожалению, эти посланники хана, по недоразумению, около озера Ямыш были захвачены русскими служилыми людьми во время их вооруженного столкновения с небольшим казахским отрядом, враждебно относящимся к Тауке. Пленников Сары и Келдей русские увозят с собой в Тобольск. С прибытием в Тобольск Сары умирает, а Келдей остается в плену. Затем хан Тауке в октябре 1693 г. направляет своего посла Петру I с просьбой о возобновлении дружественных отношений и об отпуске в Казахскую орду господина Келдей. В результате этого переговоров Келдей был отпущен в 1694 г. [99, 525-526].

Ямышевская ярмарка имела немалое значение для торговых сношений Тобольска, Тары и даже Томска с внутренней Азией. Однако, из года в год напор кочевых народов (казахов, калмаков, барабинских татар) с юга оказался гораздо сильнее, чем предполагали в Москве. Поэтому давнишнее намерение русских построить крепость при устье реки Оми не заглохло.

Вся местность по Иртышу от Тары до устья реки Оми не имела тогда никаких русских поселений. Джунгарское ханство считало своим владением всю территорию до реки Оми. Поэтому строительство пограничной опорной крепости на реке Иртыш близ озера Ямыш также стояло на повестке дня Московского правительства. В 1675-1676 гг. русское правительство направило в Пекин большую дружественную миссию во главе с ученым молдаванином Н.Г. Спафарием (Милеску). Спафарий в своем дорожном дневнике, который он вел во время плавания по Иртышу, писал о возможности постройки крепости у озера Ямыш.

И в это же время о необходимости строительства крепости на Иртыше близ озера Ямыш говорил и известный славянский деятель по национальности хорват, крупный писатель-публицист XVII века Юрий Крижанич (1618-1683 гг.), который прибыл в 1659 г. в Москву, а в 1661 г. оттуда был выслан царскими властями в Тобольск. Здесь Крижанич написал свою основную работу под названием «Политика», где он писал, например, следующее: «В этом государстве (в России. – С.Д.) мало торжищ (место продажи и купли. – С.Д.) и надо искать их и умножать. Ведь чем больше торжищ в королевстве, тем оно бывает богаче. Можно было бы устроить одно торжище на Дону напротив Азова для торговли с турками, другое – в калмыцких землях: на Иртыше у соляного озера... для торговли с Индией ... Соленое озеро – озеро Ямыш в верховьях Иртыша, место добычи соли, связанное с русско-бухарской торговлей XVII».

Имея острог на Иртыше у соленого озера, мы могли бы ежегодно добывать у калмыков 30 или 40 тыс. сырых воловьих и овечьих кож. Нам следовало бы тут же возле самородной соли дубить их в бочках. Так делают англичане, потому что кожи от этого бывают толще и крепче. Затем мы могли бы продавать их немцам ...

Ныне наши вояки, которые ходят за солью на соленое озеро, должны полдня тащить соль от озера к реке на своем хребте или возить ее на тачках. А если бы поставлен был острог, привозили бы соль на лошадях. И мы могли бы тогда добывать соль без числа и конца не только для своего обихода, но и могли бы продавать ее на море немцам. Ведь немцы возят к себе соль из Португальской земли, а отсюда им было бы ближе.

Мы могли бы там же задешево добывать много скота, солить говяжье и овечье мясо и вялить великое множество его на солнце и в дыму. Этим бы кормилась Сибирь и немцам бы (это) продавали.

Мы могли бы добывать тысячи пудов грубой овечьей шерсти, (пригодной) на простое сукно, в котором мы очень нуждаемся.

Могли бы мы добывать кожухов, коней, волон, сколько пожелаем.

Сибирь и ныне нам полезна, но может стать гораздо полезнее. Во-первых, из-за торговли с калмаками. Во вторых, из-за торговли с бухарцами» [100, 388–389, 706].

В 1691 г. тобольский воевода посылает боярского сына Матвея Юдина к Джунгарскому хунтайши Галдану-Бошокту для переговоров относительно пользования солью из Ямышевского озера и о прекращении джунгарами сбора ясака с подвластных России казахов. Однако эти переговоры не дали положительного результата и к концу XVII века доставка соли из озера Ямыш из-за разбойничьей деятельности калмаков стано-

вится все труднее. Поэтому тобольские воеводы были вынуждены затрачивать большие средства на снаряжение военной охраны водных караванов для поездки к озеру Ямыш. Вот как описывает снаряжение одного соляного каравана в 1699 г. член Петербургской Академии наук, историк и археограф Г.Ф. Миллер: «По Иртышу отправлен водный караван из 25 дощаников, к которым присоединены из Тары еще пять, на них насажено воинских людей – стрельцов, пушкарей, барабанщиков, казаков конных, пеших и татарских с рабочими при сотниках и атаманах – около 840; дано пищалей медных 11, с ...ядрами...до 314, ...пороху ручного и пушечного 79, а свинца 50 пудов» [79, 294].

Из-за дороговизны поездок к озеру Ямыш цены на соль в Сибири постоянно росли. Например, в 1702 г. соль из казны в городе Тары продавали по 2 алтына (или 6 коп. серебром) 4 деньги (или 2 коп.) за пуд, а с 1703 по 1711 г. привозная соль с Ямышева озера стоила по 3 алтына (или 9 коп. серебром) за пуд [101, 123]. В конце XVII века с озера Ямыш в Тобольск было завезено почти 500 т соли, что намного меньше было потребного количества. Поэтому не случайно в 1703 г. после неудавшейся попытки русских прочно обосновать в устье реки Оми русский картограф и историк С.У. Ремезов в своей рукописной «Чертежной книге Сибири», которая считается первым русским географическим атласом Сибири, прописью в том месте, где стоит теперь Омск, написал: «Край калмыцкой степи – пристойно вновь быти городу».

В 1703 г. на Ямышевской ярмарке русскими, бухарцами и калмаками было продано различных товаров на 58-62 тысяч руб. [102,102]. Для представления себе масштаба такого торгового оборота можно принять за эквивалент стоимость одной коровы, равной в то время 1 руб. 57 коп. Так, по этой цене на 62 тысяч руб. закупили бы 39490 голов коров (62000:1,57).

Основную массу закупленных на Ямышевской ярмарке восточных товаров, доставляли в Тобольск и другие города России уже не среднеазиатские, а российские купцы, так как первые, расторгавшись здесь, отправлялись прямо в Среднюю Азию и Китай, чтобы на следующий год снова прийти сюда с восточными товарами.

Первая мысль о завоевании всего Прииртышского края принадлежит первому Сибирскому губернатору, князю М.П. Гагарину, которого соблазнили рассказы бухарских торговцев о золотых россыпях в долине реки Яркенда в Западном Китае. Он в 1713 г. направляет донесение к императору Петру I о постройке крепости у озера Ямыш и об овладении Иртышем до самого его верховья, чтобы иметь свободный доступ к богатым золотоносным россыпям, якобы имеющимся в долине реки Яркенда. Петр I, поддержав предложения Гагарина, 22 мая 1714 г. собственноручно написал на его донесении: «Построить город у Ямышево озера и идти дальше до города Эркети (Эрденитсу. – С.Д.) и оным искать овладеть». Одновременно этим указом подполковник Иван Дмитриевич Бухгольц назначается руководителем военного отряда, отправляемого в поход в калмыцкую землю до города Яркенда (ныне китайский Шачэ) [103, 37]. Этим указом Петра I, можно сказать, было положено начало завоеванию Прииртышского края Казахской степи.

В приведенном выше донесении Гагарина Петр I пишет о каком-то городе Эркети. На самом деле такого города вообще не существует. Петр I имел ввиду буддийский монастырь Эрденитсу, его, видимо, он неправильно написал как «Эркети». А теперь несколько слов об этом монастыре. Как известно, столицей Чингисхана считается город Каракорум (по-монгольски Хара-хорин), основанный в 1220 г. После падения Юаньской династии в результате войны между китайским императором династии Мин и монгольскими ханами Каракорум в 1380 г. был

разрушен китайскими войсками. Однако, в тех местах, где археологи до сих пор упорно ищут Каракорум, остатков крупного средневекового города почему-то нет. Тогда выдвинули гипотезу, что монастырь Эрденитсу, основанный в 1585 г., был воздвигнут на развалинах города Каракорума. Этот монастырь, существовавший еще в XIX веке, был окружен земляным валом длиной всего лишь около одной английской мили. Тем не менее, историки считают, что знаменитая столица Каракорум целиком помещалась на территории, впоследствии занятой этим монастырем [104, 58].

Получив распоряжение Петра I о снаряжении военного отряда, Бухгольц вместе с 13 офицерами и группой солдат Преображенского и Московского полков архиерейских крестьян. Отовсюду в Тобольск собирают кузнецов, умельцев по металлу, лесников для изготовления орудия, дощаников и лодок. В июле 1715 г. Бухгольц с отрядом в 2797 человек на 32 дощаниках и 27 лодках отправляется в путь вверх по Иртышу. В штабе отряда Бухгольца находилось несколько шведских офицеров, попавших в плен в Полтавской битве в 1709 г. и сосланных в Сибирь. Среди них были знакомые с инженерным и горным делом. В Тару отряд Бухгольца прибыл 24 июля. Здесь он от местного воеводы получает 1500 лошадей для драгунского полка и часть людей пересела на седью и конники двигались вдоль Иртыша для охранения водного каравана от внезапного нападения джунгарских калмаков и людей Казачьей орды. В Таре же к отряду Бухгольца присоединились купцы с 12 дощаниками, груженными товарами для продажи на Ямышевской ярмарке. Флотилия отряда Бухгольца везла и весь лесной материал, необходимый для строительства крепости.

Для предоставления боевой мощи этого отряда перечислим его воинские и провиантские припасы. Так, на вооружении отряда были 70 пушек медных с весом ядра один и шесть фунт,

14 мортир, 25 пушек чугунных, 1529 бомб пудовых, 9 бомб шести фунтовых, 11297 ядер одно, двух, трех и шестифунтовых, 18100 дробей трех и шести фунтовых, 4580 гранат двух-, трех- и шестифунтовых, 49 пудов дробы железной, 590 пудов 20 фунтов пороха ручного и пушечного, 154 пуда 24 фунта свинца; муки ржаной 2161 пуд, сухарей 330 пудов, круп и толокна 287 пудов, уксуса 500 ведер, ветчины 2264 пуда, вина 1421 ведро, масла коровьего 20 пудов, свиного мяса 871 пуд.

К озеру Ямыш отряд Бухгольца прибыл 1 октября 1715 г. И Бухголец сразу же приступил к заложению крепости. Место для нее выбрали в двух с половиной километрах с правого берега Иртыша, в месте, откуда вытекает ручей, названный русскими Пресным. Строительством крепости руководил артиллерийский поручик из пленных шведов Каландер. 10 ноября 1715 г. Ямышевская крепость была построена.

Джунгарский хунтайша Цеван-Рабтан расценил поход Бухгольца и строительство крепости как самовольные действия сибирского губернатора Гагарина, не санкционированные русским правительством, а поход Бухгольца в Яркенд как стремление отнять у него завоеванные земли. Поэтому джунгарский зайсан (правитель улуса) Чирин Дундук с более чем 10-тью тысячами воинов 9 февраля 1716 г. напал на Ямышевскую крепость. В ходе осады крепости джунгарские войска захватили караван с продовольствием и снаряжением, посланный из Тобольска Бухгольцу. Атака калмаков было отбита, но отряд Бухгольца в результате 12-часового боя понес большие потери в живой силе, многие его люди взяты в плен, а также в руки калмаков попали казна, предназначенная для торгов и выдачи жалованья служилым людям, и почти все лошади отряда. Блокада крепости джунгарскими калмаками продолжалась более двух месяцев. При этом хунтайша Цеван-Рабтан предъявил Бухгольцу ультиматум о прекращении дальнейшего похода и

уничтожении Ямышевской крепости. В начале апреля калмаки захватили склады с продовольствием. Из-за недостатка продуктов питания в крепости начался голод и людей охватили тяжелые болезни, от чего ежедневно умирало до 30 человек. Вследствие чего отряд Бухгольца потерял большое число людей, а также 2200 лошадей и боеприпасов. Поэтому Бухголец, с оставшимися людьми, по решению военного совета отряда вынужден был скрыть укрепление и под напором калмаков 28 апреля 1716 г. отплыл вниз по Иртышу.

Во время отступления Бухгольца вблизи сегодняшнего города Павлодара несколько человек из его отряда калмаки взяли в плен. Среди пленных людей был сержант шведской артиллерии Иоганн Густав Ренат, попавший в русский плен в 1709 г. под Полтавой и эвакуированный в Тобольск.

Ренат пробыл у джунгарских калмаков до 1733 г. и научил их плавить железную руду, лить пушки, снаряды, устроил даже типографию. Джунгарское ханство под руководством Рената шесть лет деятельно готовилось к войне с казаками. В марте 1723 г. калмаки, вооруженные огнестрельным оружием, напали на казахского хана Тауке. И с этого года началось великое трагическое бедствие казахского народа, вошедшее в его историю под названием «Ақ табан шұбырынды, Алқакөл сұлама».

5 мая 1716 г. остатки отряда Бухгольца, составившего 700 человек, прибыли к устью реки Омь. Остановившись в этом месте, Бухголец, по указанию Сибирского губернатора Гагарина, 20 мая 1716 г. приступил к постройке крепости на левом берегу Оми, недалеко от места впадения ее в Иртыш. Заложная Бухгольцем крепость и послужила основой, из которой развился будущий город Омск.

Неудачный поход Бухгольца на озеро Ямыш не остановил Гагарина от прежнего намерения строительства крепости на Иртыше. И летом 1716 г. по его приказу Тобольский воевода

посылает дворянина Григория Вильданова к калмакскому хунтайше Цеван-Рабтану по поводу неприязненных его действий при строении Бухгольцем крепости близ озера Ямышево. После этого переговора новая военная экспедиция под командованием полковника Матигорова достигла Ямышевского озера и к осенью 1716 г. восстановила Ямышевскую крепость по прежнему начертанию и укрепила ее, оставив в ней сильный гарнизон из пехотных солдат и конных драгун.

Итак, с 1716 г. Ямышевскую крепость можно отнести к первому русскому поселению на казахской земле и считать ее южным пограничным пунктом русских владений на Иртыше.

Одна из причин неудачи военного похода Бухгольца, можно сказать, состояла в том, что он по приезду на озеро Ямыш не установил дружеское отношение с местными казахскими родами, враждебно относящимися к калмакам. В случае заключения такого союза казахи, безусловно, оказали бы существенную помощь отряду Бухгольца во время осады крепости джунгарскими войсками. Правильность такого суждения, на мой взгляд, подтверждается следующим важным фактом.

В 1716 г. казахский хан Кайып в Тобольск направляет своего посла Бекбулата Екепева к сибирскому губернатору Гагарину, с целью заключения военного союза с Россией для борьбы с джунгарской агрессией. При этом хан Кайып был готов выделить до 30 тысяч воинов и расширить меновую торговлю с русскими. В результате переговоров Российское правительство предоставило казахам право беспошлинной торговли в пограничных районах, в том числе и в Ямышевской крепости.

В последующие годы военная колонизация Прииртышья продолжалось. Так, в 1717 г. сын боярский Павел Свиярский построил на полпути между крепостями Ямышевской и Омской Железинскую крепость; в 1718 г., поднявшись далеко

вверх, дворянин Василий Чередов заложил Семипалатинскую крепость.

Петр I с основанием Омской и Ямышевской крепостей требовал от Гагарина заселить туда военных и крестьян за счет перевода их из старозаселенных районов Сибири. В 1717 г. Сибирский губернатор Гагарин писал, что намерен возле Омской и Ямышевской крепостей «сделать великое поселение и великим людомством населить» [103, 143].

Однако свое намерение Гагарин не смог осуществить, так как в 1721 г. он ушел из жизни.

В 1719 г. по приказу Петра I прежняя задача Бухгольца была возложена на генерала Лихарева, который выехал из Тобольска 8 мая 1720 г. с отрядом в 440 человек. Лихарев доехал до озера Зайсан, осмотрел его берега и вышел на Черный Иртыш, где ему преградило путь многочисленное джунгарское войско. Убедившись в невозможности проникнуть дальше, Лихарев заключил мир с джунгарским хунтайша Галдан-Цереном и повернул назад, но в устье реки Ульбы заложил новую крепость на Верхнем Иртыше – Усть-Каменогорскую.

Для связи военных крепостей на Иртыше в 1720 г. между ними было устроено семь промежуточных военно-казачьих форпостов, а именно: Коряковский, Ачаировский, Черлакский, Осморыжский (Осьмойрыжко), Чернорецкий, Семиарский и Убинский.

Таким образом, в первой четверти XVIII века по течению Иртыша возникло пять крепостей, обеспечивающих за Россией господство над Иртышом и его долиной. Так, в ходе расширения государственной территории Западной Сибири на юг и укрепления ее южных границ окончательно сформировалась непрерывная укрепленная Иртышская линия от Омска до Усть-Каменогорска, которая разрезала казахскую степь пополам и давала возможность наблюдать за передвижением кочевников внутри страны.

С построением Ямышевской крепости центр торговли по дорогам Средняя Азия – Тобольск и Тобольск – Китай полностью переносится из Тобольска на Ямышевскую ярмарку.

После 1720 г. джунгарские калмаки принимали активное и регулярное участие в торговле с русскими на Ямышевской ярмарке. Приезжавшие сюда, торговые калмаки привозили китайское серебро в ямбах (в слитках разного веса) и песочное золото, которых русские покупали в казну по продажной цене. При этом калмаки особенно заметно расширили торговое скотоводство. Поэтому Петр I, придавая особое значение торговле с восточными странами, 19 января 1721 г. издает указ, в котором повелено заселить Ямышевскую крепость и завести в ней торг с Джунгарией, Тибетом и китайскими городами.

Создание Иртышской линии повлияло хунтайши Цеван-Рабтану на поиски путей сближения с русским правительством для развязки своей руки в борьбе с казаками. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1722 г. калмакский предводитель Байгарок Табуков по приказу хунтайши выезжал к Ямышевской крепости с тысячным человеком для охранения государственной казны (денежного жалованья, товаров, продовольственных припасов и провианта), имеющихся в военном гарнизоне и русских купцов, прибывших на ярмарку, от нападения казахов [103, 297].

Создание Иртышской линии способствовало и развитию соляного промысла на озере Ямышево, поскольку поваренная соль доставляла надежный доход государственной казне и обогащала многих людей, занимающихся ее добычей и сбытом. 12 сентября 1722 г. русское правительство приняло постановление о заготовке и продаже 100 тысяч пудов ямышевской соли для пополнения денежной казны государства и жалованья служилым людям в Тобольске и Таре по цене 2 алтына 4 деньги за пуд.

Первоначально в Ямышевской крепости жили только гарнизонные солдаты и драгуны, а в 1725 г. в нее русское правительство прислало небольшую группу крепостных казаков.

Русское правительство придавало особое значение деятельности таможенной службы при Ямышевской крепости. Об этом свидетельствует учреждение здесь таможни и назначение таможенного смотрителя, а с 1733 г. таможенного комиссара. В 1744 г. русское правительство издает постановление об изготовлении для Ямышевской таможни печати с особым клеймом и о приложении печати сургучом на самих товарах, а не на бумаге.

После Кяхтинского договора, заключенного в 1728 г. между Россией и Цинской империей, значительно расширились русско-китайские торговые связи. Большую роль в развитии этой торговли играли ярмарки в Нерчинске, Кяхте и Ямышево, где на протяжении первой половины XVIII столетия были установлены пункты постоянной транзитной торговли. Именно в этот период были частые военные столкновения между Джунгарским ханством и Цинской империей. Для ведения войны обеим сторонам понадобилось много провианта, скота, лошадей и верблюдов. Например, русские из Красноярского и Томского уездов пригоняли в Ямышево рогатый скот и лошадей, а здесь они закупали верблюдов и гоняли их на Кяхту для продажи маньчжурско-китайским войскам.

В 1732 г. правительство России посылает генерал-майора Угрюмова к Джунгарскому хунтайши Галдан-Церену с предложением: не брать пошлины с калмацких купцов, выезжавших с торгом на Ямышевскую ярмарку, а ограничиться взиманием ее только с русских купцов, вывозивших азиатские товары из владений Галдан-Церена, а также просить, чтобы Галдан-Церен не брал пошлины с русских товаров, привозимых в Джунгарию [105, 4].

Крепость Ямышево становится административным центром Прииртышья и Казахской степи. Здесь находилась главная контора командующего Иртышской линии, куда входили указанные выше пять крепостей и семь форпостов. В 1740 г. здесь работала ветряная мельница, был открыт первый лазарет, а в 1764 г. – гарнизонная начальная школа для мальчиков.

В 1745 г. численность жителей Верхнеиртышских крепостей составляла: в Омской – 196, Железинской – 54, Ямышевской – 203, Семипалатинской – 147, в Усть-Каменогорской – 53 человека [106, 221].

В мае 1745 г. Сибирская губернская канцелярия, а затем по инстанциям воеводские канцелярии призывали купцов ехать в Ямышевскую крепость менять товары на лошадей у казахов. Власти были намерены купить затем этих лошадей у купцов для армии.

В сенатском указе от 29 июля 1746 г. было записано, что Ямышевское озеро является источником народного продовольствия в Сибири [91, 102].

Верхнеиртышские крепости снабжались привозным хлебом. При этом с Тобольска хлеб доставлялся дощаниками в Ямышевскую крепость и выше, а обратно эти дощаники возвращались с солью. Одновременно с казенной добычей и доставкой соли существовали подряды доставлять соль в Тобольск с Ямышево озера «своим коштом» (расходом) на дощаниках и своими наемными работниками. В конце 30-х – начале 40-х годов XVIII века частные подрядчики поставляли в год по 80-100 тысяч пудов, т.е. примерно половину всего привоза соли. Строительство самого дощаника обходилось примерно 100 руб. Для обслуживания его в пути требовалось в среднем 25 человек. Каждому из них платили обычно (от Тобольска до Ямышевской) по 12 руб. 40 коп., т.е. на всю команду 310 руб. К этому прибавлялись расходы на снасти: парус – 22 руб., рогожи – 25 руб., канаты – до

50 руб. Весь рейс дощаника до Ямышевской крепости обходился казне 500 руб.

В 1746 г. при императрице Елизавете Петровне казахам, бухарцам и джунгарским калмакам разрешалась свободная торговля в Ямышевской крепости.

В 1751 г. было издано узаконение России об учреждении в Сибири Соляного комиссарства и о правилах заготовления соли из Ямышевского и других озер.

Если с 1745 по 1750 г. из озера Ямышево отправлено в Тобольск соли 4407 т, то в 1751 г. – 4033 т со стоимостью добычи одного пуда по одной копейке. Торговый оборот ямышевской соли за отдельные года второй половины XVIII века характеризуется следующими данными: 1758 г. – 1518, 1770 г. – 91, 1771 г. – 159, 1772 г. – 189, 1773 г. – 348, 1774 г. – 337 т.

С момента падения Джунгарского ханства в Ямышевской ярмарке производился долгое время торг рабами из казахов, которых приобретали русские в качестве рабочей силы. Работорговля прекратилась с 1859 г., когда по предложению генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда старшие султаны, султаны, бии и старшины всех внешних округов Степного края решили дать свободу своим рабам [79, 214].

В 1763 г. с назначением генерал-поручика И.И. Шпрингера командующим Сибирской линией, местопребывание главной конторы командующего Иртышской линией с Ямышевской крепости переносится в Омскую крепость. В 1771 г. генерал-поручиком Шпрингером вдоль Иртышской линии была выделена из владения казахов десятиверстная полоса, на которую впредь они могли вступать лишь с разрешения военного начальства.

Как известно, в 1758 г. маньчжурцы разрушили Джунгарское ханство, истребили почти все его население, и завладев всем югом Джунгарии, стали на верхнем Иртыше непосред-

ственным соседом России. Чтобы предотвратить дальнейшее наступление России, маньчжурцы поспешили захватить озеро Зайсан, и они выстроили ряд своих укреплений по реке Нарыму до Колбинского хребта.

Русские могли продвинуться навстречу маньчжурцам лишь на 100 км дальше Усть-Каменогорской крепости, к устью реки Бухтармы, где в 1781 г. была воздвигнута крепость Бухтарминская. По Петербургскому договору 1881 г. приалтайская граница России с Китаем отодвинулась дальше к югу, и Зайсанский край перешел к России.

До 1872 г. добыча соли на озере Ямышево велась на деньги государственной казны и отдельных купцов, приобретающих соляные подряды, а с 1872 г. соляные промыслы на озерах Казахстана на основе постановления Российского правительства были переданы в аренду частным лицам и компаниям.

2 сентября 1777 г. в поселке Ямышево была заложена каменная трехпрестольная церковь своеобразной архитектуры. В ней и был крещен Г.Н. Потанин. Эта церковь считается первой церковью по долине Иртыша.

В 1838 г. крепость в Ямышево была упразднена. В связи с этим и все культурные учреждения отсюда были переведены в казачью станицу Коряковка.

Г.Н. Потанин в своих воспоминаниях о станице Ямышево пишет: «... в конце XVIII столетия, это (Ямышево. – С.Д.) был важный административный торговый пункт, важнее Омска. Тут жил начальник всей военной линии, простиравшейся от Омска до Усть-Каменогорска. Здесь стоял самый значительный гарнизон; в руках начальника линии сосредоточены были сношения с независимыми кочевниками – киргизами, или калмаками, земли которых начинались на другом берегу Иртыша. Этот начальник был степным генерал-губернатором (М.П. Гагарин. – С.Д.) XVIII столетия.

Ямышево было тогда самым торговым местом на линии; на старом плане этого селения, который я видел в архиве Омского областного правления, обозначены гостиный двор и мусульманская мечеть. Тут, вероятно, была татарская или сартская слобода. Это местечко свое торговое значение приобрело очень давно, благодаря тому, что в его окрестностях было богатое соляное озеро. Сюда съезжались жители за солью со всей Западной Сибири: из Тобольска, из Томска, из Алтая и из Киргизской степи. На эти съезды солепромышленников являлись также купцы из отдаленных городов Туркестана: из Кашгара и даже из Яркенда, лежащего у северного подножья Тибетских гор» [90, 22].

В поселке Ямышево в 1835 г., когда здесь родился Г.Н. Потанин, насчитывалось 300 человек жителей, а в 1876 г. – 361 человек обоего пола. В 1900 г. в ней было более 500 жителей.

Такова краткая история сегодняшней местности Ямышево, которая, как нам стало известно, без малого почти восемь веков тому назад называлась Емши.

Н.И. ТРУШКОВ И ЭКИБАСТУЗ

*Трушков Н.И.
(1876-1947 гг.)*

Небольшой период жизни выдающегося деятеля горной науки, профессора Николая Ильича Трушкова был связан с Экибастузом. Это обстоятельство и послужило причиной написания данного рассказа о нем.

Н.И. Трушков родился 28 апреля 1876 г. в городе Вятке в семье учителя рисования местной гимназии. В 1894 г. окончил Вятское реальное училище и поступил в Санкт-Петербургский горный институт, который окончил в 1900 г. по специальности горный инженер в области разработки рудных месторождений подземным способом.

За участие в студенческом движении в 1899 г. Трушков был арестован и после полутора месяцев предварительного заключения находился в течение двух лет под надзором полиции.

После окончания института он в 1901-1902 гг. работал в Донбассе заведующим горными работами Павловского и Ирминского рудников. В 1902 г. Трушков подготовил к печати свой первый труд «О некоторых работах и устройствах на рудниках

Ирминского каменноугольного о-ва», который был напечатан в «Горном журнале» в 1904 г.

В 1902-1905 гг. Николай Ильич работал в Геологическом отделении по разведке золота и платины, помощником управляющего и управляющим железных рудников Нижне-Тагильского округа. С 1905-1912 гг. он управляет Благодатными железными рудниками и приисками. Работая на Урале, он впервые в России применил на рудниках прогрессивную систему разработки с прикреплением забоя квадратными окладами (станковой крепью). О своей работе на Благодатных рудниках Н.И. Трушков пишет: «В качестве управляющего рудников и завода, в течение последних 5 лет, я принимал самое непосредственное участие в разработке рудника и постройке завода (металлургического. – С.Д.) и обогатительной фабрики» [107, 1].

В 1907 г. Н.И. Трушков был командирован в Германию и Бельгию для ознакомления с разработкой медно-никелевых и цинковых руд в Силезии и Рейнской провинции и добычей каменного угля в городе Монсе.

В 1909-1910 гг. Николай Ильич находился в командировке в США и Мексике, где изучал способы добычи и обработки руд. В 1909 г. он избран в члены Американского института горных инженеров и металлургов. По возвращению из-за границы Трушков публикует в «Горном журнале» и в журнале «Золото и платина» ряд статей о технологии добычи полезных ископаемых на рудниках США и Мексики. Например, в статье «Рудники Utah Copper^o и Silver king Coalition С^o в штате Юта» Н.И. Трушков пишет: «В 1909 г. на руднике Utah Copper С (медный рудник в США. – С.Д.) разработка производилась открытым способом с помощью паровых лопат (steam shovels) – одночерпаные экскаваторы. Всего на руднике имеются 22 паровые лопаты с ковшом вместимостью 5 куб. ярдов (3.8 куб. м) завода Marion.

При каждой паровой лопате в работе состоят от 7 до 9 человек: один машинист, получающий 175 дол. в месяц, один помощник – 125 дол. в месяц, один кочегар – 5 дол. в день и от 4 до 6 рабочих на уступе (pitmen) по 1,75 дол. в день, занятых при установке и подвигании экскаватора. Семь экскаваторов работает на вскрыше, остальные на руде. Вскрыша отвозится в автоматически разгружающихся вагонах (dump cars), длиной от 4 до 12 ярдов (1 ярд = 0,91438 м. – С.Д.) за пределы рудника и отвалы.

На каждом уступе выработки имеются два рельсовых пути: один, ближайший к забою, для лопаты; другой рядом, для поезда с вагонами. Для работы паровыми лопатами (экскаваторами) порода подготавливается палением...

Производительность одной лопаты до 600 куб. ярдов (46 куб. саж.) породы в 10-часовую смену. По мере подвигания забоев, рельсовые пути подвигаются ломами вручную артелью рабочих в 60-70 человек. Такую работу исполняют преимущественно дешевые рабочие из эмигрантов, получающих 1-1.25 дол. за 10 часов работы. Бурение в уступках производится перфораторами системы Ingersoll Rand, диаметр пистона 3 1/3 »... [108].

С 1912 по 1914 г. Николай Ильич возглавлял Айдырлинские рудники Российского золотопромышленного акционерного общества в Оренбургской губернии. Работая здесь, он впервые в России для разработки крутопадающих жил применил систему с магазинированием руды.

Как известно, в июне 1914 г. Экибастузские копи вместе с Воскресенской железной дорогой попали в руки крупного капиталиста Лесли Уркарта (Leslie Urduhart), действующего под вывеской «Киргизского (читай: Казахского. – С.Д.) горнопромышленного акционерного общества». В то время Экибастуз являлся крупнейшим центром горнозаводского производства

на территории не только Казахстана, но и Западной Сибири. С 15 ноября 1914 по 20 апреля 1917 г. Н.И. Трушков работал в должности управляющего Экибастузскими каменноугольными копиями, Воскресенской железной дороги, цинковым и свинцовым заводами «Киргизского горнопромышленного общества», главная контора которого была в поселке старого Экибастуза. Здесь надо отметить, что до него управляющим Экибастузскими копиями был подданный Великобритании Рельф Иванович Хотрей [109, 64, 144].

Н.И. Трушков не был членом Киргизского горнопромышленного акционерного общества. Он как дипломированный специалист с вполне достаточным практическим опытом работы в горнозаводской промышленности по контракту нанимался к Л. Уркарту с должностным окладом 18 тыс. руб. в год [110, 3] и руководил в Экибастузе всей производственной и инженерной деятельностью предприятий общества.

Отсюда, зная годовую заработную плату управляющего копиями в сумме 18 тыс. руб., возникает законный вопрос: а каким был в то время уровень заработной платы рабочих в Экибастузе? Годовая заработная плата подземного и поверхностного рабочего в среднем составляла соответственно 470 и 200 руб., для сравнения прожиточного уровня этих категорий работников достаточно сказать, что в 1915 г. цена 1 кг муки пшеничной – 7 коп., мяса – 22 коп., сахара – 43 коп., масла сливочного – 1 руб.

Под руководством Н.И. Трушкова в Экибастузе были введены в эксплуатацию: в 1914-1915 гг. – три шахты, в 1915 г. – первый в Казахстане цинковый завод, в 1916 г. – свинцовый завод. В 1916 г. он впервые в Казахстане на шахтах Экибастуза внедрил пять врубовых машин «Сулливан» американского производства, каждую из которых обслуживали четыре человека: машинист, один рабочий для отгребания от машины мелкого

угля, рабочий для отбойки клиньями угля над врубом и для поставки крепи позади забоя и рабочий на воротке [111, 3-6], [112, 13-15].

В один час с помощью врубовой машины, силою в 3 паровых лошади, проводится вруб около метра глубины; 0,05 м ширины и 7,3 м длины [113, 103].

Применение такой горной техники значительно превысило рост производительности труда подземных рабочих. Так, добыча угля на шахтах Экибастуза в 1916 г. против 1915 г. возросла в два раза и составила 63 435 т.

Управляющий Экибастузскими копиями Н.И. Трушков 2 октября 1915 г. направляет письмо Омской духовной консистории с просьбой направить в Экибастуз священника для несения службы среди православных христиан. На письмо Н.И. Трушкова Омская духовная консистория 16 ноября 1915 г. просит главную контору Киргизского горнопромышленного акционерного общества сообщить следующее (далее приводится оригинал письма):

«1) какое содержание годовое может платить Контора священнику и псаломщику, командированным для исполнения пастырских обязанностей на Экибастузские копи и заводы Общества;

2) какую квартиру и во сколько комнат может Контора предоставить священнику и псаломщику с отоплением и освещением;

3) будет ли приступлено к постройке церкви и когда, и в каком помещении в настоящее время происходит богослужение. Содержание (жалованье) священнику и псаломщику должно быть положено такое, чтобы притча мог существовать безбедно, так, например, на Спасском заводе Акмолинского уезда контора платит в год священнику 1200 руб. и псаломщику 400 руб.» [114, 45].

Однако, по каким-то причинам отправка в Экибастуз священника затянулась. Поэтому Н.И. Трушков дает телеграмму епископу Омскому Сильвестеру следующего содержания: «Ввиду крайней необходимости совершения треб при значительном православном населении покорнейше просим в дополнение нашему ходатайству от 24 января 1916 г. за № 2474 командировать на Экибастузские копи просимого через Павлодарского Благочинного священника отца Матвея Яковлевича для исполнения треб также служения Пасхальной утрени точка Все необходимое согласно указу консистории номер 6039 Павлодарскому Благочинному выполняется для освещения Храма в ближайшем времени убедительно просим не оставить Вашим благословением к Великому Празднику адрес Павлодар Экибастуз точка

Управляющий горный инженер Трушков и прихожане» [114, 2].

На эту телеграмму Н.И. Трушкова Омская духовная консистория 30 апреля 1916 г. отвечает, что «согласно ходатайству главной конторы Киргизского горнопромышленного акционерного общества о причислении жителей Экибастуза и их Ермаковского (ныне г. Аксу. – С.Д.) прихода к соборной церкви в городе Павлодаре и о командировании служб заштатного священника, ответа по этому делу благочинного и согласия на это притча Павлодарского собора – ходатайство это удовлетворить, но так как в Павлодарском благочинии нет заштатного священника, а изъявил желание служить в Экибастузе священник на диаконской вакансии при Павлодарской Флоро-Лаврской церкви О.М. Яковлев, главным одинокий, откомандировать его туда с тем, чтобы ... пользуясь содержанием по... установлению с заводоуправления, но без права получения дохода от Флоро-Лаврской церкви...» [114, 2-4].

В результате этой переписки летом 1916 г. в Экибастузе была открыта православная церковь, и её священником стал О.М. Яковлев.

Н.И. Трушков за время работы в Экибастузе, кроме вопросов развития горнозаводского производства, уделял внимание и обучению детей рабочих. Так, при его содействии в поселке Экибастуз в 1914-1916 гг. были открыты русская и русско-казахская аульская школы, а также одно классное сельское начальное училище. По этим вопросам можно привести отдельные выдержки из имеющихся архивных источников.

Письмо инспектора народных училищ 3-го района Семипалатинской области М. Лопачева к окончившей Павлодарские педагогические курсы Анастасии Верещагиной от 1 сентября 1915 г.: «... согласно прошения, я назначаю Вас учительницей Экибастузского частного начального училища с 1 сентября сего года.

Посему покорнейше прошу без промедления отправиться на Экибастузские каменноугольные копи, принять училище и начать учебные занятия» [114, 39].

Письмо М. Лопачева к Н.И. Трушкову от 2 сентября 1915 г.: «согласно Вашего желания, изложенного в прошении от 16 февраля с. г., я назначаю на должность учительницы Экибастузского частного начального училища окончившую ныне Павлодарские педагогические курсы Анастасию Козьмовну Верещагину с 1 сентября сего года» [114, 43].

Письмо М. Лопачева к Н.И. Трушкову от 5 сентября 1916 г.: «На отношении Вашего высокородия от 22 августа сего года... честь имею уведомить, что на должность учителя вновь открываемой Экибастузской аульной школы назначается учитель Эгинды Булакской аульной школы Таукель Нуркин с 15 сентября сего года» [114, 44].

Н.И. Трушков 28 апреля 1916 г. направляет письмо инспектору народного училища 3-го района Семипалатинской области

М. Лопачеву с просьбой дать разрешение на открытие русско-казахской аульной школы в Экибастузе, где в приложении к этому письму он по пунктам пишет: «1) Русско-киргизская школа будет открыта на Экибастузских коях на урочище Экибастуз; 2) обучение в ней будет производиться по программе и правилам русско-киргизских аульных школ; 3) русско-киргизская аульная школа будет смешанная: для мальчиков и девочек; 4) содержаться она будет на средствах Киргизского горнопромышленного акционерного общества, и учителю выдаваться жалование не менее 480 руб. в год (как указано выше, заработная плата подземного рабочего-шахтера составляет 470 руб. – С.Д.) при готовой квартире, отоплением и освещением; 5) для школы будет отведено просторное, безвредное для здоровья учащихся помещение и будут доставляться все необходимые пособия» [114, 6].

На это письмо 25 мая 1916 г. М. Лопачев направляет Н.И. Трушкову следующий ответ: «На Ваше прошение от 28 апреля с.г. за № 3212 о разрешении открыть аульную школу на Экибастузских коях, честь имею сообщить, что... к прошению следует приложить подписанные учредителями письменные сведения и обязательства, без чего разрешение не может быть дано.

Препровождая при сем перечень требуемых сведений и обязательств, честь имею покорнейше Вас просить подписать их и возвратить мне» [114, 7].

На данный запрос полагаем, что Н.И. Трушков направил конкретный ответ, о чем подтверждает следующее письмо Лопачева Трушкову от 16 июля 1916 г.: «Честь имею уведомить, что распоряжением господина попечителя Западно-Сибирского Учебного округа от 6 июля с.г. за № 11854 разрешено... Киргизскому горнопромышленному акционерному обществу открыть и содержать на Экибастузских коях и заводах общества в уро-

чище Экибастуз... частное учебное заведение по правилам о начальных училищах для инородцев (казахов. – С.Д.), утвержденным господином министром Народного просвещения 14 июня 1913 года, с программой «аульных русско-киргизских школ» [114, 9].

В 1916 г. по инициативе Н.И. Трушкова в поселке старого Экибастуза при Киргизском горнопромышленном обществе была открыта трехмесячная школа горных десятников.

Согласно учебному плану в Экибастузской школе горных десятников изучались следующие предметы: Закон божий, русский язык, арифметика, начало геометрии, начало механики, основные сведения по горному искусству, съемка простейшими маркшейдерскими инструментами, учет горных работ, черчение, правила по надзору за безопасностью работ, спасательные работы, подача первой медицинской помощи, практические занятия по горному искусству.

По этим предметам учебная нагрузка составляла в неделю 30 уроков. Самое большое число уроков преподавалось по предметам: арифметика, основные сведения по горному искусству и практические занятия по горному искусству. По каждому из них слушатели школы занимались по четыре часа в неделю.

В школе по предмету «Основные сведения по горному искусству» лекции читал сам Николай Ильич [115].

19 июля 1916 г. Экибастузские рабочие-казахи обращаются письменно к Н.И. Трушкову со следующей просьбой: «Мы, нижепоименованные киргизы разных волостей, работающие на Экибастузских каменноугольных копях и заводах, имея разрешение господина Павлодарского уезда начальника постановили... , что мы все желаем иметь ... муллою (учителем.– С.Д.) киргиза Павлодарского уезда Атагозинской волости (ныне территория Майского района.– С.Д.) аула... № 1 Нигметулу Галиевича Кузенбаева, который имеет от роду 32 года, под судом

и следствием не состоит и может обучать наших детей русской и киргизской грамоте, а ему помощником... киргиза Каркаралинского уезда Аксаринской волости Байжумана Шабанбаева, имеющего от роду 40 лет, в чем подписуемся: (всего это письмо подписали 409 человек.– С.Д.)»... [114, 17].

Однако Н.И. Трушков не принимает Кузенбаева учителем, а направляет его учиться в школу горных десятников. После окончания этой школы Н.Г. Кузенбаев назначается горным десятником шахты [116, 6].

Киргизское горнопромышленное акционерное общество на 1917 г. намечает строительство в поселке Экибастуз нового здания для казахской школы. По этому поводу Н.И. Трушков в объяснительной записке и смете Экибастуза на 1917 г. пишет: «Постройка киргизской школы является не благотворительностью, а необходимостью: без школы невозможно привлечь удовлетворительный состав рабочих; всякий семейный рабочий только в том случае остается работать на зиму, если его дети имеют возможность учиться; это относится к русским, так и к киргизам» [117, 420].

Покажем признаки общественного сознания Николая Ильича на таком неординарном эпизоде. В 1916 г. английский капиталист Уркарт предпринимает захватить 20 тыс. десятин земель в окрестностях Экибастузских копей для Киргизского горнопромышленного общества, заключив арендные договоры с управлениями Чакчанской, Карамолинской и Павлодарской волостей Павлодарского уезда [118, 49–50].

Аренда этих земель, так сказать, служила лишь маскировкой фактического захвата ее иностранным капиталистом в частную собственность. Так, в «соглашении», заключенном между управителем Чакчанской волости и Киргизского горнопромышленного общества в апреле 1916 г., говорилось: «Настоящий договор заключается на 30 лет, т.е. до первого января

1946 г. с тем, что по истечении этого срока «Киргизскому горнопромышленному акционерному обществу» предоставляется право, если оно пожелает, продолжить срок аренды еще на 30 лет, на какую аренду наше общество обязуется заключить новый договор на прежних условиях...» [118, 29-30].

Аналогичные «соглашения» были заключены Уркартом с казахскими общинами Карамолинской и Павлодарской волостей.

Деньги, полученные за арендуемую землю, согласно положения Переселенческого управления должны были поступить, как указывалось в «соглашении», в «мирской капитал» (в пользу бедных и сирот). На самом деле, они оседали в карманах местных управителей.

На аренду Уркарт у казахов 20 тыс. десятин земли посредством подкупного договора Н.И. Трушков заявил свои взгляды следующим образом: «Изъятие земель из пользования киргиз и передача их в аренду ... испортит отношение между обществом и местными киргизами..., не говоря уже о том, что получить 20000 десятин по той же цене 10 коп. – одна десятина, по какой мы получили от киргиз – едва ли будет возможно» [119, 7].

Действительное представление об этой цене аренды земли можно получить, если сопоставить её с рыночной арендной ценой десятины земли, которая составляла в то время в среднем 3 руб. 34 коп. при долгосрочной аренде [120, 58].

12 апреля 1917 г. исполнительный комитет Экибастузского совета рабочих и солдатских депутатов под давлением «революционно» настроенных 300 солдат, прибывших из города Омска для работы на шахтах Экибастуза, потребовал от дирекции Киргизского горнопромышленного общества отстранить от должности управляющего копиями и заводами Н.И. Трушкова. На основании этого скоропалительного требования во избе-

жание всеобщей забастовки рабочих 20 апреля Н. И. Трушков был арестован местной полицией и под охраной отправлен в город Павлодар [121, 29], [122,19], [123,14-17].

В своем заявлении в Исполнительный комитет Павлодарского совета рабочих и солдатских депутатов от 25 апреля 1917 г. Н.И. Трушков пишет: «Вследствие незаконного ареста и насильственного удаления с Экибастузских копей и заводов, допущенного по отношению ко мне организацией, именующей себя «Экибастузский исполнительный комитет»..., имею честь препроводить при сем подробный доклад о событиях, имевших место на Экибастузе в период времени с 1 по 31 марта с.г. (в это время были беспорядочные угрожающие выступления рабочих и вновь прибывших солдат с экономическими требованиями к местной администрации. – С.Д.).

Приехав в Экибастуз 15 ноября 1914 г., я два с половиной года работал над организацией и оборудованием дела, отдавая ему все свое время, силы и пятнадцатилетний опыт.

Тов. Козловым было указано, что только по удалению Трушкова они ручаются за спокойное продолжение работы и увеличение производительности работающего на оборону Экибастузского предприятия.

Не смотрясь к возвращению на Экибастуз и занятию вынужденно покинутого мною поста, я протестую против примененного ко мне насилия, выразившегося в аресте и личном обыске, при чем у меня отобран не возвращенный до сих пор револьвер, и высылке под конвоем с Экибастуза, без предъявления ко мне обвинения или постановления законных властей, без суда и расследования обстоятельств по пункта обвинения» [123, 22].

29 апреля 1917 г. Н.И. Трушков по решению Исполнительного комитета Павлодарского совета рабочих и солдатских де-

путатов освобождается из-под стражи и выезжает в Петроград [190, 14].

Осенью 1917 г. Н.И. Трушков перешел на службу в Богословское (до 1914 г. название города Карпинска) горнопромышленное общество и отсюда вторично командировается в США для изучения современных способов разработки и обогащения руд.

Из США Николай Ильич вернулся после Октябрьской революции и с 1 октября 1918 г. по 1 июня 1920 г. исполнял обязанности профессора кафедры горного института. В это время он впервые в стране Советов начал читать курс лекций для студентов по разработке рудных месторождений. Одновременно с работой в институте состоял техническим консультантом Горного совета Высшего совета народного хозяйства СССР, неоднократно командировался на рудники Сибири и Казахстана. Обладая громадным практическим опытом горнорудного дела и исследовательской способностью, он написал монографию «Экспертиза и оценка рудных месторождений», которая была издана в 1922 г. в качестве приложения «Горного журнала». Впоследствии на базе этой монографии создавалась научная дисциплина «Экспертиза рудных месторождений». Цель ее – вооружать горного инженера научными методами объективной оценки месторождения, шахт и карьеров.

С 1921 г. по 1925 г. деятельность Н.И. Трушкова связана с Томским технологическим институтом, где был профессором, заведовал кафедрой горного искусства и читал курсы «Разработка рудных месторождений», «Экспертиза рудных месторождений», «Крепление», «Вентиляция», «Освещение», «Рудничные пожары». В Томске он написал первый в СССР учебник по курсу «Разработка рудных месторождений». В этот период он одновременно являлся консультантом Сибирского промышленного бюро. Здесь следует сказать, что если в 1921-1926 гг. вы-

дающийся ученый с мировым именем, первый Президент Академии наук Казахстана, академик К.И. Сатпаев был студентом горного факультета Томского Технологического института, то Н.И. Трушков, бесспорно, был одним из лучших его преподавателей. О чем, конечно, можно только предполагать, ссылаясь на факты, что Николай Ильич ранее работал в Экибастузе, а студент К.И. Сатпаев летом 1924 г. производственную практику проходил на угольных шахтах Экибастуза.

1925 г. Н.И. Трушков окончательно переходит в Санкт-Петербургский горный институт, где впервые в Советском Союзе организовал кафедру разработки рудных месторождений и руководил ею (с небольшими перерывами) до конца своей жизни.

Одновременно с работой в горном институте Н.И. Трушков принимает активное участие в развитии и реконструкции горнорудной промышленности СССР, оказывает научную помощь многим предприятиям, научно-исследовательским и проектным институтам. Он часто находился в командировках с целью оказания помощи на рудниках Кривого Рога, Урала, Кольского полуострова, Сибири, Казахстана, Средней Азии, Дальнего Востока и Кавказа. Работал научным консультантом проектных институтов Гипроруда, Союзникельоловопроект, Гипрозолото, Гипроцветмет и других организациях.

С августа 1930 г. состоял заместителем председателя Научно-технического совета горнорудной промышленности СССР. В 1939 г. Н.И. Трушков был утвержден членом технического совета Народного Комиссариата цветной металлургии СССР. В течение ряда лет он занимал пост председателя Санкт-Петербургского отделения Горного Всесоюзного научно-технического общества.

В годы Великой Отечественной войны Н.И. Трушков оставался в Ленинграде, работал ученым хранителем музея и библиотеки горного института. Несмотря на тяжелые годы блока-

ды, плохое состояние здоровья, он активно работает в качестве консультанта Народного Комиссариата цветной металлургии СССР, выезжая из осажденного Ленинграда на горные предприятия Узбекистана, Казахстана и Норильского комбината.

Неоценим научный вклад Н.И. Трушкова в области подземной разработки и экспертизы рудных месторождений, совершенствования горной терминологии. Им были впервые определены принципы систематического опробования при разведке в зависимости от сложности залегания рудных тел и содержания металла в руде. Им впервые была установлена зависимость между методами опробования, способами установления зависимости между методами. Вопрос классификации запасов рудных месторождений Н.И. Трушков связывает с методами подсчета запасов для обоснования перспективных планов и проектов капитального строительства, капитальных и эксплуатационных затрат. Ценность руд рассматривается не только в зависимости от горнотехнических условий, но и от техники обогащения и металлургических процессов.

Особенно большое внимание Н.И. Трушков в своей научной деятельности уделял вопросам разработки рудных месторождений. Его труды посвящены проблемам скоростной проходки подготовительных выработок, развитию золоторудной промышленности, внедрения прогрессивных систем разработки (с открытым очистным пространством, с маганизированием руды, с обрушением), вопросам раздельной и валовой выемки, бурению шпуров твердыми сплавами и съемными коронками, организации буровых работ при добыче руд.

В 1935 г. Н.И. Трушков впервые в Советском Союзе опубликовал англо-русский горнотехнический словарь объемом 255 страниц.

В своем капитальном двухтомном труде «Разработка рудных месторождений», изданном в 1946-1947 гг., Н.И. Трушков

излагает основные принципы целесообразной и правильной разработки рудных месторождений подземным способом. На основании обобщения и анализа огромного опыта отечественных и зарубежных рудников дает научные основы выбора способов и параметров вскрытия и подготовки месторождений, разрабатывает методику подсчета потерь и разубоживания руды и рекомендует средства борьбы с ними, предлагает научно обоснованную классификацию систем разработки рудных месторождений по принципу управления горным давлением, дает исчерпывающую характеристику систем различных классов и принципы их выбора на базе технико-экономического анализа. По обилию материала, глубине и ясности изложения проблем разработки месторождений, научному анализу рассматриваемых вопросов эта работа Н.И. Трушкова не имела себе равных среди опубликованных ранее работ в данной отрасли.

В октябре 1938 г. по представлению Ученого совета Санкт-Петербургского горного института Н.И. Трушков Высшей аттестационной комиссией при Совете Министров СССР был утвержден в ученой степени доктора технических наук без защиты диссертации. С 1939 г. он член Горной экспертной комиссии, Высшей аттестационной комиссии и Ученого совета Института горного дела Академии наук СССР.

Н.И. Трушков вел большую работу по подготовке научных кадров, им была воспитана целая плеяда горных инженеров, подготовлены десятки научных работников.

Перу создателя научной горнорудной школы в СССР Н.И. Трушкову принадлежит более 60 опубликованных научных трудов по различным вопросам горного дела, учебников и учебных пособий, около 90 его работ остались неопубликованными.

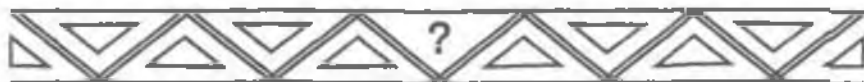
Научные, педагогические и общественные заслуги Н.И. Трушкова были высоко оценены Правительством СССР.

Он был награжден орденом Ленина (1944 г.) и Трудового Красного Знамени (1945 г.), медалью «За оборону Ленинграда», удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР».

И.И. Трушков скончался на 72-м году жизни в 1947 г. в Санкт-Петербурге.

И последнее, будет справедливо, на мой взгляд, если имя И.И. Трушкова присвоить одной из улиц Экибастуза. Сегодняшние и будущие поколения экибастузцев должны знать, кто стоял у истоков разработки уникального Экибастузского каменноугольного бассейна.

КЕМ БЫЛ ЕРМАК?

Портрет Ермака Тимофеевича. Неизвестный западно-европейский художник начала XVIII века

Кучума; верным слугой русского царя, таким русским борцом против угнетателей местных племен Сибири, названным русским народом «меньшим братом Ильи Муромца»; другая группа авторов выступает с диаметрально противоположной оценкой и считает его атаманом бродячей шайки казаков-завоевателей земли исконных жителей Сибири.

Отсюда, само собой, разумеется, напрашивается закономерный вопрос: какая из этих двух групп авторов правильно

В начале 90-х годов XX века о личности Ермака Тимофеевича на страницах периодической печати Казахстана на русском и казахском языках были опубликованы много материалов различного толка, в которых одна группа авторов пишет, что он является русским землепроходцем, первым проложившим путь в просторы огромного края – Сибири; национальным героем-защитником восточных границ, становящегося Россией Московского государства от «грабительского нашествия сибирского хана

характеризует роль Ермака в истории Русского государства? Для выяснения самой сути заданного вопроса и правильного ответа на него попытаемся опираться на отдельные авторитетные письменные источники прошлого, поскольку исторический факт – полководец истины, и говорить правду – великое достоинство каждого истинного человека.

Как известно, в конце XV века, т.е. до похода Ермака в Сибирь, Русское государство, нуждавшееся в новых территориях и доходах, присоединило к себе земли, где жили коми, вогулы (манси) и остяки (ханты), главный город Вятской земли – Хлынов (Вятку). В то же время к Уралу шло колонизационное движение русских «черных людей» (городская ремесленная беднота) и беглых частновладельческих крестьян. Одним из этих людей был Федор Строганов, который в долине реки Камы занимался земледелием.

В XVI-XVII веках потомки Федора Строганова стали крупными русскими купцами и промышленниками, известными в истории России под фамилией Строгановы.

Далее ответим вкратце на вопрос: кто они – Строгановы?

Строгановы происходили от знатного крещеного мурзы (татарский князек) Золотой Орды именем Спиридона, который перешел вместе с женой и дочерью на сторону русского царя. Татары, озлобленные предательским поступком Спиридона, в одной из битв с русскими взяли его в плен и замучили, сострогав тело до костей (он умер 1395 г.). Он оставил после себя беременную жену, и когда родился сын Козьма, то ему было дано прозвище Строганова (от слова «строгать»). Род Строгановых: Спиридон – Козьма – Лука (упоминается в XV веке) – Федор, Стефан, Осип, Владимир, Аникий (1497-1570) – Яков, Григорий, Семен. Сын Федора Строганова Аникий в царствование Ивана Грозного завел в 1515 г. солеваренный промысел у Соли Вычегодской и нажил им большое богатство. Его сыновья Яков

(умер около 1579 г.), Григорий (умер около 1579 г.) и Семен (умер около 1608 г.), согласно жалованной грамоты, выданной в 1558 г. царём Иваном IV, захватили в частную собственность обширные земельные и промысловые угодья от реки Камы вдоль всей реки Чусовой с ее притоками. Строгановы, кроме занятия земледелием и соляным промыслом, развернули торговое сношение с местными обитателями до самой реки Оби.

Строгановы успешно захватили, с разрешения Ивана IV, огромное пространство в Прикамье. В то время, как хан Кучум раздвигал свои границы к Западу от Урала к истокам реки Уфы, навстречу ему шли Строгановы, с своей стороны перебравшиеся за Урал. На реке Сосьве они нашли серебряную руду, в верховьях реки Камы – железную, начали их разрабатывать, а для упрочения новых владений просили царя Ивана Грозного пожаловать их реками Турой, Лозьвой, Тавдой, Тоболом и Иртышом в вотчину. 30 мая 1574 г. Иван IV дал купцам Строгановым другую грамоту, предоставляющую им исключительные права, ввиду государственного значения их деятельности в Пермском крае: строить городки и крепости на Тоболе, Иртыше и Оби; лить и держать пушки, ружье; принимать себе на службу пушкарей и других вооруженных людей; воевать с владельцами Сибири и вести беспошлинную торговлю с Казахской ордой [124, 1–17], [125, 7].

Основной целью этого решения царя была подготовка наступления на владения сибирского хана Кучума, порвавшего вассальные отношения с Русским государством, существовавшие с 1555 г.

Из сказанного выше возникает такой вопрос: почему Иван Грозный разрешил в крепостях Строгановых беспошлинную торговлю с казахами?

Как известно, казахско-русские отношения завязались еще в начале XVI века при Касим-хане.

В 70-х годах XVI века, когда отношения России с сибирским ханом Кучумом обострились, Московское правительство отправило летом 1573 г. в Казахстан посла Третьяка Чебукова с целью завязать тесные отношения с Хакк-Назаром ханом и заключить с ним союз против Кучума. Кучум боялся объединения сил своего врага и казахского ханства и послал против Чебукова своего племянника Маметкула. Воины Кучума в июле напали на отряд Чебукова и полностью разгромили его. Попытка восстановить отношения между Россией и Казахстаном не удалась. Потерпев эту неудачу, Московское правительство стремится завязать торговые связи с казахами через Строгановых.

Царь Иван Васильевич, покорив Казанское и Астраханское ханства, вследствие усилившихся жалоб на разбои и нападения на торговые суда по Волге, на послов Персии и Ногайской орды, производившиеся разными вольными людьми, называвшимися вольными казаками, 1 октября 1577 г. отправил против них войска под начальством стольника (придворный сан) Ивана Мурашкина [126, 59]. В числе волжских атаман Ермак Тимофеевич, которого с четырьмя атаманами (Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан и Матвей Мещеряк) царь Иван IV велел доставить в Москву, где он заранее осудил их на смерть «лютую и позорную» [54, 25].

Многие летописцы, историки и писатели России в своих работах доказывают, что Ермак до начала известного его военного похода в Сибирь был в полном смысле разбойником с большой дороги. Например, в рукописи 1618 г. записано: «В числе многих, бежавших от строгости царя Иоанна Васильевича и производивших всюду грабежи, находился некоторый разбойник по имени Ермак. Он грабил на реке Волге и около берегов ее путешественников; но услышал, что против него идет сильный отряд войска, то, бросив свои лодки, ушел с товарищами и направил путь свой к востоку» [195, 2]. Известный

историк Сибири Г.Ф. Миллер пишет: «Наглость казаков доходила до того, что они нападали даже на русских послов, ездивших в Персию, причем грабили казну, посылающуюся царем Персидскому шаху. Местности по Волге и у Каспийского моря находились в постоянном страхе перед набегами...

Атаманом, или предводителем этих людей, был Ермак Тимофеев» [128, 213–214].

Великий русский историк Н.М. Карамзин в IX томе «Истории государства Российского», не скрывая истину, написал, что «к числу буйных атаманов волжских принадлежали тогда Ермак (Герман) Тимофеев, Иван Кольцо, осужденный государем на смерть...» [129, 129]. Русский историк П.И. Небольсин писал: «На Волге Ермак примкнул к шайке других бродяг бездомных. Они буйствовали по широкому раздолью, грабили и своих и чужих, и не давали спуска ничему и никому... Дерзость огромной шайки дошла до того, что для усмирения ее и для прекращения разбоев нужно было послать особые отряды во все приволжские города с повелением государя предать разбойников немедленно смерти» [130, 66].

О разбойничестве Ермака на Волге написал и великий русский писатель Л.Н. Толстой в своем сочинении «Ермак (история)». Он пишет, что казаков на Волге много. Поэтому «житья от них не стало. Есть Мишка Черкашенко; есть Сары-Азман... Но нет злее Ермака Тимофеевича, атамана. У того человека 1000 народа, и его не только народ и купцы боятся, а царское войско к нему приступить не смеет» [131, 153].

О том, как «казаковали» разбойники Ермака на Волге и Прикаспийских местах в другом сочинении П.И. Небольсина можно читать следующее: «Будем ли мы приводить на память все гнусные поступки, которыми ознаменовала себя на Волге ермакова шайка. Сколько бедных людей они оставили без приюта, без пропитания; сколько богатых семей пустили по миру;

сколько ужаса вселяли они к себе в сердцах людей, которых они губили; сколько, значит, сами они ненавидели своих братьев, русских же, когда все Богом данные способности, весь ум свой употребляли только для гибели ближних?

Разбойники не унимались; слух об их дерзостях дошел до Москвы, и сам царь Иван Васильевич узнал про их поступки.

Царь Грозный немедленно повелел преследовать их с всею строгостью и не давать им ни малейшей пощады: он приказал всех их предать смерти» [132, 72-73].

В трагедии поэта А.С. Хомякова, написанной в 1832 г., про Ермака можно прочитать такие строки:

«И вот оставил я свой край родимый,
Извлек я меч, чтоб за Россию мстить,
Изгладить стыд свой, с небом примириться
И укротить Сибирского царя.
Ермак! Ермак! Что вечный стыд твой смоешь?
Ты вождь разбойников! Какой венец
Твое чело преступное покроешь?
Ермак! Ермак! Тебя проклял отец.
Светлый мир мне гроб просторный;
Среди живых как мертвый я брожу,
И слезы то бегут из глаз, то скрытно
Они падут на сердце как огонь.
Я расхищал сокровища купцов,
Богатые товары иноземцев;
Нет: Иван простил бы и тогда,
Когда бы по всему течению Волги
Все корабли я сжег до одного» [133, 6-7, 25, 80].

О том, что Ермак разбойничал на Волге, утверждают и современные ученые России Д.Я. Резун и Е.К. Ромодановская. Например, Д.Я. Резун пишет: «Ермаковские казаки – «распоясавшиеся грешники» [134, 17-24].

6 апреля 1579 г. Строгановы написали казакам на Волгу призывную «грамоту», приглашая их явиться в Пермь и принять участие в борьбе с Кучумом за Уралом. Они обещали им оружие, продовольствие и своих воинских людей на поддержку в предстоящем походе, а от имени царя – полное прощение за их верную службу. Что могло быть заманчивее этого предложения для удалого атамана Ермака? [135, 24].

В то же время царь Иван Грозный направил против волжских казаков-разбойников специальный военный отряд, чтобы положить конец казацкой вольнице [135, 26]. И тогда Ермак, услышав, что против него выслано сильное царское войско, принял охотно предложение Строгановых [135, 26]. Итак, дружине Ермака волей-неволей надо было уходить поскорее, подалее.

Дружина Ермака отправилась по направлению к востоку, где 28 июня 15709 г. дошла до вотчины Строгановых [136, 248], [137, 122], [138, 38].

Сын Аникия – Семен, с племянниками Максимом Яковлевичем и Никитою Григорьевичем, как бы опасаясь самоуправства отборных разбойников численностью 540 человек; с другой стороны, надеясь в будущем использовать их для завоевания богатых сибирских земель, приняли дружески Ермака и сообщили ему о своей давнишней мысли разгромить Сибирское ханство [139, 187]. Это предложение Строгановых было охотно принято вольными казаками и их предводителем Ермаком: оно позволяло, прежде всего, уйти от преследования царских ратных людей, а потом искупить свою вину перед царем.

Насчет прибытия отряда Ермака во владение Строгановых в одном издании 1914 г. написано: «Волжские казаки, с Ермаком во главе ... пришли к Строгановым, спасаясь от царского гнева, ибо разбой их на Волге превысили меру терпения правительства» [125, 8]. Об этом ранее писал историк П.И. Небольсин

так: «Нет сомнения, что Ермак скрылся с Волги единственно для того, чтобы избежать заслуженной казни» [130, 71].

Для уяснения обстоятельства доброжелательного приема Строгановым казаков Ермака следует сказать, что приказчики Строгановых перевозили товары (мягкие рухляди и безделушки) до Оби и в обмен за них получали богатые меха. Со временем Строгановы намеревались расширить свои владения присоединением к родовой вотчине соседних сибирских земель, чтоб еще богаче стать. С этой корыстной целью они в течение многих лет разрабатывали планы собственного похода против Сибирского ханства, не раз засылали туда своих лазутчиков. Эти планы были одобрены Иваном IV [140, 199].

Строгановы имели в своем распоряжении вотчинные отряды, вооруженные артиллерией и несколько сот вольных волжских казаков с пищалями (ружьями). Однако, Строгановы до прихода к ним было как ухудшение собственных дел, так и ослабление внешнеполитических позиций Русского государства в ходе Ливонской войны (1558-1583 гг.).

На самом деле, Строгановым для захвата соседних сибирских земель нужны были значительные военные силы. И такой нужной для них силой оказалась дружина атамана Ермака. Таким образом, ермаковцы, можно сказать, добровольно поступили на службу к Строгановым оберегать их владения от набегов «недоброжелательных соседей» и вести с ними военные операции. Так, хозяйственно-созидательные интересы Строгановых, действовавших по царским начертаниям, и «разбойные» интересы ермаковой вольницы совпали [141, 94].

Приняв предложение Строгановых, Ермак и его казаки в первую очередь взялись за изготовление стругов для похода в Сибирь.

Два года и два месяца пробыла дружина Ермака в вотчинах Строгановых на «службе» [136, 248]. В чем же заключалась эта служба?

На основе даже беглого изучения Сибирских летописей (Есиповская, Кунгурская, Ремезовская и Строгановская), можно заключить, что «служба» Ермака мало чем отличается от той «службы в поле», какую Ермакова шайка несла на просторах Волги. Казаки Ермака перебирались с места на место, пользуясь своей численностью, два года безобразничали и грабили местных жителей, как только могли, и неоднократно нападали на вогуличей и остяков. Но скоро казаки убедились, что Прикамский край – не Волга, что им, 540 человекам, кормиться здесь трудно, «казацкого хлеба нет». Вернуться назад было невозможно, их ждали тюрьма и казнь. Но то, что они узнали о народах за Уралом, те сведения, которые они собрали, проживая в вотчинах Строгановых, не могли не вселить в них надежды поискать своего хлеба в богатом сибирском царстве.

Об этом замысле Ермаковой шайки патриарх русской истории Д.И. Иловайский (1832-1920 гг.) пишет: «Казацкая дружина (Ермака. – С.Д.), прибывшие в Чусовые городки, была не такого характера, не таких привычек, чтобы долгое время могла спокойно нести скучную сторожевую службу, покорно подчиняться местным купцам-землевладельцам и довольствоваться скудной добычей в соседних инородческих краях. Много требовалось искусства и терпения сдерживать эту буйную толпу от обид и грабежей, которые она причиняла самим местным жителям. По всей вероятности, она скоро сделалась бременем для собственного края... Жажда удачных подвигов, которыми можно было бы смыть с себя тяжкие прошлые грехи – все это возбудило сильное желание идти в малоизведанную страну и попытаться там счастья» [142, 12]. 1 сентября 1581 г. Строгановы отправили отряд Ермака против Кучума. Строгановы снабдили его всем необходимым: пушками, ружьями, свинцом, порохом, съестными припасами, перевозными стругами. Для усиления отряда Ермака ему дали 300 вооруженных Строгановских людей, в том числе проводников и переводчиков [124, 16], [125,

8]. И так, ермаковцы двинулись в путь, вверх по реке Чусовой, перетаскивая струги волоком с одной речки на другую.

Осенью 1581 г. вогуличи и остяки, озлобленные частыми набегами казаков Ермака, напали на владения Пелымского княжества вассальной территории царя Ивана IV. По этому поводу Иван IV 16 ноября 1581 г. направил к Строгановым грозную грамоту, где было записано: «Это случилось по вашей измене: вы вогуличей, остяков и пелымцев от нашего жалованья (ясак.– С.Д.) отвели, их задирали, войною на них приходили, этим задором ссорили нас с Сибирским салтаном (султаном.– С.Д.); потом призвали к себе волжских атаманов, воров, наняли их в свои остроги без нашего указа, а эти атаманы и казаки и прежде ссорили нас с Ногайскою ордою, послов Ногайских на Волге на перевозах побивали, ордабазарцев (татаро-монгольские торговцы. – С.Д.) грабили и побивали и нашим людям много грабежей и убытков чинили. Им было вины свои покрыть тем, что нашу Пермскую землю оберегать; а они вместе с вами сделали точно так же, как на Волге...Мы послали в Пермь воина Оничкова, велели ему этих казаков Ермака с товарищи взять и отвести в Пермь и в Камское Устье, тут велели им стоять...» [143, 9].

Но казаков этот указ царя не застал при Камском крае; они в это время уже были в походе за Уральским хребтом на Туре.

А теперь несколько слов о схеме продвижения отрядов Ермака в Сибирь. С Чусовой Ермак повернул на речку Серебрянку, проплыв по реке Тагил, флотилия его попала на речку Тура, и 1 октября 1581 г. овладел городком Чинга-Тура (впоследствии Тюмень), в котором и зимовал, упрочив этим за собой захваченные владения Кучума.

Г.Ф. Миллер (1705-1783 гг.) справедливо замечает, что татары название реки Туры произносили как «туре» [128, 194]. По-казахски слово «туре» пишется «төре», что в переводе на русский язык означает аристократ. На страницах «Журнала

Министерства народного просвещения», издаваемого в Санкт-Петербурге в 1821-1917 гг., написано, что городок Чинги-Тура является столицей киргиз-кайсацкого (казахского.— С.Д.) хана Тайбуги [135, 2]. Здесь следует понять, что Тайбуги (по-казахски: Тайбұғы) был казахом и он не является правителем Казахского ханства.

Тайбуги является основателем Сибирского ханства. При сыне Тайбуги Махмете столица Сибирского ханства с Чинги-Туры переносится в город Кашлык. Этот древний город упоминается на карте Пицигани 1367 г. [135, 6].

Город Кашлык находится на правом берегу Иртыша в 17 км выше нынешнего Тобольска. По данным русских исторических источников, этот город ранее назывался Сибирью, после его стали называть Ковымом и, наконец, при хане Кучуме — Искером [95, 144 в сноске], [144, 24]. Последнее название столицы Сибирского ханства Искер образовалось из двух казахских слов «ескі» (старый) и «жер» (земля).

Как известно, в 1563 г. шейбанид Кучум, разгромив правнука Тайбуги Едигера и Бекбулата (соправитель Едигера), стал правителем Сибирского ханства. Владения Кучума простиралось на юге до нынешней Северо-Казахстанской области, на Западе до устья реки Туры, на юге-востоке до Барабинской степи, на севере граничили и с Обско-Иртышским низовьем. Кучум обложил данью все народы, населявшие обширную Западно-Сибирскую равнину, ввел впервые мусульманскую религию.

Выше было сказано, что Тайбуги является казахским ханом. Так ли оно есть на самом деле? Городок Чинги-Тура во второй половине XV века при чингисиде Ибак-хана был столицей Тюменского ханства, которое явилось одним из многих улусов распавшейся Золотой Орды. В этногенезе этого ханства были тюркские (в том числе казахские) племена: кипчаки, аргыны, найманы и другие тюркские племена, которых в русской

литературе нарекли под общим этносом «татары». Известно, что большинство жителей Сибирского ханства говорили на языке кипчакской группы тюркских языков, которые являются основой казахского языка. Поэтому можно предполагать, что Тайбуги – выходец одного из тюркских племен или чингисид, и его нельзя считать казахским ханом, к тому же Казахское ханство образовалось в 1465 г. на юге нынешнего Казахстана, а не в Западной Сибири.

В подтверждение тому, что народы Сибирского ханства говорили почти на казахском языке, следует сказать о таком факте. В 1666 г. один неизвестный автор из Западной Европы, будучи на территории бывшего Сибирского ханства в Западной Сибири, в своем путевом дневнике записал из уст местных жителей много так называемых татарских слов. Из них ниже приведено несколько слов, записанных автором латинским алфавитом и переведенных им на русский язык, и мой перевод на казахский язык в скобках: attai – отец (атай), inia – мать (ене), koes – глаза (көз), balta – топор (балта), tabak – миска (табак), augus – рот (ауыз), kolak – ухо (құлак), koel – рука (қол), bieloi – руковица (биялай), inia – иголка (ине), suk – холодно (суық), kasan – котелок (казан), mai – масло (май), ieit – мясо (ет), su – вода (су), ott – огонь(от), araka – вино (арак), sulu–овес (сұлы), suit – молоко (сүт), tauch – курица (тауық), iemertka – яйцо (жұмыртка), koi – овца (қой), at – лошадь (ат), ak – белая (ак), iaksi – хорошо (жақсы), kara – черная (кара), skeitan – черт (сайтан), takia – шапка (такия) [145, 335].

Отсюда видно, что наречия каждого из приведенных выше «татарских» слов, как по фонетической транскрипции, так и по истинному смыслу соответствуют казахским словам.

С Туры отряд Ермака попал на реку Тобол и поехал по ней вниз. На пути к столице Сибирского ханства Кашлыку у казаков не было сражений, происходили лишь мелкие стычки.

26 октября 1581 г. у самых стен Кашлыка произошел первый бой с войсками Сибирского ханства и в тот же день ермаковцы вступили в покинутую Кучумом столицу [140, 210–217].

Кучум не мог собрать для обороны столицы все свои войска: значительная часть их ушла за Урал для взятия пермских городов.

В Кашлыке казаки нашли богатую добычу и, прежде всего, меха, собранные в ханскую казну за много лет: шкурки соболей, черно-бурых лисиц, куниц и белок [146, 414–415].

После овладения Кашлыком казаки начали собирать ясак с манси и хантов, живущих по Иртышу и нижнему течению Оби [147, 496].

Осенью 1581 г. Ермак послал в Москву пять казаков во главе с Иваном Кольцо, чтобы довести до сведения царя о своих успехах и просить Ивана IV принять завоеванную землю под свою высокую руку, а им, казакам, простить их прежние вины перед царем [136, 166].

На основании летописных и литературных источников началом процесса присоединения Западной Сибири считается 26 октября 1581 г., когда пала ханская столица Кашлык.

В августе 1584 г. флотилия Ермака шла по речке Вагай (приток Иртыша) и, не доезжая 1,5 км до Иртыша, Ермак остановился с казаками в поле, чтобы переночевать, поставив стражу. В ночь с 5 по 6 августа два казака, стоявшие на страже, были схвачены осторожно подкравшимися воинами Кучума. В лагере поднялась суматоха, а затем воины Кучума напали на казаков. Ермак, спавший в палатке посреди лагеря, услышав крики начал звать своих казаков, но ничего не успел сделать и побежал к берегу. Здесь, чтобы скорее достигнуть своей лодки, он прыгнул с высокого берега, но упал в воду, имея на себе панцирь, а сверху того еще железные нарукавники, – как камень, пошел ко дну, и таким образом он погиб [148, 173], [144, 136],

[138, 34]. Так поход Ермака в Сибирь кончился 5 августа 1584 г. После этой битвы казаки возвратились в Тобольск.

Как только казаки удалились, хан Кучум приказал местным рыбакам искать тело утонувшего Ермака, обещая тому, кто найдет, столько серебра, сколько весит тело: «Я, говорил он, должен найти его, разрубить на мелкие куски и съесть его сам вместе со своим семейством, как притеснителя моего царства» [137, 143].

Многие историки-исследователи говорят о жестоких, кровопролитных боях казачьего отряда атамана Ермака с войсками Кучума.

После взятия Ермаком Кашлыка, Кучум со своим войском откочевал на Юг и продолжал оказывать сопротивление русским отрядам до 1598 г.

Историки Н.М. Карамзин, Н.Г. Устрялов, С.М. Соловьев, Л.Н. Майков, С.В. Бахрушин и другие считали, что инициаторами и организаторами похода Ермака, который можно считать первым военным вторжением русских ратных людей в Сибирь, были Строгановы и, он явился прямым следствием решений и действий Ивана Грозного.

Основной причиной поражения Сибирского ханства, имевшего численное превосходство в живой силе (имело до 10 тысяч воинов) против Ермака, является то, что казаки были вооружены огнестрельными оружием, а воины Кучума – луками, саблями и копьями.

Можно определенно утверждать, что военным походом Ермака дело покорения Сибири не было решено. Но его действие показало возможность присоединения всей Сибири к России.

Как известно, через 50 лет после похода Ермака русские дошли до Байкала, через 60 лет – до Охотского моря, через 70 лет – до Берингова пролива.

В этом триумфальном движении русской колонизации на Восток царское правительство Ермака считало пионером–

первопроходцем. Поэтому личность Ермака как историческая фигура усиленно пропагандировалась русским самодержавием [149, 900]. Этим самым вокруг образа Ермака начали постепенно концентрироваться наилучшие представления о самобытном национальном герое русского народа, погибшем во имя отчизны. И только этим можно понять то положение, что Сибирский военный поход Ермака многими авторами в русской литературе представлен народным делом, патриотическим поступком, выражающим чаяния русских людей, в котором он выступает организатором и военным руководителем. Благодаря такому возвеличиванию в различных литературных жанрах с образом Ермака связываются черты мужественного человека, в котором сочетаются удаля, широта натуры и тяга к открытиям новых, неизвестных земель.

В преданиях, легендах и художественной литературе Ермак воспевается не только как первопроходец в Сибирь и легендарный богатырь, но и как правозащитник, открывший в истории России первый ряд борцов за социальную свободу коренных народов Сибири. В этот ряд затем после него, как известно, встали его «соратники» Степан Разин, Емельян Пугачев и другие.

Не вдаваясь в подробности, следует отметить, что подобная трактовка образа Ермака явилась порождением идейно-политических требований колониальной эпохи России. Об этом, на мой взгляд, правильно утверждает следующее высказывание из книги «Сибирская советская энциклопедия»: «Ермак (Ермолай) Тимофеевич – атаман донской казачьей вольницы, яркий представитель начального этапа колониальной политики царской России. Первоначально был известен своими грабежами на Волге и Дону купеческих караванов и «государевой казны»; вскоре вынужден был бежать в Пермский край, где нашел приют в вотчинах крупных промышленников Строгановых. По

поручению Строгановых, стремившихся расширить свои колониальные предприятия за Уралом, совершил на их средства в 1581-84 гг. экспедицию во главе небольшого отряда в земли сибирских татар, вогулов и остяков... Походы Ермака являются лишь одним из эпизодов завоевательно-колониального движения русских на Восток, связанного с жесткой эксплуатацией и разорением туземцев. Отдельные исследователи пытаются идеализировать «подвиги» предводителей таких хищнических отрядов, эта тенденция, находившая широкое покровительство царского правительства, принимала порою курьезные формы; так известны попытки церковных кругов канонизировать личность Ермака – объявить его святым». [149, 900].

Многие историки-исследователи утверждают, что Ермак был слепым орудием Строгановых. Так, например, А. Дмитриев в своей статье «Роль Строгановых в покорении Сибири» пишет: «Строгановы, как инициаторы Сибирского похода Ермака, призвавшие казаков с Волги, вложили в него не мало и своих забот, помогая Ермаку деньгами, оружием, провиантом и людьми. Без этой поддержки Ермак, быть может, и не достиг бы тех боевых успехов, которые обессмертили его имя» [136, 273].

Образ Ермака сохранился в песнях и сказаниях русского народа и по сей день. О нем еще в XVII веке сложены песни. Впоследствии его образ привлекал внимание многих творческих людей, которые написали о нем сотни книг, брошюр и статей. Говоря об этом, необходимо подчеркнуть тот факт, что неясность биографии Ермака облегчала отдельным историкам и литераторам процесс свободного мифотворчества, который давал им широкий простор для фантазии. При этом, конечно, стирались его «воровские» черты, выдвигались черты идейности, активного деятеля русской истории и главные из них – храбрость и удалство. [149, 900].

Таким образом, псевдопатриот атаман казаков Ермак становится национальной гордостью русского народа.

Среди тех, кто прославлял Ермака, были историк С.У. Ремезов, писатель А.Н. Радищев, поэт-декабрист К.Ф. Рылеев, литературный критик В.Г. Белинский, живописец В.И. Суриков. Например, А.Н. Радищев выделил в характере Ермака «твердость..., неутомимость в исполнении», «великий дух свободы» в его помыслах и действиях [150, 151]. Рыцарского образа Ермака, погибающего с думой «на диком бреге Иртыша» за блага отчизны, создал К.Ф. Рылеев – автор известной народной песни под названием «Ревела буря, дождь шумел». Эта популярная дума Рылеева осела в памяти многих. И многие с детства верили, да и сейчас верят, что гибель свою Ермак нашел в седых волнах Иртыша. Да и как не верить. Выше было сказано, что Ермак утонул на речке Вагай. Об этом подтверждает и следующий факт. В Тобольском городском музее хранится старинный церковный документ, составленный в 1621 г. сибирским архиепископом Киприаном со слов, живших тогда дружинников Ермака. В нем есть известие, что атаман погиб все же в водах Вагая [144, 136].

В Санкт-Петербургской Государственной публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Шедрина насчитывается свыше 50 различных лубочных повестей и романов, посвященных Ермаку, издания конца XVIII – первой половины XIX веков. Интерес к этой теме несколько возрождается в конце XIX, переходя и в XX век. Особенно много книг о Ермаке вышло в 80-х годах XX века. В эти годы, можно сказать, ни об одной исторической личности России не вышло столько книг, как о нем. Из них назовем следующие: 1) Сутормин А.Г. Ермак Тимофеевич (Аленин Василий Тимофеевич). Иркутск, 1981; 2) Колесников А.Д. Ермак. Омск, 1983; 3) Е.А. Федоров. Ермак. Исторический роман. Барнаул, 1986; 4) Р.Г. Скрынников. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986; 5) Копылов Д.И. Ермак. Иркутск, 1989; 6) Ермак Тимофеевич – славный сын земли русской: Ле-

тописные материалы, народные песни, предания (составитель В.П. Кругляшова). Свердловск, 1989; 7) Бузукашвили М.И. Ермак. М., 1989; 8) Скрынников Р. Далекий век: Иван Грозный. Борис Годунов. Сибирская одиссея Ермака. Л., 1989.

Известно, что вся совокупность имеющихся источников об Ермаке не дает точного ответа на вопросы, где и когда он родился, из какого этнического рода вышел, и какое его настоящее имя.

Большая часть летописей называет его волжским казаком, некоторые – донским казаком. Одни считают его прирожденным уральцем. В «Летописи Есипова» приводятся факты о том, что дед Ермака Афанасий был суздальским посадским человеком. Есть версии о том, что он выходец из тюркских народов, принявших христианство. «Я совершенно не исключаю, – пишет Академик Национальной АН Республики Казахстан М. Козыбаев, – что Ермак вполне мог быть выходцем из какого-то тюркского племени, сбежавшего за тяжелое преступление подальше от родных мест, став личностью отверженной» [151].

По данным исторических документов Ермак имел восемь имен: Ермолай, Герман, Ермил, Василий, Тимофей, Еремей [148, 11], Ермак, Токмак [125, 8], [152, 275].

Что касается имени Ермак, то К. Валишевский пишет: «Происхождение этого популярного имени еще не выяснено. Одни видят в нем испорченное имя Ермолая или Германа, другие прозвище» [153, 372]. По мнению Г.Е. Катанаева слово «ермак» не обозначает какого-либо прозвища, а есть христианское имя Ермил, Ермолай или Герман, переименованное в обыденной речи, в роде того как Дмитрий зовется – Митькой, Федор – Федькой, Георгий – Егором. [143, 12]. Есть еще и такая версия. Историк М. Пуцило пишет, что у Тимофея было трое сыновей: Гаврило, Флор и Василий (Ермак). Василий весьма был силен и речист и ходил он на стругах по рекам Каме и Волге [154,

281]. И тогда кто тянул ляжку, кто сидел на веслах, кто другую работу выполнял, а Василия товарищи сделали кашеваром, и вся должность его состояла в том, чтобы готовить пищу ватаге. Так у него была одна забота – возиться около тагана, на котором он варил им щи и кашу. Поэтому Василия прозвали Ермаком, потому что Ермаком в то время у этих людей назывался таган, на котором, в дороге, кушанье готовят [132, 60-62]. Историк Д.И. Иловайский объясняет имя Ермака прозвищем [142, 39]. По толковому словарю Даля слова «Ермак» – малый жернов, для ручных крестьянских мельниц. Ермолить что, мять, тереть, чесать, скрести. Отсюда можно понять: прозвище Ермак могло быть применено к человеку с твердым, как камень характером и крепостью сил телесных [155,1-2]. Таким образом, слово «Ермак» этимологически связывается с характеристикой человека Василия, имеющего высокие моральные качества – предводителя казацкой дружины. В разрез этому объяснению доктор исторических наук Р.Г. Скрынников считает имя Ермака как сокращение полного имени Ермолай [140, 190]. Другой историк М. Пуцило утверждает: «Имени Ермак нет между христианскими именами, и надо допустить, что это либо кличка, либо переделка какого-нибудь имени» [154, 273]. Писатель П.П. Бажов пишет: «По этимологическому словарю Преображенского «Ермак» – старый артельный таган, ручной жернов, заимствованное слово из тюркско-чагатайского языка «йармаю» (раскалывать)...» [156, 99]. Слово «йармаю» – по-казахски означает то же «раскалывать» и пишется «жармак». Здесь надо принять во внимание тот факт, что казахи не случайно до сих пор Ермака называют Жармак. В Погодинской летописи написано, что прозвище Ермаку было у казаков Токмак [138, 130], [152, 275]. Это прозвище, на мой взгляд, произошло от тюркского слова «токпаю» (колотушка). Есть казахская пословица: тоқпағы мықты болса, кнiз қазық жерге кiредi (если колотушка крепкая,

то и войлочный кол вобьется в землю). Перефразируя это понятие можно сказать, что такая сила, как у Ермака, солому ломит. Поэтому так его прозвали.

Как видим, в действительности до сегодняшнего дня остается неизвестным подлинное имя Ермака. Таким образом, как нам представляется, он без рода, без племени и без настоящего имени. Поэтому в Большой Советской энциклопедии его написали без фамилии как «Ермак Тимофеевч».

Вся эта неопределенность объясняется тем, что первые сведения об Ермаке собраны были архиепископом Киприаном, спустя 40 лет после его смерти, когда уже никого из участников похода не осталось в живых. Однако подлинных письменных заметок Киприана не сохранилось [157, 6]. Последующие известные летописные источники об Ермаке были переписаны несколько раз разными людьми и, безусловно, в них допускались ошибки. Разумеется, в этих летописях отдельные сведения расходятся. Это обстоятельство привело историков к разным кривотолкам и взглядам в том или другом сведении о личности Ермака и о его походе в Сибирь. Поэтому русский советский филолог Р.Р. Гельгардт пишет: «... о личности Ермака сохранились показания в некоторых сибирских летописях. Но, как неоднократно отмечала историческая критика, эти летописные сведения были порождены «народным вымыслом». Они носят фольклорно-легендарный характер и не могут претендовать на фактическую достоверность. В распоряжении историков нет надежных документальных данных о происхождении Ермака и о его историческом подвиге» [157, 87].

Итак, становится ясным, почему общеизвестные сведения об Ермаке так крайне туманны и противоречивы. Поэтому-то среди историков России много противоречий звучит даже о хронологии военного похода Ермака. Например, одни историки считают, что сибирский поход Ермака продолжался четыре

«лета» (1581-1584 гг.), а другие – неполные три года с 1582 по 1585 г. [140, 250].

На побережьях Волги и Дона различные географические объекты носят имя Ермака, а доказательством довольно продолжительного пребывания Ермаковой дружины на Урале до начала её похода на восток, к Иртышу служит и прочная память об Ермаке здесь, выраженная также в географических названиях местностей. Так, например, в окрестностях только лишь реки Чусовой были речка Ермаковка, Ермаковский рудник, Ермаков камень, Ермаков пережат, Ермаково городище и в разных местах бывшей Пермской губернии есть еще до 20 деревень под названиями: «Ермаки», «Ермакова», тогда как в Оренбургской губернии и Омском уезде – ни одного [136, 249]. В середине XIX века в Приуралье и Зауралье более 30 населенных пунктов – сел и деревень, хуторов носили названия Ермаки, Ермакова, Ермаковка, Ермачата, также, к примеру, в местах, где прошел отряд казаков Ермака, есть много таких названий как Ермакова пещера, Ермаков родник, Ермакова дорога, Ермакова заводь, Ермакова пустынь и Ермакова ложбина [158, 9]. Во многих городах России есть улицы имени Ермака. В городе Тобольске в XIX веке был сооружен памятный обелиск Ермаку высотой 16 м, а в городе Новочеркасске, считающемся его родной, в 1904 г. установлен монументальный памятник Ермаку. Всего на бывшей территории Советского союза было 19 памятников Ермака. Имя Ермака было присвоено ледоколу. «Ермак» – старейший линейный ледокол Российского арктического флота, построенного в 1899 г. в Англии. В 1901 г. на нем совершена экспедиция в район Земли Франца Иосифа и Новой Земли. В 1938 г. участвовал в снятии со льда станции «Северный полюс». Имя Ермака даже присвоено одному минералу, так называемый Ермакит, который является скрытокристаллическим минералом, состоящим из плиоценовых глин. По химическому составу

этот минерал предоставляет довольно богатый железом водный алюмосиликат с небольшой примесью извести и магнезии. Цвет темно-серый, непрозрачен, твердость 2,5; удельный вес – 2,47-2,50. Ермакит впервые найден на правом берегу Иртыша, в окрестностях Омска и был описан профессором Томского технологического института П.Л. Дравертом (1879-1945 гг.).

Известно, что прижизненных изображений Ермака не существует, он погиб в 1584 г., когда на Руси светские портреты не писали. Распространенный на Дону и в Сибири так называемый портрет его есть изображение какого-то немецкого ландскнехта [154, 39]. Ландскнехты – немецкая наемная пехота в XV-XVII веках, являющаяся на службу с собственным оружием.

Среди известных искусствоведам изображений Ермака нет ни одного в русских доспехах: все эти картины созданы иностранцами. Иконографией Ермака в XIX века занимался А.Н. Оленин, президент Академии художеств России. В Томском художественном музее есть портрет Ермака, написанный в начале XVIII века неизвестным западноевропейским художником.

В городе Омске на Никольском соборе хранится знамя, принадлежащее по преданию Ермаку [89, 2].

В 90-х годах после распада СССР очень много статей об Ермаке печатались на страницах периодической печати и Павлодарского Прииртышья. Поскольку здесь Ермак был более «почетен», чем в других регионах Казахстана. Свидетельством тому являются следующие обстоятельства.

Во-первых, с давних времен местные русские люди считали, а некоторые их потомки и сегодня считают, что Ермак со своим ратным отрядом казаков освобождал земли нынешнего Павлодарского Прииртышья от «иностранцев» хана Кучума. Иначе как, думают они: Ермак не сидел бы с думой «на диком берегу Иртыша».

Поэтому, во-вторых, в Павлодарской области было очень много объектов, носящих имя атамана «освободителя» Ермака.

К примеру, город Ермак, Ермаковский район, совхоз «Ермаковский», Ермаковский завод ферросплавов, Ермаковская ГРЭС, Ермаковский курган (в 8 км к юго-востоку от города Ермака), памятник Ермаку в городе Ермаке, улицы имени Ермака в городах Павлодаре, Экибастузе, Ермаке и в других населенных пунктах области.

Со всей определенностью можно допустить, что в подданстве хана Кучума были казахи, живущие в Западной Сибири. Значит, вполне понятно, что среди воинов Кучума были и воины-казахи, которые пали смертью в сражении с отрядом Ермака. Эта трагедия среди казахского населения, бесспорно, передавалась из поколения в поколения. О кровавых событиях того времени воспевают казахская поэма «Сэтбек батыр» («Богатырь Сатбек»), изданная в 1911 г. в Казани. В ней Ермак описывается как преступник, убивший жену Сатбека, его двоих младших детей и девять слуг. Говоря об этом, следует откровенно сказать, что подобный печальный факт нельзя вычеркнуть из памяти любого народа. И по этому поводу, не случайно, сибирский летописец и первый географ Сибири С.У. Ремезов писал, что в его времена (конец XVII века) татары с «плачем» вспоминали Ермака в беседах и песнях. Например, коренные сибиряки-аборигены, собираясь вместе с русскими на праздниках пели не только русские, но и татарские песни, в которых упоминается и Ермак. Притом татары «шлачут, а русские хохочут» [159, 126].

В памяти казахского народа Ермак является человеком презираемым, принесшим с собой смерть и бедствие сибирским народам и тюркским племенам, иначе говоря человеком, оставившим кровавые следы на страницах истории. Поэтому имя Ермака стало для казахов ненавистным, и злодеяния его не забыты до сих пор. После всего изложенного мы можем прийти к следующему заключению: казахский народ не может наив-

но представлять кровавый поход Ермака в Сибирь как мирную экспедицию. Кстати, есть и монография доктора исторических наук Р.Г. Скрынникова под названием «Сибирская экспедиция Ермака», изданная в 1986 г. Более того, по-видимому, непозволительно в цивилизованном обществе смотреть сквозь пальцы с узкополитическим взглядом на темную сторону колониальной экспансии царской России и тем самым смягчить динамичные чувства какой бы то ни было нации.

Далее возникает вопрос: будет ли у побежденного народа уважительное отношение к завоевателю? Разумеется, такого отношения к нему никогда не будет. Как не чтят русские Наполеона Бонапарта и Адольфа Гитлера, так и казахи не чтят атамана Ермака. С этой точки зрения ни одни здравомыслящий представитель народов Ханты и Манси, как нам представляется, не будет считать хана Кучума защитником народов Сибири.

Несмотря на отмеченные обстоятельства, можно предположить, что никто из казахов ничего против не имеет, когда русские возвеличивают Ермака, называя его народным предводителем, первопроходцем Сибири, незаурядным человеком, выразившим героические устремления своего времени. К тому же известно, что А.Н. Радищев поставил его в один ряд с Христофором Колумбом.

В мифологической жизни Ермака есть и другая истина: нога его никогда не ступала на землю нынешней территории Республики Казахстан. Однако, некоторые представители русского народа упорно распространяют среди населения и такую лживую версию, что Ермак для России является первооткрывателем павлодарского Прииртышья. Например, с таким заявлением выступил 5 ноября 1991 г. на странице газеты «Казахстанская правда» рабочий производственного объединения «Павлодарэнерго» А. Кораблев с заметкой «Наша общая история». Что ж, кто во что горазд.

Прочитав эту заметку, не мог я промолчать и решил выразить свое мнение по существу затронутого вопроса. Итак, в той же газете за 13 февраля 1992 г. была опубликована моя статья «Бывал ли Ермак в павлодарском Прииртышья?» В ней на основе исторических фактов было показано, что Ермак не бывал на территории нынешней не только Павлодарской области, но и других северных районах Республики Казахстан.

А. Кораблев в своей заметке пишет: «В последнее время в нашей республике идет интенсивное переименование населенных пунктов. И у нас в области совхоз «Ермаковский» был переименован в совхоз «Аксу». А недавно Ермаковский район стал Аксуским. Все это делается без опроса общественного мнения и преподносится людям под видом демократических процессов». Далее он отмечает, что «нынешний город Ермак до 1914 г. назывался Воскресенской пристанью. В том же году на общем собрании его жители обратились к вице-губернатору Степного края с ходатайством назвать их поселение в честь открывателя павлодарского Прииртышья Василия Тимофеевича Ермака».

По этому поводу – немного истории. Как известно, павлодарский купец, горнопромышленник А.И. Дерев в 1899 г. для перевозки экибастузских углей построил ширококолейную железную дорогу от Экибастузского каменноугольного бассейна до урочища Кызыл шырпы, что на берегу речки Аксу – левостороннего притока реки Иртыш. Здесь же он тогда построил пристань, предназначенную для погрузки экибастузских углей на судовые баржи. И эта пристань Деревым была названа Воскресенской.

Позже, в 1914 г., как уже говорилось, Воскресенская пристань по инициативе местных казаков была переименована в поселок Ермак. В то время в нем жили одни казаки и они тогда по поводу переименования пристани, безусловно, не советова-

лись с близживущими казахами. Почему в Воскресенской пристани не жили казахи? Здесь не жили казахи по той причине, что до 1917 г. десятиверстная полоса вдоль обоих берегов Иртыша от Омска до границы с Китаем принадлежала Сибирскому казачьему войску. И на этом пространстве земли казахам запрещалось не только строить оседлые жилища, но и пасти скот, рубить леса, ловить рыбу и косить сено.

14 февраля 1938 г. постановлением Президиума Казахского Центрального исполнительного комитета образован Кагановический район с центром в поселке Ермак и 16 августа 1957 г. Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР Кагановический район переименован в Ермаковский район.

А Кораблев в указанной выше заметке акцентирует, что только лишь в Республике Казахстан якобы имеет место повальное переименование населенных объектов. А так ли есть на самом деле?

Что ж, попробуем разобраться. Как известно, после провозглашения бывшими союзными республиками Советского Союза Декларации о суверенитете всюду и везде кампания за возвращение отдельным городам и населенным пунктам их прежних имен, можно сказать, стала обычным явлением, в качестве примера сошлемся на переименование городов Ленинграда в Санкт-Петербург, Куйбышева в Самара, Брежнева в Набережные Челны. Свердловска в Екатеринбург, Калинина в Тверь, Горького в Нижний Новгород, Жданова в Мариуполь, Ленинабада в Ходжент, Фрунзе в Бишкек, Ворошиловграда в Луганск, Кировабада в Гянджа, Орджоникидзе в Владикавказ, Рыбачье в Иссык-куль.

Согласно утверждению Кораблева переименование совхоза «Ермаковский» в «Аксу» и Ермаковского района в Аксуский производилось без опросов общественного мнения. Необоснованность его обвинения подтверждает интервью на-

родного депутата Республики Казахстан, председатель Ермаковского районного совета народных депутатов К. Есимханова, опубликованное в газете «Қазақ әдебиеті» в номере за 11 января 1991 г., где он говорит, что переименование совхоза и района было проведено демократическим путем на сессии местных советов с учетом пожеланий большинства их жителей. Далее, Кораблев пишет, что «в настоящее время члены городских обществ «Қазақ тілі» и «Азат» подготовили обращение к парламенту республики, в котором ходатайствуют о переименовании города Ермак в Аксу. Но в Ермаке, к сведению, проживают свыше 80 процентов русскоязычного населения, которое чтит память о первопроходце Сибири и гордится своей историей. Раздаются и призывы к сносу расположенного в центре города памятника Ермаку. А ведь он был воздвигнут на средства покорителей целины, среди которых были представители многих национальностей страны».

Читая эти строки, вспоминается казахская мудрость, гласящая: «Прежде чем что-либо сказать, надо хорошенько обдумать, ведь высказанное слово – выпущенная стрела». Для понимания основной сути доводов, высказанных выше Кораблевым, зададимся следующими вопросами.

Первый: Есть ли достоверные факты, подтверждающие, что члены городских обществ «Қазақ тілі» и «Азат» подготовили обращение к парламенту республики о переименовании города Ермак в Аксу?

Второй: Есть ли законодательное положение, обязующее учитывать при переименовании процентное соотношение его жителей по национальности?

Третий: Проводился ли в свое время предварительный опрос общественного мнения о необходимости сооружения памятника Ермака в городе Ермак?

Четвертый: Есть ли официальное решение по Павлодарской области об установлении памятника Ермаку в городе Ермаке?

Пятый: Когда принимается официальное решение о сносе какого-то памятника, принимается ли во внимание источник финансирования средств, израсходованных на его изготовление и сооружение?

На все эти вопросы можно ответить отрицательно. Здесь волей-неволей всплывает в памяти факт о том, как после подавления августовского путча 1991 г в Москве российские демократы с молниеносной быстротой снесли многотонный бронзовый памятник Ф.Э. Дзержинского в Москве.

Кораблев под властью личных амбиций для защиты «священного» имени Ермака в своей заметке, выворачивая наизнанку исторические факты, выдвигает надуманные вымыслы и доводы. И приходит к выводу о том, что Ермак является первооткрывателем павлодарского Прииртышья. Несмотря на то, что истинное имя и фамилия атамана Ермака для русских историков пока на протяжении многих веков остаются неразгаданной тайной, Кораблев величает его Василием Тимофеевичем Ермаком.

Справедливости ради еще раз следует сказать, что Ермак не является первооткрывателем павлодарского Прииртышья, поскольку он погиб в 80 км от города Тобольск в водах реки Вагая – левого притока Иртыша. Отсюда можно вычислить, что расстояние от места гибели атамана до бывшего города Ермака составляет около 1100 км. Как видим, нет ни малейшего сомнения в том, что в павлодарском Прииртышья нога Ермака никогда не ступала. Таким образом, в этом вопросе можно расставить точку над «i».

Исходя из сказанного можно заключить, что Кораблев в своей заметке не выдвинул ни одного делового довода. Разуме-

ется, думать вразрез с историческими фактами – личное дело каждого человека, но вместе с тем нельзя забывать и того положения, когда оторванное от реальности подстрекательское мнение человека появляется в открытой печати – это уже беда. Ведь в конечном счете этим могут разжечь интригу между отдельными шовинистически настроенными людьми.

И самое интересное в заметке Кораблева еще и то, что он, наводя тень на ясный день, с тонкой хитростью пишет: «А кому-то выгодно разрушить этот процесс (дружбу народов. – С.Д.), накалять обстановку в республике». Причем в конце своей заметки он трубит во весь голос: «Пора прекратить подобные действия. Добром это не кончится».

Подобный, написанный предвзято, материал, на мой взгляд, имеет цель вбивать клин между казахским и русским народами. Ведь надо учитывать и то обстоятельство, что все поколения русского народа многие века считали Ермака национальным героем, землепроходцем, предводителем походов казаков в Сибирь, положивших начало присоединению Сибири к России и ее освоению. Понятно, в таком достойном его почитании сложно будет теперь сломать у многих русских патриотов веками сложившееся всеобщее уважение к Ермаку. На этом фоне, например, если кто-то из казахов настоятельно потребует переименования улицы, города, носящего имя Ермака, или сноса его памятника, некоторые русские непременно начнут подозревать казахов в национализме.

Совершенно очевидно, что историческая объективность в оценке личности Ермака является проблемой русских историков, если он на самом деле был сыном русского народа. Такое сомнение, конечно, как было обсуждено выше, не без оснований... На мой взгляд, в этом контексте рассуждений правильно пишет член-корреспондент Национальной Академии наук Республики Казахстан Д. Кшибеков: «... сегодня ясно одно, что в

такой многонациональной стране, как наша, недопустимо говорить о памяти только одного народа, не учитывая память других народов. Надо научиться понимать, чувствовать, уважать память всех народов. Тут необходим внимательный подход, спокойный, объективный анализ происшедшего» [160, 71].

Поэтому категорическая переоценка роли Ермака с позиций исключительно прошлых колониальных взглядов царской системы не должна гарантировать историческую объективность быть чтимым как со стороны жителей павлодарского Прииртышья, так и со стороны всего казахского народа.

В 1991-1992 гг., правда, многие граждане-казахи нашей республики писали в редакцию газет, Президенту Казахстана, председателям Павлодарского областного и Ермаковско-го городского советов народных депутатов о переименовании города Ермака и сносе его памятника. Например, Жолдыбай Жумабекович Бектурсынов в своем письме, адресованном газете «Звезда Прииртышья» в 1991 г., пишет: «Прошу я русских товарищей понять меня. Как они ни хотели бы выдать в Москве памятник великому завоевателю Чингис-хану на коне с мечом, так и казахи не хотят памятника Ермаку». Эти требования трудящихся не значат, что надо их подозревать в стремлении предать забвению прошлое русского народа или опорочить его славного героя. А надо понять, что речь идет не только о переименовании просто города Ермака, но и об устранении ошибок, допущенных при царском режиме. Оно требуется во имя здравого смысла и исторической справедливости, поскольку всякое прошлое изменение первоначального названия любого географического объекта против воли местных коренных жителей – казахов – не является правомерным.

12 марта 1992 г. глава Ермаковской городской администрации В.И. Шокарев и председатель горсовета А.У. Мендыбеков по памятнику Ермака, о котором так долго говорили, можно

сказать, принимают совместное историческое решение следующего содержания: «Учитывая сложившуюся ситуацию, которая обострилась вокруг скульптуры Ермака, во избежание конфликтных ситуаций на межнациональной почве, которые могут привести к непредсказуемым последствиям, а также, исходя из неудовлетворительного технического состояния скульптуры, согласно протоколу заседания экспертного совета Павлодарской областной организации Союза художников Казахстана от 17 октября 1991 г. глава Ермаковской городской администрации и председатель городского совета решили:

1. Демонтировать скульптуру Ермака.
2. Демонтаж памятника поручить АТП–ССО «Казэнергострой», Ермаковской агрофирме и городскому коммунальному хозяйству.
3. Для обеспечения бесперебойной работы городского транспорта в рабочее время и безопасности ведения работ, демонтаж скульптуры произвести в ночь с 12 на 13 марта 1992 г.».

Это решение местных властей было выполнено в срок.

Буквально через день после сноса памятника атамана в газете города Ермака и Аксуского района «Новый путь» была опубликована статья журналиста Н. Зоркина под заголовком «Прощание с Ермаком вряд ли оправдано?».

Статья Зоркина начинается с таким вступлением: «Передо мной статья кандидата экономических наук из Экибастуза С. Джаксыбаева, опубликованная в «Казахстанской правде» (13.02.92) под заголовком: «Бывал ли Ермак в павлодарском Прииртышье?» Ничего вроде особенного – те же имена, факты, события, о которых читал и прежде. Но вот тенденциозная направленность статьи просто ошеломила. Соглашаясь, что «нога атамана Ермака никогда не ступала в павлодарское Прииртышье, автор передергивал факты, сдвигая акценты, представляя

дело так, будто появление имени Ермака на карте Казахстана – явное недоразумение».

Статья Зоркина, я бы прямо сказал, вводит также в заблуждение людей, не осведомленных в истории русского государства, поскольку её автор в подтверждение собственных аргументов, касающихся личности Ермака, не приводит ни одного конкретного, достоверного исторического факта. По сути дела его толкования в защиту Ермака больше подходят на голословное отрицание мнений русских исследователей в лице Н.М. Карамзина, Д.И. Иловайского, П.И. Небольсина, Г.Ф. Миллера, Л.Н. Толстого и других. Поэтому думается, что наверно человеку трудно отказаться от вдолбленных веками постулатов, возвеличивающих Ермака. Так, он пишет: «...Ермак – это Василий Тимофеевич Аленин, посадский человек, купец Строгановых. В начале своей трудовой деятельности сопровождал купеческие грузы, потом служил в казачьих соединениях на Дону и Волге, принимал участие в схватках со степняками, где и получил свое прозвище за неукротимый нрав в бою». Далее весь пафос его статьи построен на одностороннем возвеличивании Ермака, и он утвердительно подчеркивает: «Память об Ермаке бессмертна. В национальном сознании русского народа он остается не как завоеватель и покоритель чужих народов, а как самый великий после Ильи Муромца справедливый воин, защитник отечества. Так что шельмовать его, хихикать, ерничать едва достойно культурного человека». И он заканчивает свою статью такими обвинительными нападками: «Вместо того, чтобы благоразумно предотвратить эти абсурдные действия (о переименовании города Ермак.– С.Д.), такие авторы, как С. Джаксыбаев, по сути дела, потворствуют националистическим амбициям своими публикациями».

Из всего контекста статьи Зоркина нетрудно заметить, что он, к сожалению, не хочет признать той объективной истины,

когда русский царизм при проведении своей колониальной политики в Казахстане, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», сознательно использовал выдуманное «высокомерное сознание высшей расы» в направлении насильственной русификации. В силу этой колониальной экспансии русского царизма на территории Казахстана произошло массовое переименование многих населенных пунктов и других географических объектов на русские названия. Сегодня все здравомыслящие люди понимают, что Казахстан как суверенное государство приобрел и национальную независимость. Поэтому казахский народ, нисколько не противопоставляя себя русскому народу, стремится исправить акты произвола бывших чиновников царизма в ономастическом вопросе.

Следовательно, любое предложение представителей казахского народа о необходимости возвращения конкретным объектам их исторических названий нельзя понимать как причину разжигания искры раздора в межнациональных отношениях. К тому же, особо можно сказать о том, что как русский, так и казахский гуманизм должен стоять выше любого националистического себялюбия и подстрекательских поступков, подогреваемых со стороны отдельных недалёковидных людей.

Вокруг вопроса, какое новое имя дать городу Ермак, также шла острая общественно-политическая дискуссия среди населения области. При этом одна сторона (в большинстве казахи) выдвигала – присвоить городу исконное название этой местности «Кызыл шырпы» (красная лучина). В действительности, в карте реки Иртыш между городом Семипалатинском и Черноярскою пристанью по исследованиям 1885 г. то место, где стоит нынешний город Аксу (быв. г. Ермак), обозначено «урочище Кызыл Чирпа» [161,90]. Другая сторона (русскоязычные люди) предлагала назвать город по-русски (Вознесенск, Энергоград, Беловодск).

Заканчивая рассуждения о затронутой проблеме, хочется подчеркнуть, что в настоящее время в условиях многонационального государства Казахстан подавляющее большинство его граждан благосклонно стремится к доброжелательному взаимопониманию друг друга. Поэтому они считают, что взаимные упрёки в каком-то не существующем, кем-то выдуманном национализме в вопросах возвращения городам, селам и улицам их исконных названий или присвоения им названий по-казахски абсолютно не уместны. Более того, сегодня сознательные представители русскоязычного народа глубоко понимают, что Казахстан является и их Родиной-матерью. Поэтому сохранение в нашей республике подлинного интернационализма в межнациональных отношениях – есть жизненная необходимость для всех разноязычных людей. Понятие этой необходимости от всей души возлагает на каждого из нас высокую гражданскую ответственность не вбивать клин между народами во имя одинакового процветания и развития всех наций, проживающих в Республике Казахстан.

Литература и архивные фонды

1. Абулгази. Родословное древо тюрков. Казань, 1906.
2. Қазақ совет энциклопедиясы. Т.2. Алматы (А), 1973.
3. Краткая литературная энциклопедия. Т.1. Москва (М.), 1962.
4. Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т.4. Алма-Ата (А-А.), 1991.
5. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т.1. А-А., 1984.
6. Артықбаев Ж.О. Бұқар жырау. Он екі тарих. Қарағанды, 1994.
7. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих и киргиз-кайсацких орд и степей. Санкт-Петербург (СПб.), 1832.
8. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках. А-А., 1964.
9. Бартольд В.В. Соч., Т.5. М., 1968.
10. Государственный архив Оренбургской области. Фонд Оренбургской губернской канцелярии, оп.1, 1763, д. 71.
11. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т.4. А-А., 1985.
12. Ибрай Алтынсарин. Киргизская хрестоматия. Книга 1. Оренбург, 1878.
13. Архив Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения Академии наук России. Материалы Березина И.Н., ф. 5 оп. 2/267, № 1.
14. Казахский фольклор в собрании Потанина Г.Н. А-А., 1972.
15. Бұқар жырау Қалқаманұлы Шығармалары. А., «Мұраттас», 1962.
16. Поэты Казахстана. Ленинград (Л.), 1978.
17. Поэзия Бухар-жырау. Составил Танашев Н. А-А., 1993.

18. Бес ғасыр жырлайды. 1-шы том. А., «Жазушы», 1989.
19. Пушкин А.С. Соч. в трех томах. Т.3. М., 1986.
20. Шешендік сөздер. Құрастырған Балтабай Адамбаев. А., «Отау», 1992.
21. Тозған қазды топтанған қарға жейді. Құрастырған Балтабай Адамбаев. А., «Рауан», 1991.
22. Алим Гафуров. Имя и история. М., 1987.
23. Кеппен П. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей России. СПб., 1857.
24. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК), ф. 338, оп. 1, д. 770, связка 115.
25. ЦГА РК, ф. 374, ОП.1, д. 64, связка 2.
26. ЦГА РК, ф. 338, оп. 1, д. 859.
27. ЦГА РК, ф. 338, оп. 1, д. 101.
28. Баяндин Нұғман. Дала жұлдызы. А., 1990.
29. Ақышев Зейтін. Мейірімді адамның шапағаты // газета «Қызыл ту», 21 ноября 1990, г. Павлодар.
30. Газета «Акмолинские областные ведомости», Омск, 1873, № 18.
31. Центральный Государственный исторический архив России в Санкт-Петербурге (ЦГИА России), ф. 1265, оп. 1, д. 27.
32. Золотов Петр. Краткий исторический очерк бывшей Омской Азиатской школы//газета «Акмолинские областные ведомости». Омск, 1873, № 17.
33. Памятная книжка г. Омска и Акмолинской области на 1913 г., Омск, 1913.
34. Бекмаханов Е. Казахстан в 20-40 годы XIX века. А-А., 1992.
35. ЦГА РК, ф. 374, оп. 1, д. 565.
36. ЦГА РК, ф. 345, оп. 1, д. 1658.
37. ЦГА РК, ф. 345, оп. 1, д. 1674.

38. Киргизская степная газета. Омск, 1895, № 6-7.
39. ЦГА РК, ф. 345, оп. 1, д. 911, связка 102.
40. Центральный Государственный архив литературы и искусства в Москве, ф. 159, оп. 1, д. 179.
41. ЦГА РК, ф. 345, оп. 1, д. 1726.
42. ЦГА РК, ф. 374, оп. 1, д. 2397.
43. Сейдімбеков Акселеу. Тәттімбет//газета «Орталық Қазақстан», г. Караганда, 14 марта 1992.
44. ЦГА РК, ф. 345, оп. 1, д. 329, связка 45.
45. Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса. Т.1. СПб., 1897.
46. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. 5. А-А., 1985.
47. Литературное наследство Сибири. Т. 7. Новосибирск, 1986.
48. Журнал «Русское богатство». СПб., 1896, № 8.
49. Валиханов Ч.Ч. Соч. Под ред. Веселовского Н.И. СПб., 1904.
50. Стрелкова Н. Валиханов. ЖЗЛ. М., 1990.
51. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. СПб., 1883.
52. Письмо Г.Н. Потанина К.В. Лавровскому. Пушкинский дом в Москве, ф. 13, д. 303.
53. Газета «Акмолинские областные ведомости». Омск, 1885, № 39.
54. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. СПб., 1883.
55. Государственный архив Омской области, ф. 3, оп. 3, един. хр. 3902, связка 517.
56. ЦГА РК, ф. 209, оп. 1, д. 331, связка 16.
57. ЦГА РК, ф. 209, оп. 1, д. 296, связка 15.

58. Өтениязов Самат. Қырға шығар қақпа//газета «Қазақ әдебиеті», А., 1992, № 6.
59. Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области. Т. 1. Павлодарский уезд. Вып II. Авторское обследование 1910 г. СПб., 1913.
60. Газета «Семипалатинские областные ведомости». Семипалатинск, 1871, № 32.
61. «Семипалатинские областные ведомости». Семипалатинск. 1871 № 33.
62. «Семипалатинские областные ведомости». Семипалатинск. 1871, №37.
63. Журнал «Сельское хозяйство и лесоводство». СПб., 1883, часть 142, № 1.
64. Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. III. А-А., 1989.
65. ЦГА РК, ф. 460, оп. 1, д. 26.
66. Газета «Қазақ әдебиеті», А., 2000, № 33.
67. ЦГА РК, ф. 345, оп. 1, д. 907.
68. Адамбаев Б.А. Қазақтың шешендік сөздері. А. 1984.
69. Боздағым (қазақтың жоқтау жырлары). А., «Жазушы», 1990.
70. Шорманова М.А. Шоқанның нағашысы // Журнал «Парасат», А., 1998, № 11.
71. Записки Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества. Книга XXXII. Омск, 1906.
72. Газета «Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям», Омск, 1889, №№ 39-40; 1890, № 13.
73. Қазақ совет энциклопедиясы. Т.12. А., 1978.
74. Газета «Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям», Омск, 1889, №№ 39-41.

75. Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1, А-А., 1960.
76. ЦГА РК, ф. 338, оп. 1, д. 408.
77. Газета «Московские ведомости». М., 1833, № 76.
78. Золотов П.А. Несколько слов о Калкамане//газета «Семипалатинские областные ведомости». Семипалатинск, 1875, №№ 49-50.
79. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т.18. Киргизский край. СПб., 1903.
80. Ондасынов Н. Парсыша – қазақша түсіндірме сөздік А., «Білім», 2003.
81. Шапырашты Қазыбек бек Тауасарұлы. Түп-тұқианнан өзіме шейін. А., «Жалын», 1993.
82. Липский В.И. Григорий Силыч Карелин(1801-1872 гг.). Его жизнь и путешествия. СПб., 1905.
83. Сибирский степной подъездной путь. СПб., 1904.
84. Статистика Российской империи. Т.ХХVII, выпуск 5. Волости и населенные места 1893 года. Семипалатинская область. СПб., 1895.
85. «Горный журнал». СПб., 1896, т.2, №№ 4-6.
86. Реутовский В.С. Полезные ископаемые Сибири. СПб., 1905.
87. Журнал «Естествознание и география». М., 1905.
88. Азиатская Россия. Т.2. Земля и хозяйство. СПб., 1914.
89. «Естествознание и география». М., 1916, №№3-4.
90. Литературное наследство Сибири. Т.6, Новосибирск, 1983.
91. Памятная книжка для Тобольской губернии на 1861 и 1862 г. Тобольск, 1861.
92. Записки Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества. Книга. ХХIX. Омск, 1902.

93. Кабо Р.М. Города Западной Сибири. М., 1949.
94. Бируни и гуманитарные науки. Ташкент, 1972.
95. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. М., 1955.
96. Русская историческая библиотека. Т.VIII, СПб., 1890.
97. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.II. М.-Л., 1941.
98. Исторический архив. Т.I. М.-Л., 1936.
99. Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук, №3, 1936.
100. Юрий Крижанич. Политика. М., 1965.
101. Города Сибири. Новосибирск, 1978.
102. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск, 1990.
103. Памятники Сибирской истории XVIII века. Книга вторая. 1703-1724. СПб., 1886–5.
104. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Империя. М., «Факториал», 1998.
105. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. IV. СПб., 1876.
106. Вестник Русского географического общества. Т. 29. СПб., 1860.
107. Журнал «Известия Общества горных инженеров». СПб., 1908, № 12108.
108. Горный журнал. СПб., 1912, № 7.
109. ЦГИА России, ф. 1423. оп.1, д. 30.
110. ЦГИА России, ф. 1423. оп.1, д. 6.
111. ЦГА РК, ф. 17, оп. 1, д. 23, связка 3.
112. ЦГА РК, ф. 17, оп. 1, д. 25, связка 3.
113. Романовский Г.Д. О буровых и врубовых машинах, применяемых для горных выработок. СПб., 1901.
114. ЦГА РК, ф. 17, оп. 1, д. 12, связка 2.
115. Вестник Общества Сибирских инженеров. Томск, 1917, №№ 11-12.

116. ЦГИА России, ф. 1423. оп.1, д. 107.
117. ЦГА РК, ф.17, оп.1, д.20.
118. ЦГА РК, ф.17, оп.1, д.19.
119. ЦГИА России, ф. 1423. оп.1, д. 20.
120. Обзор сельскохозяйственной жизни заселенных районов Азиатской России. СПб., 1914.
121. Государственный архив Томской области, ф. 433, оп. 1, д. 571.
122. ЦГИА России, ф. 1423. оп.1, д. 1.
123. ЦГИА России, ф. 1423. оп.1, д. 125.
124. Устрялов Н. Именитые люди Строгановы. СПб., 1842.
125. Азиатская Россия. Т. I. СПб., 1914.
126. Сибирь в XVII веке. М., 1980.
127. Юрий Крижанич. Повествование о Сибири: Латинская рукопись XVII столетия. СПб., 1822.
128. Миллер Г.Ф. История Сибири. Книга первая. Москва–Ленинград, 1937.
129. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX //журнал «Москва», 1989, № 8.
130. Небольсин П.И. Покорение Сибири. СПб., 1894.
131. Толстой Л.Н. Сбор. соч. в двенадцати томах. Т. IX. М., 1984.
132. Небольсин П.И. Ермак. Исторический рассказ для детей, в двух частях. СПб., 1849.
133. Хомяков А.С. Ермак. Трагедия в пяти действиях, в стихах. М., 1832.
134. Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук, вып. 3. Новосибирск, 1981, № 11.
135. Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1894, № 1.

136. Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1894, № 2.
137. Сибирский сборник. Иркутск, 1887, № 1.
138. Полное собрание русских летописей. Т. 36. М., 1987.
139. Памятная книжка для русских горных людей на 1862 год. СПб., 1862.
140. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986.
141. Вопросы истории. М., 1947, № 3.
142. Русский вестник. СПб., 1889, Т. 204, № 9.
143. Записки Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества. Книга XV, вып. II. Омск, 1893.
144. Галязимов Б.И. Легенды седого Иртыша. Свердловск, 1987.
145. Алексеев М.П. Сибирь в Известиях Западно-Европейских путешественников и писателей: Т. I. XIII-XVII вв. Иркутск, 1992.
146. Русское историческое общество. Т.129. СПб., 1912.
147. Всемирная история. Т. VI. М., 1958.
148. Копылов Д.И. Ермак. Иркутск, 1989.
149. Сибирская советская энциклопедия. Т. I. Новосибирск, 1929.
150. Радищев А.Н. Полное собр. соч. Т.2. Москва-Ленинград, 1941.
151. Козыбаев М. Истина и мифы// «Казахстанская правда», 26 июля 1990.
152. Сибирские летописи. СПб., 1907.
153. Валишевский К. Иван Грозный. М., 1912.
154. Русский вестник. СПб., 1881, Т. 156, № 11.

155. Абрамов И.А. Ермак, покоритель Сибири. Чтение в обществе истории и древностей российских при Московском университете. Книга IV. М., 1867.

156. Бажов П.П. Сборник статей и воспоминаний. Молотов, 1955.

157. Покорение Сибири. Историческое исследование Павла Небольсина. СПб., 1849.

158. Бузукашвили М.И. Ермак. М., 1989.

159. Сибирские огни. Новосибирск, 1981, № 12.

160. Кшибеков Д. Единство судеб. Заметки ученого. А-А., 1988.

161. Чернышев М. С. Иртыш. Гидрографическо-навигационный очерк. СПб., 1887.

Содержание

Гомер казахского народа.....	5
Муса Шорманов.....	46
Сведения, данные А.К. Гейнсу Мусой Шормановым	101
О скотоводстве у киргиз западной Сибири	111
О скачках в степи.....	123
Открытие Баян-Аульского округа	131
Целебное озеро	143
Озеро Ямышево	155
Н.И. Трушков и Экибастуз.....	180
Кем был Ермак?	197
Литература и архивные фонды.....	231

Текст издания дается в авторской редакции

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Научно- популярное издание
Серик Имантаевич Джаксыбаев
Записки краеведа

Оператор компьютерной верстки **Киселева И.С.**
Корректор Загравская Н.

Подписано в печать 10.09.2008. Формат 60х84 1/16. Бумага глянц.
Гарнитура Times New Roman. Объем в усл. печ. лист. 14.
Объем в уч. изд. лист 11,8. Печать офсетная. Тираж 500 экз.
Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного диапозитива
ТОО НПФ «ЭКО», г. Павлодар, ул. 29 ноября, 2, Тел. (3182) 32-16-08